

Вестник Московского университета

ISSN 2074-6636

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

*Основан
в 1946 году*

Серия 22

теория перевода

2 / 2018

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 22 ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

Издательство Московского университета

№ 2 • 2018 • АПРЕЛЬ–ИЮНЬ

Выходит один раз в три месяца

Содержание

Методология перевода

- Александрова Е.М.* Гибридная игра как семиотико-людическая модель перевода каламбура: стратегии, тактики, преобразования 3
- Гу Хонфэй, Ганапольская Е.В.* Сравнение стратегий перевода профессионального и непрофессионального переводчиков при устном переводе с китайского языка на русский 22
- Марусенко Н.М., Скребцова Т.Г.* Как избежать прошлого? (об особенностях перевода романа Дж. Харрис «Джентльмены и игроки» на русский язык) 38
- Егорова Ю.В., Труханова Е.В.* Трудности перевода: нормально или обычно? 50
- Миньяр-Белоручева А.П., Княжинская Е.В.* Перевод номенклатурных образований эпохи революций в произведениях английских и американских писателей 62
- Юань Мяосюй.* Уступительность в романе Цянь Чжуншу «Осаждённая Крепость» и её выражение в русском переводе 73

История перевода и переводческих учений

- Алевич А.В.* Перевод с прозы в двух отдѣленіяхъ и пяти пѣсняхъ: «Потерянный рай» Елизаветы Жадовской 86

Лингвистические и культурологические аспекты перевода

- Головановская М.К.* Абстрактное и конкретное в изучении национальных менталитетов 97

Лингводидактика и дидактика перевода

- Торсуков Е.Г., Авуза А.А.* Формы суггестии как средство оптимизации учебного процесса 118

Contents

Translation Methodology

<i>Aleksandrova Ye.M.</i> Hybrid Game as a Semiotico-Ludical Model of Pun Translation: Strategies, Tactics, Transformations.	3
<i>Gu Hong-fei, Ganapolskaya Ye.V.</i> Comparison of Interpretation Strategies Used by Professional and Non-Professional Interpreters in Interpretation From Chinese into Russian	22
<i>Marusenko N.M., Skrebtsova T.G.</i> How to Avoid the Past? A Case Study of the Russian Translation of the Novel <i>Gentlemen and Players</i> by Joanne Harris	38
<i>Yegorova Yu.V., Trukhtanova Ye.V.</i> Translation Difficulties: Normal or Usual?	50
<i>Minyar-Beloruicheva A.P. Knyazhinskaya Ye.V.</i> Translation of Russian Revolutionary Nomina in the Works of English and American Writers	62
<i>Yuan Miao Xu.</i> Concession in Qian Zhongshu's Novel <i>Fortress Besieged</i> and Its Re-expression in Russian Translation.	73

History of Translation and Translation Schools

<i>Alevich A.V.</i> Translation from Prose in Two Acts and Five Chapters: <i>Paradise Lost</i> by Yelizaveta Zhadovskaya	86
--	----

Linguistic and Culturological Aspects of Translation

<i>Golovanivskaya M.K.</i> Abstract and Concrete in the Study of National Mentalities	97
---	----

Linguodidactics and Didactics of Translation

<i>Torsukov Ye.G., Avuza A.A.</i> Forms of Suggestion as a Means of Optimizing the Learning Process	118
---	-----

МЕТОДОЛОГИЯ ПЕРЕВОДА

Е.М. Александрова,

кандидат филологических наук, доцент Центра лингвистики и профессиональной коммуникации ИПиНБ, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; e-mail: elena_751@mail.ru

ГИБРИДНАЯ ИГРА КАК СЕМИОТИКО-ЛЮДИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПЕРЕВОДА КАЛАМБУРА: СТРАТЕГИИ, ТАКТИКИ, ПРЕОБРАЗОВАНИЯ

В свете семиотико-людического подхода перевод каламбура предстаёт как гибридная игра, заключающаяся в том, что переводчик не только осуществляет посредничество между языками, но и занимается лингвокреативной деятельностью в переводящем языке. В ходе сопоставительного анализа оригиналов и переводов языковой игры, представленной в текстах жанра анекдота в аудиовизуальных произведениях, а также переводческого эксперимента выявляются стратегии, тактики и преобразования, используемые при переводе каламбура. Автор статьи приходит к выводу, что наиболее релевантной стратегией при переводе каламбура является квазиперевод, а также выявляет особый тип переводческой деформации – каламбуризации, которая предполагает использование таких преобразований, как межъязыковая паронимизация, идиоматизация и деокказионализация.

Ключевые слова: языковая игра, каламбур, семиотико-людическая модель перевода, гибридная игра, квазиперевод, каламбуризация, межъязыковая паронимизация, идиоматизация и деокказионализация.

1. Постановка проблемы

Случаи использования языковой игры в межъязыковых коммуникативных актах с переводческим посредничеством получают в современной коммуникации всё большее распространение. При передаче языковой игры переводчик зачастую сталкивается с очень сложными, а иногда и неразрешимыми на первый взгляд задачами. В этой ситуации вряд ли возможно предложить единый рецепт, поскольку каждый случай языковой игры по-своему интересен и уникален. Зачастую у переводчика возникают проблемы, связанные не только с передачей языковой игры, но и с её правильной интерпретацией, кроме того, иногда переводчики могут увидеть языковую игру там, где её нет. Вопрос о переводе языковой игры интересует учёных уже давно, при этом работы, посвящённые данной проблеме, немногочисленны, поскольку тема выглядит в ряде случаев не

только неоднозначной, но и бесперспективной — как переводить то, что в большинстве случаев считается «непереводимым». Основная часть работ как отечественных, так и зарубежных учёных, в которых исследуется специфика перевода языковой игры, сконцентрирована вокруг произведений Уильяма Шекспира, Льюиса Кэрролла, а также Джеймса Джойса. Проблема перевода языковой игры также затрагивается в исследованиях, посвящённых переводу аудиовизуальных произведений. Как в отечественных, так и в зарубежных исследованиях в основном обозначаются проблемы, с которыми сталкивается переводчик, предлагаются, описываются и анализируются переводческие решения, осуществляется сравнительный анализ нескольких вариантов перевода одного и того же произведения и т.д. Нерешённым остаётся вопрос о возможности использования структурного подхода к определению модели, стратегий, тактик и приёмов перевода языковой игры. Кроме того, основная часть работ ограничена изучением языковой игры, вовлечённой в широкий контекст, которая в случае невозможности передачи её в одном месте произведения может быть компенсирована в другом. Проблема перевода языковой игры, ограниченной контекстом малоформатного жанра анекдота, затрагивается, к примеру, в работах венгерского учёного [Лендвай 2001; Lendvai 1993], посвящённых проблеме перевода анекдотов советской эпохи. Тем не менее, языковая игра в анекдоте представляет большой интерес, что связано прежде всего с возрождением и популяризацией жанра, а также с тем фактом, что малоформатный жанр налагает на переводчика дополнительные ограничения, не позволяя просто опустить языковую игру или компенсировать её опущение, воспроизведя в другой части произведения.

Следует отметить, что далеко не каждый случай языковой игры представляет собой переводческую проблему. Использование положений структурно-семиотического подхода к интерпретации языковой игры позволило выделить в её структуре «ядро», представляющее собой системную связь взаимозависимых и взаимопределяемых знаков, связанных между собой семантически и/или синтаксически, и «среду» — минимальную, единую в смысловом отношении часть текста, позволяющую реализовать языковую игру и установить её смысл [Александрова, 2015: 16]. Рассмотрение языковой игры в свете семиотики, где она предстаёт как использование полифункциональности, подвижности и изменчивости знаков языковой личностью для привлечения внимания адресата к вновь созданным языковым формам, раскрывающим лингвоигровой потенциал знака при помощи изменения его синтагматического и/или

парадигматического окружения, направленное на реализацию таких характеристик знака, как его неоднозначность и/или несовместимость (несочетаемость) с другими знаками с целью достижения определённого эффекта, чаще всего комического, позволило создать типологию переводимости языковой игры. Данная типология обусловлена рядом факторов, а именно: типологией языковой игры, в основе которой лежат типы взаимодействия знаков и типы знаков; структурными особенностями языковой игры (однослойностью, многослойностью); использованием реалий и имён собственных в качестве знаков; совпадением лингвоигрового потенциала¹ знаков, используемых для создания языковой игры в исходном языке (далее – ИЯ) и их соответствий в переводящем языке (далее – ПЯ); сходством лексических и грамматических показателей ИЯ и ПЯ и т.д.

Анализ 1404 случаев языковой игры (492 рус., 495 англ., 417 фр.), представленной в текстах жанра анекдота, позволил выделить: 1) языковую игру низкой переводческой сложности; 2) языковую игру средней переводческой сложности; 3) языковую игру высокой переводческой сложности, зачастую относимую к «непереводимой». Не составляет особой сложности при переводе языковая игра, основанная на линейной и крестообразной неконгруэнтности, не осложнённой использованием омонимов, паронимов, полисемантов и фразеологических единиц (далее – ФЕ), а также языковая игра, основанная на прагматической двусмысленности и синтаксической двусмысленности, связанной с обыгрыванием анафорического отношения. К случаям средней переводческой сложности отнесена языковая игра, основанная на семантической двусмысленности, связанной с использованием тропов, а также случаи использования в языковой игре окказионализмов. К высокой переводческой сложности отнесены случаи использования полисемантов, соответствия которых в ПЯ не имеют одного или нескольких значений, обыгрываемых в ИЯ, омонимов, паронимов, а также ФЕ, не имеющих в ПЯ прямых соответствий². Было выявлено, что многослойность, отсутствие в ПЯ соответствий с аналогичным лингвоигровым потенциалом, использование реалий и имён собственных, имеющих денотат, как правило, осложняет перевод языковой игры, в то время как использование имён собственных, не имеющих денотата, а также интернационализмов, как правило, упрощает переводческую задачу.

---

¹ Под лингвоигровым потенциалом подразумевается способность знака быть использованным для создания языковой игры.

² Для обозначения данных типов языковой игры далее в статье используется термин «каламбур».

2. Теоретическое описание модели перевода языковой игры

Семиотико-людическая модель перевода языковой игры

При описании процесса перевода языковой игры, необходимого как для исследования процесса перевода, так и для более глубокого изучения феномена языковой игры, вопрос об определении **модели перевода** возникает одним из первых.

Под термином «модель перевода» в рамках данной статьи понимается «условное отображение процедуры осуществления процесса перевода, некое гипотетическое построение, отображающее основные этапы переводческого процесса и тех действий, которые характеризуют поведение переводчика на каждом этапе» [Базылев, Раренко, 2010: 103–105]. В настоящее время известно большое число моделей перевода. В.Н. Базылев и М.Б. Раренко отмечают, что среди моделей перевода наиболее распространены следующие: аналитическая, герменевтическая, денотативная, интерпретативная, когнитивная, коммуникативная, контекстная, контрастивная, психолингвистическая, семантическая, семиотическая, синергетическая, трансформационная, трансформационно-семантическая, эквивалентная, а также модель опосредованного перевода [Там же].

Для описания процесса перевода языковой игры наиболее продуктивной оказывается *семиотическая модель* перевода, разработанная Н.К. Гарбовским [Гарбовский, 2004], которая позволяет дать наиболее подробное описание как феномена языковой игры, так и процесса и результата её перевода, а также переводческой деятельности, и *людическая модель* художественного перевода, предложенная Е.Ю. Куницыной, где перевод рассматривается как игра [Куницына, 2011].

Использование семиотической и людической моделей в отношении перевода языковой игры позволяет дать полноценное и наиболее отвечающее требованиям современной лингвистики описание специфики перевода рассматриваемого феномена.

Семиотическая модель перевода наиболее полно и подробно описывается Н.К. Гарбовским. «Семиотический подход, который определяет перевод как сложную интерпретирующую систему, т.е. системную деятельность, способную интерпретировать знаки одной семиотической системы знаками другой, и тем самым располагает перевод всецело в русле семиотики» [Гарбовский, 2004: 243].

Предлагаемая Е.Ю. Куницыной людическая теория художественного перевода построена на базе положений философии игры Х.-Г. Гадамера, И. Канта, Й. Хёйзинги, Р. Кайуа, математической

теории игр Дж. фон Неймана и О. Моргенштерна, теоретико-игровой семантики Я. Хинтикки [Куницына, 2011: 8]. Е.Ю. Куницына отмечает: «В основании новой теории лежит тезис: «Художественный перевод есть игра». Игра определяет онтологию художественного перевода как процесса и результата. Таким образом, игра перевода обладает двойным онтологическим статусом: игра – способ бытия перевода как творческой деятельности; игра – способ бытия перевода как духовного продукта творчества» [Там же]. В работе Э.Н. Мишкурова перевод рассматривается как семиотико-интерпретационная языковая игра: «Перевод различных типов, жанров и форм языковых игр сам по себе является своеобразной разновидностью речевой деятельности, представляющей собой уникальную феноменологическую семиотико-интерпретационную языковую игру» [Мишкуров, 2012: 10].

В объединённой семиотико-людинческой модели перевод языковой игры предстаёт как игра со знаками, составляющими её ядро, осуществляемая по двум основным направлениям: 1) между семиотическими системами двух языков ИЯ и ПЯ; 2) внутри семиотической системы ПЯ.

Многообразии направлений зависит от многообразия типов перевода. В ряде случаев в **кинопереводе** добавляется ещё одно направление – между семиотическими системами устного и письменного текстов при выполнении субтитрованного перевода, когда происходит замена аудиоряда в ИЯ субтитрами в ПЯ. Ещё одно направление возникает при **переводе креолизованного текста** некреолизованным, когда изображение в ИЯ заменяется текстом в ПЯ.

Таким образом, **языковая игра** представляет собой *внутрисистемную (внутрикодovou)* игру знаков; **перевод** представляет собой *межсистемную (межкодovou)* игру со знаками ИЯ и ПЯ. **Перевод языковой игры**, таким образом, представляет собой как минимум двойную *игру* как со знаками между системами ИЯ и ПЯ, так и внутри системы ПЯ, когда осуществляется как «межъязыковая», так и «внутриязыковая транспозиция» знаков (в терминологии Р. Якобсона [Якобсон, 1978: 24]).

Субтитрованный перевод аудиовизуального продукта представляет собой *межсистемную (устно-письменную)* игру, а некреолизованный перевод креолизованного текста представляет собой *межсистемную (вербально-невербальную)* игру. Субтитрованный перевод аудиовизуального продукта, содержащего языковую игру, представляет собой тройную игру, так же как и некреолизованный перевод креолизованного текста, содержащего языковую игру.

Гибридная игра как семиотико-людическая модель перевода каламбура

Специфика перевода каламбура вызывает особый интерес, так как зачастую именно это явление относят к «непереводимому». Было выявлено, что языковая игра с использованием омонимов, паронимов, полисемантов и ФЕ составляет 51% в русской традиции, 61% в английской и 66% во французской. Следует отметить, что языковая игра, связанная с использованием полисемантов, соответствия которых имеют в ПЯ значения, аналогичные обыгрываемым в ИЯ, а также ФЕ, имеющих прямые соответствия в ПЯ, в большинстве случаев не вызывает особых сложностей при переводе. В то же время языковая игра, связанная с использованием омонимов и паронимов, которая составляет 18% в русской традиции, 44% в английской и 44% во французской, как правило, оказывается для переводчика непростой задачей, так же как и случаи использования полисемантов, не имеющих в ПЯ соответствий с аналогичным набором значений, и ФЕ, не имеющих в ПЯ прямых соответствий.

В свете **семиотико-людического подхода** перевод каламбура предстаёт как **гибридная игра** (по аналогии с термином «гибридная война»), которая заключается в том, что переводчик не только осуществляет посредничество между ИЯ и ПЯ, связанное с использованием традиционных переводческих инструментов, но и занимается лингвокреативной деятельностью в ПЯ. Таким образом, переводчик не только и не столько осуществляет передачу языковой игры, представленной в ИЯ, сколько создаёт новую.

Гибридная игра предполагает комплексное взаимодействие двух типов игры: межсемиотической и внутрисемиотической. **Межсемиотическая игра** связана с поиском в ПЯ знаков, обладающих аналогичным лингвоигровым потенциалом, что и знаки, использованные для создания языковой игры в ИЯ. **Внутрисемиотическая игра** по сути представляет собой создание в ПЯ новой языковой игры, связанной с использованием знаков, отобранных в ходе межсемиотической игры.

По определению Е.Ю. Куницыной, «переводческий дискурс представляет собой метаигру для игры перевода. Метаигра, результатом которой является «набор правил» для другой игры, воплощается в переводческом дискурсе как набор принципов и стратегий, которыми руководствовался тот или иной переводчик и которые могут служить ориентиром для других переводчиков. Переводчик как ключевой игрок в игре-переводе может выступать также в роли метаигрока» [Куницына, 2011: 8].

При изучении проблемы перевода каламбура были выделены такие составляющие метаигры, как стратегии, тактики, операции и преобразования.

3. Переводческий эксперимент и сопоставительное исследование оригиналов и переводов языковой игры

Стратегии перевода каламбура

При описании термина «стратегия» мы опираемся на основополагающую работу Н.К. Гарбовского, в которой под термином «**стратегия перевода**» понимается осознание конечной цели перевода и выбор в соответствии с этой целью определённой генеральной линии поведения, то есть стратегии преобразования исходного текста [Гарбовский, 2004: 508]. Аналогичным образом стратегия перевода трактуется в диссертационном исследовании В.В. Сдобникова, посвящённом изучению понятий стратегии, тактики, операции, приёма и др.: «Стратегия перевода – это общая программа осуществления переводческой деятельности в условиях определённой коммуникативной ситуации двуязычной коммуникации, определяемая специфическими особенностями данной ситуации и целью перевода и, в свою очередь, определяющая характер профессионального поведения переводчика в рамках данной коммуникативной ситуации» [Сдобников, 2015: 156]. В качестве основных компонентов стратегии В.В. Сдобников выделяет ориентирование в ситуации, формулирование цели, прогнозирование и планирование [Там же].

В качестве основных стратегий перевода каламбура используются **опущение** и **компенсация**, а также прагматические преобразования на уровне текста: **буквальный перевод** (с комментарием или без комментария), **перевод-изложение**, и прагматически обусловленные: **вольный перевод** и **адекватный «квазиэквивалентный» перевод** (далее – **квазиперевод**), предполагающий в первую очередь сохранение прагматической направленности, а также воспроизведение (по возможности наибольшего количества) семантических и синтаксических характеристик каламбура.

Для того чтобы выявить особенности использования указанных стратегий при переводе каламбура, было проведено исследование на материале анекдотов, представленных в художественных и мультипликационных фильмах (20 англ., 1 фр., 1 рус.), и их дублированных, а также субтитрованных переводов³. Всего было рассмот-

---

³ Материалом исследования послужили следующие фильмы и их переводы: “Desperately Seeking Susan” 1985; “Jurassic Park” 1993; “Pulp fiction” 1994; “The

рено 29 оригиналов и более 60 переводов, таким образом, было сопоставлено более 90 текстов.

Было выявлено, что случаи языковой игры, относимой к «непереводимой», составляют 62% (18 примеров), языковая игра с использованием омонимов и паронимов составляет 48% (14 примеров). Большое количество каламбуров, возможно, обусловлено тем, что примеры были найдены преимущественно в произведениях на английском языке (90%), который, как известно, богат омонимами и паронимами, а также тем фактом, что омонимичные и паронимичные каламбуры очень популярны в англоязычной культуре.

Большинство случаев использования полисемантов и ФЕ не составили труда ни для русских, ни для французских переводчиков, в то время как перевод языковой игры с использованием омонимов и паронимов вызвал значительные сложности. В русской традиции в девяти случаях из четырнадцати был использован буквальный перевод, то есть не были сохранены ни языковая игра, ни комический эффект, в трёх случаях переводчики предпочли вольный перевод, по сути, использовав другой анекдот, существующий в культуре ПЯ. Во французской традиции в девяти случаях был использован вольный перевод, в одном случае – буквальный, в одном случае использовано опущение. Передать каламбур русские переводчики попытались в двух случаях (14%): 1) ИЯ (англ.) *Norma Lee (normally)* / ПЯ (рус.) *Норма Ли (норма ли)*; 2) ИЯ (англ.) *Afro-Turf* / ПЯ (рус.) *чернозём*; французские – в трёх случаях (21%): 1) ИЯ (англ.) *catch up (ketchup)* / ПЯ (фр.) *press* (Р.Р. от *presser* (1) торопиться, 2) выжимать)); 2) ИЯ (англ.) *Jimmy (give me), Joe (go)* / ПЯ (фр.) *Tom-moi (donne-moi), Eva (et va)*; 3) ИЯ (англ.) *With fronds (friends) like these, who need anemones (enemies)* // ПЯ (фр.) *A Marin, Marin (marrant) ennemi*.

Полученные результаты говорят о том, что языковая игра с использованием омонимов и паронимов не только является популярным средством создания комического эффекта в кино и мультипликационных фильмах, но и в большинстве случаев создаёт непреодолимые проблемы для переводчиков. При этом в русской и французской традициях можно отметить разные подходы к переводу «непереводимого»: если русские переводчики отдают предпочтение буквальному переводу, то французские чаще предлагают вольный перевод.

Crow” 1994; “Ransom” 1996; “The Boondock Saints” 1999; “What Women Want” 2000; “28 Days Later” 2002; “Finding Nemo” 2003; “Undertow” 2004; “Guess who” 2005; “The break-up” 2006; “The Pursuit Of Happiness” 2006; “Brothers” 2009; “Easy A” 2010; “Untouchables” 2011; “Transit” 2012; «Солнечный удар» 2014; “Left Behind” 2014; “True detective” 2014; “Wayward Pines” 2015; “Better Call Saul” 2015.

При переводе «непереводимого» опытные переводчики зачастую прибегают к тем же крайностям, которые свойственны начинающим переводчикам, сначала они пытаются перевести языковую игру буквально, затем, увидев, что ничего не получается, прибегают к вольному переводу, настолько вольному, что зачастую от оригинала ничего не остаётся, поскольку переводчики выходят за рамки перевода. Все вышесказанное ещё раз подтверждает, что перевод «каламбура» — сложная задача. В ходе исследования было выявлено, что при переводе каламбура, вовлечённого в контекст анекдота, могут быть использованы буквальный перевод без комментария, буквальный перевод с комментарием, перевод-изложение, вольный перевод и квазиперевод, в то время как опущение и компенсация, используемые в широком контексте, — не характерны. Приведём примеры реализации указанных стратегий.

Буквальный перевод без комментария

Выбор данной стратегии — далеко не редкий случай в практике перевода художественных фильмов с английского языка на русский. Приведём пример из фильма «Ransom» («Выкуп») 1996:

ИЯ (англ.) — *So, why can't you starve in the desert?*

— *'Cause of all the sandwiches there⁴.*

ПЯ (рус.) — *Почему нельзя умереть от голода в пустыне?*

— *Потому что там куча сэндвичей⁵.*

В оригинале представлена языковая игра, связанная с использованием омонимии существительного *sandwiches* и выражения *sand which is*. В качестве возможного варианта перевода можно предложить следующий текст:

— *Почему нельзя умереть от голода в Гамбурге?*

— *Потому что там много гамбургеров* (перевод мой. — Е.А.).

Аналогичным образом данный пример можно перевести и на французский язык, используя существительные *hamburger* (гамбургер) и *Hambourg* (Гамбург) или *hambourgeois* (гамбуржец), изменив его написание и сделав отсылку к слову гамбургер *hambourgers*:

— *Pourquoi il est impossible de mourir à Hambourg?*

— *Parce que là il y a beaucoup de hambourgers* (перевод мой. — Е.А.).

Буквальный перевод с комментарием

Проблеме непереводимости, а именно восприятия, декодирования и рекодирования английского юмора, посвящена одна из

---

⁴ Opensubtitles. — URL: <https://www.opensubtitles.org/en/subtitles/18748/ransom-en> (21.03.2014).

⁵ Opensubtitles. — URL: <https://www.opensubtitles.org/ru/search/sublanguageid-all/idmovie-4611> (March 21.2014).

телевизионных передач Первого канала «Англия в общем и в частности. 7 серия. Улыбка англичанина. Путешествия Познера и Урганта» (2015). Ведущие передачи приводят «шутку о Папе Римском, который приехал с визитом в Ливерпуль. К нему подходит человек и говорит: “Святой отец, не могли бы вы благословить меня на слушания?” И папа закрывает уши и начинает молиться: “Во имя отца и сына и святого духа, аминь”. И спрашивает: “Ну что, улучшился ли ваш слух?” На что ливерпулец ему отвечает: “Я не знаю, слушание будет только на следующей неделе”»⁶ (выделено мной. — Е.А.). Ведущие телепередачи соглашаются, что «игру слов перевести невозможно и что приходится объяснять юмор, а это совершенно смертельное дело»⁷. Затем ведущие делают комментарий: «Слово *hearing* в английском языке имеет два значения — *слух* и *слушания*, так что, когда ливерпулец просит папу помочь с его *hearing*, он имеет в виду предстоящее в суде *слушание*, а Папа считает, что у бедного ливерпульца плоховато со *слухом*»⁸ (курсив мой. — Е.А.).

Перевод-изложение

В качестве примера можно привести следующий текст:

*Жил-был в Париже самый обычный еврей. Он жил во французском квартале и поэтому совсем «офранцузился», перестал исполнять субботу, праздники забыл, в общем — француз французом. И только одно напоминало о его национальности — его фамилия: Кацман. Самая обычная фамилия. И решил еврей сменить свою фамилию, раз только она от его национальности осталась — просто перевести её на французский язык. Кац — по-еврейски «кошка» — по-французски будет «ша» (*chat*), ман — по-еврейски «человек» — по-французски будет «лом» (*l'homme*). Вместо Кацман получилось Шалом — от судьбы не уйдёшь»⁹.*

Вольный перевод

Вольный перевод использован для передачи каламбура, представленного в мультипликационном фильме «Finding Nemo» («В поисках Немо») 2003. В начале фильма персонаж начинает рассказывать следующий анекдот: «*There was a mollusk and a sea cucumber.*

---

⁶ Itv.ru. — URL: <http://www.itv.ru/shows/puteshestviya-urganta-i-poznera/angliya-v-obshemvchastnosti/angliya-v-obshem-i-v-chastnosti-7-seriya-ulybka-anglichanina> (March 12.2016).

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Anekdot.ru. — URL: <https://www.anekdot.ru/id/-512300052/> (March 12.2017).

The sea cucumber walks over to the mollusk and says», затем рассказ прерывается, и финальная реплика произносится только в конце фильма: «*so the sea cucumber turns to the mollusk and says “With fronds like these, who need anemones?”*»¹⁰. В данном примере для создания языковой игры используется аллюзия к поговорке “with friends like these, who needs enemies” (рус. «с такими друзьями и враги не нужны»), где вместо существительных *friends* и *enemies* используются существительные *frond* [frɒnd] (листовидное расширение, встречающееся в некоторых животных организмах) и *anemone* [əˈnɛməni] (анемон, ветреница). При создании языковой игры задействуются паронимические пары *friends/fronds* и *enemies/anemonies*. Представленные в оригинале слова заменяются терминами, относящимися к морской среде.

Безусловно, данный случай языковой игры является непростой задачей для переводчика. Р.А. Матасов отмечает: «Межъязыковая, а вернее — межкультурная, передача юмора ставит перед переводчиком ряд весьма специфических проблем» [Матасов, 2009: 70]. Были найдены следующие варианты переводов финальной фразы анекдота: «*И тогда моллюск подумал и говорит морскому огурцу: “А ты только на закуску и годишься”*»¹¹ (дубляж); «*Морской огурец посмотрел на моллюска и говорит: “Ты жжёшься почище анемон”*»¹² (субтитры). В обоих случаях переводчики используют вольный перевод. Вольный перевод принято относить к прагматически обусловленным преобразованиям, но в случае с языковым анекдотом прагматическое соответствие достигается не всегда. При переводе каламбура вольный перевод может быть как прагматически обусловленным, когда комический эффект при переводе сохраняется в отличие от семантических и синтаксических характеристик текста, так и прагматически необусловленным, когда в переводе остаётся лишь набор бессвязных фраз, и в таких случаях, как правило, уже сложно вести речь о переводе.

Квазиперевод

Квазиперевод предполагает в первую очередь сохранение прагматической направленности, а также воспроизведение (по возможности наибольшего количества) семантических и синтаксических

---

¹⁰ Opensubtitles.co. — URL: <https://opensubtitles.co/Finding-Nemo-2003-Subtitles> (December 12.2017).

¹¹ Baskino.co. — URL: <http://baskino.co/films/komedii/206-v-poiskah-nemo.html> (December 12.2017).

¹² Filmatika.ru. — URL: http://filmatika.ru/english_cartoons/v-poiskax-nemo (December 12.2017).

характеристик каламбура. Как правило, при переводе удаётся передать только один из знаков ядра.

Приводимый выше каламбур французскому переводчику удалось перевести с английского языка следующим образом: *Et le concombre de mer le réponde: "A Marin, Marin ennemi!"*¹³. В данном случае языковая игра строится на использовании аналогии звучания существительного *marin* (моряк; матрос, ирон. неопытный моряк) и прилагательного *marrant* (смешной, забавный). И хотя пословица, использованная в оригинале, имеет во французском языке соответствие, содержащее рифму: *"Avec tels amis on n'as pas besoin d'ennemis"*¹⁴, которое можно было бы использовать, переводчик решает сохранить языковую игру и создаёт новую ФЕ, сохраняя прагматику и некоторые компоненты семантики высказывания, а именно, передавая при переводе один из знаков ИЯ (англ.) *anemones/enemies* // ПЯ (фр.) *marin/marrant (ennemi)*. Квазиперевод, таким образом, оказывается наиболее релевантной стратегией.

При переводе английского каламбура на русский язык было выявлено, что соответствие «с такими друзьями и враги не нужны» не имеет необходимого лингвоигрового потенциала для создания языковой игры в ПЯ. Для того чтобы осуществить перевод, необходимо подобрать пословицу, которая позволяет языковую игру, напр., «Друг познаётся в беде», где возможна замена существительного *беда* существительным *вода*: «Друг познаётся в *воде*». В этом случае сохраняется общая тематика высказывания в ПЯ, а также связь языкового анекдота с общим контекстом, что является немаловажным, поскольку данная фраза используется в финале и подводит своего рода итог событиям, описываемым в фильме.

Тактики «квазиперевода»

В большинстве случаев, говоря о непереводимости, учёные имеют в виду невозможность передать без потерь все компоненты языковой игры. Н.К. Гарбовский отмечает: «Перевод – это постоянное жертвоприношение, вопрос лишь в том, что оказывается жертвой и во имя чего эта жертва приносится» [Гарбовский, 2004: 508].

В случае с каламбуром данный вопрос звучит особенно остро.

В ходе сопоставительного анализа оригиналов и переводов, а также переводческого эксперимента, направленного на выявление

---

¹³ Yifysubtitles.com. – URL: <https://www.yifysubtitles.com/subtitles/finding-nemo-french-yify-34295> (December 12.2017).

¹⁴ Mediapart.fr. – URL: <https://blogs.mediapart.fr/edition/palestine/article/221215/avec-de-tels-amispas-besoin-dennemis> (December 14.2017).

тактик и преобразований, характерных для перевода каламбура, проведённого на материале анекдотов, отобранных методом вероятностной (случайной) выборки из более чем 800 примеров языковой игры на русском, английском и французском языках, были выявлены основные переводческие тактики.

Под *тактиками* исследователи понимают отдельные мыслительные операции, которые осуществляет переводчик. В.В. Сдобников определяет тактику перевода как «системно организованную совокупность переводческих операций, используемых для решения определённой задачи с учётом избранной стратегии перевода» [Сдобников, 2015: 164]. Автор отмечает, что набор тактик в разных коммуникативных ситуациях может быть неодинаковым даже при реализации одной и той же стратегии перевода [Там же: 445].

Для реализации стратегии «квазиперевода» предполагается использование тактик, направленных на сохранение прагматических, а также (по возможности наибольшего количества) семантических и синтаксических характеристик оригинала. Исследование показало, что основными тактиками, используемыми для реализации стратегии «квазиперевода» каламбура, являются:

1) тактика воспроизведения прагматической направленности (напр., вызвать смех, разрядить напряжённость и т.д.);

2) тактика воспроизведения «коммуникативной тональности», которая представляет собой «эмоционально-стилевой формат общения, возникающий в процессе взаимовлияния коммуникантов и определяющий их меняющиеся установки и выбор всех средств общения» [Карасик, 2017: 34] (напр., шутливая, идеологическая, фасцинативная, агрессивная, манипулятивная и т.д. [Там же]);

3) тактика сохранения одного из знаков ядра;

4) тактика сохранения среды (минимальное окружение знаков, позволяющее реализовать языковую игру);

5) тактика сохранения двусмысленности как семантической основы каламбура;

6) тактика сохранения контекста;

7) тактика сохранения когезивности ядра, среды и контекста языковой игры;

8) тактика сохранения описываемой ситуации;

9) тактика сохранения актантной модели;

10) тактика сохранения способа описания ситуации;

11) тактика сохранения внешней композиционной структуры текста и т.д.

Набор тактик может быть неодинаковым, при этом чем больше вышеуказанных тактик удастся реализовать при переводе, тем ка-

чественнее получается перевод. Следует отметить, что одними из наиболее важных оказываются тактики, направленные на сохранение одного из знаков ядра языковой игры (как правило, при переводе каламбура сохранить оба знака не представляется возможным), а также сохранение двусмысленности, являющейся неотъемлемой характеристикой каламбура, от результата применения которых зависит порядок и логика реализации всех остальных тактик.

Операции

При описании данного термина мы опираемся на определение, предлагаемое В.В. Сдобниковым, где операция рассматривается как «любое действие переводчика, направленное на выбор средств ПЯ с целью создания перевода» [Сдобников, 2015: 162]. «Переводческие операции включают два вида действий: приёмы перевода (при наличии переводческих проблем) и использование соответствий (если проблемы отсутствуют)» [Там же].

Для реализации тактик, направленных на сохранение одного из знаков ядра языковой игры и двусмысленности, могут быть использованы как **операции**, предполагающие использование переводческих **соответствий**, напр., ИЯ (англ.) *interest* (1) проценты, 2) интерес) // ПЯ (рус.) *проценты* (про центы), (фр.) *intérêt* (1) проценты, 2) интерес), так и операции, связанные с использованием переводческих **приёмов**, или **преобразований**.

В случае с переводом каламбура использование преобразований приобретает решающее значение, так как данное явление уже само по себе является переводческой проблемой.

Преобразования

Согласно определению, предлагаемому Н.К. Гарбовским, «все межъязыковые преобразования, совершаемые в процессе перевода, могут быть определены как трансформации либо как деформации» [Гарбовский, 2004: 358].

При квазипереводке каламбура преобразования в большинстве случаев касаются только того знака, который можно сохранить в ПЯ. Анализ имеющихся и специально выполненных переводов каламбуров показал, что для знака, сохраняемого в ПЯ, используются как трансформационные, так и деформационные преобразования.

Были выявлены случаи использования следующих **трансформаций** («процесс перевода, в ходе которого система смыслов, заключённая в речевых формах исходного текста, воспринятая и понята переводчиком в силу его компетентности, трансформируется есте-

ственным образом вследствие межъязыковой асимметрии в более или менее аналогичную систему смыслов, облакаемую в формы языка перевода» [Гарбовский, 2004: 366]:

– **адаптация**, напр., ИЯ (фр.) *agent* (1) полицейский, 2) гранула // ПЯ (рус.) *мент* (сегмент слова «цемент»);

– **эквиваленция**, напр., ИЯ (англ.) *knock-knock* (not knot) // ПЯ (рус.) *тук-тук* (так так); ИЯ (англ.) *What is the best weather for rats and hares? – When it rains cats and dogs* // ПЯ (рус.) *Какая самая хорошая погода для зайцев (кошек)? – Когда хозяин собаку на улицу не выгонит;*

– **модуляция: генерализация и конкретизация**, напр., ИЯ (англ.) *sandwiches* (sand which is) / ПЯ (рус.) *гамбургер* (гамбуржец); ИЯ (англ.) *face* (1) *лицо*, 2) *сталкиваться*) / ПЯ (рус.) *мина* (1) *выражение лица*, 2) *снаряд*); **дифференциация**, напр., ИЯ (англ.) *catch up* (*догонять*) (ketchup) / ПЯ (фр.) *presser* (1) *торопиться*, 2) *выжимать*); **компенсация**, связанная с использованием слов, находящихся в том же семантическом поле, напр., ИЯ (англ.) *totto* (*девиз*) (matter) / ПЯ (фр.) *adage* (*изречение*) (as d'âge); **конструирование имён собственных**, напр., ИЯ (рус.) *Козлов* / ПЯ (фр.) *Debouc*, (англ.) *Goatson* и т.д.

Следует отметить случаи использования **каламбуризации**, представляющей собой деформационную операцию («осознанное искажение какого-либо параметра текста оригинала, обоснованное стремлением решить глобальную переводческую задачу» [Гарбовский, 2004: 513]), которая представлена такими преобразованиями, как:

– **межъязыковая паронимизация**, связанная с нахождением в ПЯ знаков, имеющих сходство звучания со знаками, обыгрываемыми в ИЯ, напр., ИЯ (англ.) *normally* (Norma Lee) / ПЯ (рус.) *норма ли* (Норма Ли); ИЯ (англ.) *not* (naught) / ПЯ (фр.) *neuds* (neuneu);

– **идиоматизация**, связанная с преобразованием в ПЯ соответствия обыгрываемой в оригинале ФЕ, напр., ИЯ (англ.) *With fronds like these, who need anemones* (от «with friends like these, who needs enemies») / ПЯ (рус.) преобразование ФЕ *Друг познаётся в беде* (от «друг познаётся в беде»), или созданием новой «квази»-ФЕ, напр., ПЯ (фр.) *A Marin, Marin (marrant) ennemi*;

– **деокказионализация**, связанная с заменой окказионализма примером регулярного словообразования, напр., ИЯ (англ.) *Afro-Turf* (от *afro* (афро – объёмная пышная причёска из мелко завитых волос, типичная для африканцев) и *turf* (1) торф, 2) контролируемая территория, сфера влияния) / ПЯ (рус.) *чернозём*.

Список деформаций, используемых при переводе каламбура, может быть продолжен, поскольку каждый случай языковой игры уникален и требует уникальных переводческих решений.

4. Резюме

Использование терминов точных наук в переводческом дискурсе, так же, как и военной терминологии для описания процесса перевода языковой игры (игры слов, каламбура), целесообразно и оправданно, поскольку зачастую выполнение подобного переводческого задания сравнимо с решением технической или военной задачи. Набор стратегий, тактик, операций и преобразований, выявленных в ходе переводческого эксперимента и сопоставительного анализа оригиналов и переводов, может послужить ориентиром для других переводчиков. В свете семиотико-людского подхода, используемого для описания процесса и результата перевода языковой игры, перевод каламбура, к которому отнесены случаи языковой игры высокой переводческой сложности, предстаёт как гибридная игра, предполагающая как межсемиотическую игру знаков, так и внутресемиотическую. Квазиперевод зачастую оказывается наиболее релевантной стратегией при переводе каламбура, вовлечённого в контекст жанра анекдота. Стратегия «квазиперевода» предполагает использование различных наборов тактик, направленных на сохранение как прагматических, так и семантических и синтаксических характеристик высказывания, среди которых наиболее важное значение имеют тактика сохранения одного из знаков ядра языковой игры и тактика сохранения двусмысленности. Для реализации этих тактик переводчиком могут быть использованы все типы переводческих операций, включающих использование как соответствий, так и преобразований (трансформаций и деформаций). При переводе каламбура используются как трансформационные операции: адаптация, эквиваленция и модуляция, так и деформационные — каламбуризация, характерная для передачи языковой игры и предполагающая использование таких типов преобразований, как межязыковая паронимизация, идиоматизация и деокказионализация.

Список литературы

- Александрова Е.М.* Структурные особенности языковой игры // Вестник Удмуртского государственного университета, 2015. Вып. 2. С. 16–21.
- Базылев В.Н.* Модель перевода // Основные понятия переводоведения (Отечественный опыт). Терминологический словарь-справочник / Отд. языкознания; отв. редактор канд. филол. наук Раренко М.Б. М., 2010. С. 103–105.

- Гарбовский Н. К.* Теория перевода. М.: Изд-во Московского ун-та, 2004. 544 с.
- Карасик В.И.* Коммуникативная тональность: типы и способы выражения // Актуальные проблемы языкового образования в вузе: вопросы теории языка и методики обучения: Программа VI Международной научно-практической конференции и тезисы докладов. Коломна: ГСГУ, 2017. С. 34–35.
- Куницына Е.Ю.* Лингвистические основы людической теории художественного перевода: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.04. Иркутск, 2011. 35 с.
- Лендваи Э.* Прагмалингвистические механизмы современного русского анекдота: Дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2001. 376 с.
- Матасов Р.А.* Перевод кино/видео материалов: лингвокультурологические и дидактические аспекты: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2009. 167 с.
- Мишкuroв Э.Н.* Язык, «языковые игры» и перевод в современном лингво-философском и лингвокультурологическом осмыслении // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2012. № 1. С. 5–15.
- Сдобников В.В.* Коммуникативная ситуация как основа выбора стратегии перевода: Дисс. ... д-ра филол. наук. Нижний Новгород, 2015. 626 с.
- Якобсон Р.* О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978. С. 16–24.
- Lendvai E.* The “Untranslatable” joke. Ender Lendvai. *Transfere Necesses Est...* Current Issues of Translation Theory, ed. by K. Klaudy and J. Kohn. Szombathely: Dániel Berzsenyi, 1993. P. 203–208.

Список источников

- Itv.ru – URL: <http://www.itv.ru/shows/puteshestviya-urganta-i-poznera/angliya-v-obshemvchastnosti/angliya-v-obshem-i-v-chastnosti-7-seriya-ulybka-anglichanina>.
- Anekdot.ru – URL: <https://www.anekdot.ru/id/-512300052/>.
- Baskino.co – URL: <http://baskino.co/films/komedii/206-v-poiskah-nemo.html>.
- Filmatika.ru – URL: http://filmatika.ru/english_cartoons/v-poiskax-nemo.
- Mediapart.fr – URL: <https://blogs.mediapart.fr/edition/palestine/article/221215/avec-de-tels-amispas-besoin-dennemis>.
- Opensubtitles.co – URL: <https://opensubtitles.co/Finding-Nemo-2003-Subtitles>.
- Opensubtitles.org – URL: <https://www.opensubtitles.org/en/subtitles/18748/ransom-en>.
- Opensubtitles.org – URL: <https://www.opensubtitles.org/ru/search/sublanguageid-all/idmovie-4611>.
- Yifysubtitles.com – URL: <https://www.yifysubtitles.com/subtitles/finding-nemo-french-yify-34295>.

Elena M. Aleksandrova,

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Associate Professor at the Center of Linguistics and Professional Communication (ILNS), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration;
e-mail: elena_751@mail.ru

HYBRID GAME AS A SEMIOTICO-LUDICAL MODEL OF PUN TRANSLATION: STRATEGIES, TACTICS, TRANSFORMATIONS

In the semiotico-ludical approach, translation of puns can be considered as a hybrid game in which a translator does not only conduct mediation between languages, but also does a linguocreative activity in the target language. The strategies, tactics and transformations, applied to pun translation, are identified here through the use of a translation experiment and a comparative analysis of original puns used in jokes and found in audiovisual products and their translations. The author of the article concludes that quasi-translation becomes the most relevant strategy for translating puns and identifies punning as a specific type of translation deformation which involves such operations as interlingual paronymization, idiomatization and deoccasionalization.

Key words: wordplay, pun, semiotico-ludical translation model, hybrid game, quasi-translation, calamburisation, interlingual paronymisation, idiomatisation, deoccasionalisation.

References

- Aleksandrova E.M.* Strukturnye osobennosti jazykovoj igry [Structural Characteristics of Wordplay]. *Vestnik Udmurtskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015. Ussue 2, pp. 16–21 (In Russian).
- Bazylev V.N.* Model' perevoda [The Model of Translation]. *Osnovnye ponjatija perevodovedenija (Otechestvennyj opyt). Terminologicheskij slovar'-spravochnik*, Otd. jazykoznanija; otv. redaktor kand. filol. nauk Rarenko M.B. Moscow, 2010, pp. 103–105 (In Russian).
- Garbovsky N.K.* Teorija perevoda [The Theory of Translation]. Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 2004, 544 p. (In Russian).
- Karasik V.I.* Kommunikativnaja tonal'nost': tipy i sposoby vyrazhenija [The Communicative Tone: Types and Methods of Expression]. *Aktual'nye problemy jazykovogo obrazovanija v vuze: voprosy teorii jazyka i metodiki obuchenija*. Proceedings of the VI International CjnfERENCE, Kolomna: GSGU, 2017, pp. 34–35 (In Russian).
- Kunicyna E.Ju.* Lingvisticheskie osnovy ljudicheskoi teorii hudozhestvennogo perevoda [The Linguistic Basis of the Ludical Theory of Literary translation]. Extended abstract of Doctor's thesis filol. nauk (February 10.04). Irkutsk, 2011. 35 p. (In Russian).
- Lendvai E.* Pragmalingvisticheskie mehanizmy sovremennogo russkogo anekdota [Pragma-linguistic Mechanisms of Modern Russian Joke]. Doctor's thesis filol. nauk (February 10.01). Moscow, 2001. 376 p. (In Russian).
- Lendvai E.* The "Untranslatable" joke. Ender Lendvai. *Transferre Necesse Est... Current Issues of Translation Theory*, ed. by K. Klaudy and J. Kohn. Szombathely: Dániel Berzsenyi, 1993, pp. 203–208.

- Matasov R.A.* Perevod kino/video materialov: lingvokul'turologicheskie i didakticheskie aspekty [The Translation of Movie and Video Materials: Linguistic, Cultural and Didactic aspects]: candidate's thesis filol. nauk (February 10.20). Moscow, 2009. 167 p. (In Russian).
- Mishkurov E.N.* Jazyk, "jazykovye igry" i perevod v sovremennom lingvofilosofskom i lingvokul'turologicheskom osmyslenii [Language, Language Plays and Translation through the Contemporary Linguo-philosophical and Linguo-cultural Comprehension]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 22. Teorija perevoda*, 2012. No. 1, pp. 5–15 (In Russian).
- Sdobnikov V.V.* Kommunikativnaja situacija kak osnova vybora strategii perevoda [Communicative strategy as the Basis of Translation Strategy Choice]. Doktor's tesis filol. nauk (February 02.20). Nizhnij Novgorod, 2015. 626 p. (In Russian).
- Jakobson R.* O lingvisticheskikh aspektah perevoda [On Linguistic Aspects of Translation]. *Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoj lingvistike*. Moscow, 1978, pp. 16–24 (In Russian).

Гу Хонфэй,

доктор филологических наук, профессор института иностранных языков и культуры Сямэньского университета КНР; e-mail: hongfeigu@126.com

Е.В. Ганапольская,

кандидат филологических наук, доцент института иностранных языков и культуры Сямэньского университета КНР; e-mail: eganapolskaya@mail.ru

СРАВНЕНИЕ СТРАТЕГИЙ ПЕРЕВОДА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО И НЕПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПЕРЕВОДЧИКОВ ПРИ УСТНОМ ПЕРЕВОДЕ С КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ¹

Потребность в устных переводчиках, работающих с русским языком, в Китае постоянно растёт, поэтому всё больше университетов вводят на старших курсах бакалавриата и в магистратуре предмет «Устный перевод». Однако, если теория обучения письменному переводу в Китае разработана достаточно хорошо, то теория обучения устному переводу, и особенно переводу на русский язык или с русского языка, практически не разработана.

В данной статье рассмотрен один из основных вопросов теории перевода, а именно применение переводческих стратегий профессиональными и непрофессиональными переводчиками при последовательном устном переводе с китайского языка на русский, и дан ряд методических рекомендаций.

Ключевые слова: устный перевод, переводческая стратегия, китайский язык, русский язык, профессиональный и непрофессиональный переводчики.

Устный перевод в Китае начали преподавать и изучать в начале 90-х годов, а после 2000 года это направление стало быстро развиваться. Так как потребность в устных переводчиках постоянно растёт, всё больше университетов вводят на старших курсах бакалавриата и в магистратуре предмет «Устный перевод». В ряде китайских вузов этот предмет вводится и для студентов специальности «Русский язык». При этом, если теория обучения письменному переводу в Китае разработана достаточно хорошо, то теория обучения устному переводу, и особенно переводу на русский язык или с русского языка, практически не разработана.

---

¹ Данная статья является частью общего проекта Государственного фонда общественных наук 2014 г. «Исследование устных переводов русского языка с точки зрения лингвистики текста» (Номер проекта: 14ВУУ157), и одним из поэтапных результатов исследования по «Программе поддержки выдающихся талантов нового века провинции Фуцзянь» 2014 г., а также является частью гранта «Инновационная команда Сямэньского университета — 2018 г.» (20720181002) и «Исследование теоретической основы информатизации образования и операционной системы по устному переводу» (18АУУ004).

В данной статье мы рассмотрим один из основных вопросов теории перевода, а именно: применение переводческих стратегий профессиональными и непрофессиональными переводчиками при последовательном устном переводе с китайского языка на русский.

Единого научного определения понятия «переводческая стратегия» в трудах по переводоведению нет: оно весьма различается от работы к работе. Об этом косвенно свидетельствует и отсутствие соответствующей словарной статьи в «Толковом переводоведческом словаре» Л.Л. Нелюбина [Нелюбин, 2003]. Однако этим словосочетанием весьма широко пользуются специалисты по теории перевода, подразумевая при этом в самом общем виде некие действия переводчика, направленные на создание эквивалентного перевода в той или иной коммуникативной ситуации. Применительно к устному переводу речь идёт о создании адекватного перевода, который не менее чем на 80% передаёт смысл оригинала.

В качестве рабочего определения стратегии перевода мы принимаем определение немецкого учёного Х. Крингса, которое приводит в своей книге «Современное переводоведение» В.Н. Комиссаров. Он пишет, что, по мнению Х. Крингса, переводческие стратегии определяют «характер действий переводчика, составляющих процесс перевода. Под стратегиями перевода понимаются потенциально осознанные планы переводчика, направленные на решение конкретной переводческой проблемы в рамках конкретной переводческой задачи». При этом Х. Крингс предлагает различать «макростратегию» – способы решения целого ряда переводческих проблем и «микростратегию» – пути решения одной проблемы [Комиссаров, 2002: 270].

Переводческие стратегии описываются с нескольких основных позиций:

- а) какой текст переводится и как лучше выполнить перевод;
- б) как переводчик может лингвистическими или экстарлингвистическими средствами улучшить выполнение конкретной переводческой задачи или исправить допущенные ошибки;
- в) какими профессиональными навыками и умениями должен обладать переводчик.

Эти аспекты проблемы взаимосвязаны и чаще всего рассматриваются в комплексе, но для анализа выбора переводчиком стратегии при работе с конкретным текстом их необходимо условно разделить. Поэтому в нашей работе мы будем рассматривать стратегии перевода только с первой из перечисленных точек зрения и анализировать микростратегии.

Следует также напомнить, что переводческие стратегии варьируются в зависимости от того, осуществляется перевод с иностран-

ного языка на родной или наоборот. В первом случае на первый план выходит проблема понимания переводимого текста, во втором – проблема передачи его смысла.

Общей для всех современных работ по переводоведению является установка не на буквальный перевод, а на передачу основного содержания высказывания и текста. При этом концепции переводоведов различаются прежде всего требованием той или иной степени отвлечённости от языковой формы оригинала, варьируясь от требования полного её забвения (девербализации) [勒代雷, 2001: 11] до максимально возможного приближения перевода к тексту оригинала (вплоть до частичного буквализма) (см. об оппозиции «буквализм» и «вольность» при переводе, например [Гарусова, 2007]).

Задача анализа и критики теорий перевода с этой точки зрения перед нами не стоит, плюсы и минусы различных подходов прекрасно описаны, например, в уже упоминавшемся труде Комиссарова «Современное переводоведение» [Комиссаров, 2002].

Более того, во многом этот спор переводоведов видится нам как типичный спор о словах, т.е. форме описания происходящих при переводе процессов. Все специалисты по переводу в целом согласны с тем, что «фактически установка на «смысл, а не на букву» означает необходимость правильной интерпретации значения языковых единиц в контексте, т.е. требование не довольствоваться тем мнимым смыслом, который связан лишь с наиболее употребительными значениями этих единиц» [Комиссаров, 1990: 196]. Таким образом, мы возвращаемся к уже давно известной проблеме поиска переводческих соответствий.

В самом общем виде проблема перевода выглядит как проблема семиотики: установление соотношения той или иной степени эквивалентности между знаком и понятием в одном языке и знаком и понятием в другом языке (шире, между неким планом выражения и соответствующим ему содержанием). Вопрос лишь в том, что понимается под единицей устного перевода. Проблема определения единицы перевода, и, в частности, устного последовательного перевода, весьма сложна: в учебнике по переводу Н.К. Гарбовского этой теме, как «одной из самых дискуссионных и сложных проблем современной теории перевода» [Гарбовский, 2004: 249], посвящена целая глава [Там же: 247–263].

При последовательном устном переводе «переводчик может начинать переводить, удерживая в памяти несколько высказываний, перевод которых и составит отдельную «порцию» переводческого процесса, включающую несколько минимальных единиц перевода. ...при синхронном переводе... переводчик стремится начать перевод, как только он получил информацию в пределах смысловой

группы. Величина единицы процесса перевода определяется здесь отрезком высказывания, обладающим относительно самостоятельным смыслом и позволяющим переводчику выбрать структуру предложения в переводе. Однако и в синхронном переводе минимальной единицей переводческого процесса нередко оказывается целое высказывание, особенно если в конце его находятся элементы, существенные для понимания всего сообщения [Комиссаров, 1990: 188–189]. Итак, минимальной единицей устного перевода обычно является целое высказывание, но это может быть и несколько высказываний, и, наоборот, отрезок высказывания, обладающий определённым смыслом (т.е. для звучащей речи – это синтагма).

Рассматривая вопрос о единице перевода, Н.К. Гарбовский подчёркивает, что «восприятие текста переводчиком во всех случаях осуществляется последовательно, по «порциям»... Но освоение смыслов исходного речевого произведения иногда требует восприятия значительных смысловых блоков, превышающих уровень отдельного понятия». Отрезок исходного текста, «необходимый для освоения смысла и достаточный для принятия переводчиком решения», он называет единицей ориентирования и полагает, что единица перевода в своём внешнем проявлении строится на её основе. При этом единица перевода может включать «одну или несколько единиц эквивалентности» [Гарбовский, 2004: 263–264].

Взяв за основу эти не подлежащие сомнению общие установки, посмотрим, сравнивая переводы, каким образом профессиональный и непрофессиональный переводчики передают (интерпретируют) смысл высказывания (микротекста), какие переводческие стратегии они используют, чем же, собственно, отличается профессиональный перевод от непрофессионального.

Для сравнения нами было произвольно выбрано десять небольших звучащих текстов объёмом одно-два предложения, объединённых общей отнесенностью к публицистическому стилю и устной формой речи. Вид речи (монолог или диалог) и способ общения (массовый – личный, контактный – косвенно контактный – неконтактный) не учитывался, поэтому тексты по этим параметрам различаются.

Каждый из этих текстов был переведён с китайского на русский язык одним профессиональным китайским переводчиком и двумя непрофессиональными (преподавателем и студентом старшего курса).

Для удобства анализа и сопоставления мы попросили одного из студентов перевести данные тексты письменно, разделив при этом текст на китайском языке на относительно законченные в смысловом отношении отрезки, которые студент и перевёл на русский язык. Студенту была поставлена задача, насколько это возможно,

сохранить смысл исходного текста, но при этом создать «правильный» текст на русском языке. Затем для удобства сравнения мы произвели такую же разбивку текстов имеющихся в нашем распоряжении устных переводов на смысловые фрагменты и сопоставили их. В процессе сопоставления мы проверяли перевод значений ряда слов и «смысловых фрагментов» в словарях.

Прежде чем показать механизм сравнения и его результаты, следует отдельно оговорить один момент. Так как устные переводы непрофессионального переводчика-студента изобиловали повторами и грамматическими ошибками, мешавшими восприятию смысла, получившегося при переводе текста, при сравнении мы сняли основные из них. Так, например, в оригинале расшифровка одного из студенческих переводов выглядела следующим образом:

«В этом году мы торжественно отметили семидесяти..., семи-десятью годовщину со дня победы Антиянаоского..., Антияпонской войны, то есть, мировая вторая война..., мировой..., второй мировой войны и проводили торжественный парад, показали, что справедливость побеждает, мир побеждает, и народ побеждает. Мы всесторон..., всесторонне проводили..., проводим стратегию усиления армии по..., путём реформы и будем сокращаем, сокращать меру на 300 тысяч»².

Такое редактирование текстов студенческих переводов показало, что в основе их всех лежит использование **стратегии проб и ошибок**, характерной, в частности, и для начинающих переводчиков.

Переводы профессиональных переводчиков были взяты с официальных сайтов, поэтому они уже являлись отредактированными.

После такой подготовительной работы мы начали пошаговое сопоставление. Покажем механизм этого сопоставления на одном примере.

这一年 (1), 我们 (2) 隆重 (3) 纪念了 (4) 中国人民抗日战争 (5) 暨 (6) 世界反法西斯战争 (7) 胜利 70 周年 (8), 举行了盛大阅兵 (9), 昭示了 (10) 正义必胜 (11), 和平必胜 (12), 人民必胜的 (13) 真理 (14)。

ПП³: *В этом году (1) мы (2) торжественно (3) отметили (4) «70-летие Победы (8) в Войне китайского народа против японских захватчиков (5) и (6) Победы в Мировой антифашистской войне» (7). По этому случаю мы провели грандиозный военный парад (9), который*

---

² Для студента процесс обучения устному переводу является частью курса изучения русского языка, поэтому перед преподавателем стоит сложная задача не только обучить студента основам перевода, но и помочь ему улучшить практическое и теоретическое знание русского языка.

³ ПП – профессиональный переводчик; НПп – непрофессиональный переводчик-преподаватель; НПс – непрофессиональный переводчик-студент.

свидетельствовал (10) о великой истине истории (14): справедливость побеждает (11), мир побеждает (12), народ побеждает (13).

НПп: *В этом году (1) мы (2) торжественно отметили (3) 70-летие победы (8) китайского народа в антияпонской войне (5), а также (6) всемирную победу над фашизмом (7). В честь чего мы провели торжественные военные парады (9) и показали (10) правду (14) о непобедимости правды (14) мира (12) и народов (13).*

НПс: *В этом году (1) мы (2) торжественно (3) отметили (4) семидесятую годовщину со дня победы (8) Антияпонской войны (5), то есть второй мировой войны (7), и проводили торжественный парад (9), показали (10), что справедливость побеждает (11), мир побеждает (12), и народ побеждает (13).*

Как видим, смысловые фрагменты (синтагмы) в тексте перевода расположены почти в том же порядке, что и в исходном тексте, т.е. в целом для всех трёх переводов характерна **линейность** с незначительными переводческими трансформациями, связанными с языковыми особенностями переводящего языка (ПЯ).

Переводческая трансформация в данном случае – это, например, разбивка профессиональным переводчиком предложения на два отдельных предложения, так как объём (количество знаков) русского текста больше, чем китайского, что затрудняет как процесс перевода, так и восприятие текста на слух.

Что мы имеем в виду, когда говорим о линейности перевода? По определению украинского переводоведа Г.Э. Мирама, линейность перевода – это «сохранение в переводе структуры и значения оригинала... В некоторых случаях (но не всегда) линейность может быть синонимом дословности» [Мирам, 2003: 32]. Для китайского языка это будет сохранение последовательности переводимых смысловых фрагментов оригинала (не слов!) в переводе.

Среди переводчиков существует разное отношение к линейности перевода. Так, например, Г. Мирам считает, что это основной уровень (и стратегия) устного последовательного перевода, и пишет, что «для профессионального переводчика возможность переводить линейно чрезвычайно важна: экономит усилия, связанные с преобразованием текста, и позволяет полнее сосредоточиться на передаче содержания» [Там же: 32]. Однако он подчёркивает, что такой перевод возможен только в отдельных случаях: а) устное официальное выступление на тему, знакомую всем участникам коммуникации, б) текст не содержит образных выражений, метафор и идиом; стандартные эквиваленты терминов заранее известны, в) дословность не предполагается, возможны синтаксические преобразования, неизбежные при переводе с языка другой структуры [Там же: 37].

Отдельно он отмечает, что при таком переводе обязательно появление «стилистически небрежных фраз» [Там же: 35].

Другие переводоведы считают этот уровень перевода низшим, называют его «переводом на уровне понимания, достаточного для осуществления коммуникации» [Чужакин, 2007: 15], или «переводом “недотрансформированным”» [Швейцер, 1988: 87] и т.п. Так, А.П. Чужакин и С.Г. Спирина пишут, что такой перевод является достаточным «для осуществления коммуникации, т.е. для восприятия информации, но недостаточно адекватным в смысле содержания и формы в плане сочетаемости слов, выбора лексики, а то и просто оговорок». Этот уровень, по их мнению, характерен для непрофессионалов и начинающих переводчиков. Уровень, к которому надо стремиться, это «идиоматический уровень устного перевода» [Швейцер, 1988: 25], т.е. «перевод полностью адекватен и звучит легко, естественно, красиво, при правильной сочетаемости слов». Правда, авторы тут же оговариваются, что при переводе на иностранный, неродной, язык требования к идиоматическому переводу несколько снижаются [Чужакин, 2007: 15].

Сравнение наших примеров показало использование **стратегии линейности** всеми тремя переводчиками во всех случаях: попытку максимально строго сохранить «течение мысли», то, как она развивается во времени и пространстве (последовательность изложения понятий в высказывании) и сам объём переводимых понятий. Фактически все три переводчика осуществляли последовательный перевод так, как это делают синхронисты. Единицей перевода в основном была синтагма.

Сравнение языковых соответствий, которые переводчики подобрали для каждого смыслового отрезка, позволило нам проанализировать некоторые стратегии и приёмы перевода, а также возможные варианты перевода и проблемные зоны.

Применение стратегии линейности перевода не исключило одновременного частичного использования перевода на **идиоматическом уровне** всеми тремя переводчиками. Рассмотрим, что и как было переведено с помощью идиоматического перевода, и сравним, насколько удачно это было сделано.

Перевод прецизионных слов. Прецизионные слова — однозначные, но в отличие от терминов общеупотребительные слова, не вызывающие, как правило, конкретных ассоциаций. В устном переводе вызывают определённые трудности. К прецизионным словам относятся имена собственные, дни недели и месяцы, числительные [Нелюбин, 2003: 165]. В наших текстах это были названия исторических событий.

1)中国人民抗日战争

Словарь предлагает нам деление на следующие фрагменты, которые, как мы можем видеть, в целом и определили варианты переводческих соответствий: 中国人民 zhōngguórénmín – китайский народ + 抗日战争 kàngrizhànzhēng – *ист.* война сопротивления японским захватчикам (抗日 kàngri – сопротивляться Японии; антияпонский + 战争 zhànzhēng – война; военные действия).

Варианты перевода:

ПП: *Война китайского народа против японских захватчиков*

НПп: (70-летие победы) китайского народа в *Антияпонской войне*

НПс: семидесятую годовщину со дня победы в *Антияпонской войне*

Как правило, любое историческое событие имеет своё устоявшееся название в языке перевода. Однако в данном случае оказалось, что в энциклопедиях и учебниках, изданных в России, принят вариант «Национально-освободительная война китайского народа против японских захватчиков»⁴, обладающий экспрессивностью и ярко выраженной оценочностью. В современных же научных статьях часто встречается буквальный перевод «Антияпонская война», который является стилистически нейтральным.

Как видим, в этом конкретном случае проблема превращается в проблему **выбора стилистического варианта** для данного контекста [Илюхин, 2001: 135]. Непрофессиональные переводчики выбрали стилистически нейтральное выражение, характерное для научного стиля речи, и тем самым необоснованно снизили экспрессивность высказывания.

2) 世界反法西斯战争 (世界 мир + 反法西斯战争 антифашистская война)

Варианты перевода:

ПП: Мировая антифашистская война

НПп: Всемирная победа над фашизмом

НПс: Вторая мировая война

Профессиональный переводчик использует буквальный перевод (世界反法西斯战争 (世界 мир + 反法西斯战争 антифашистская война), который одновременно является названием этого исторического события, которое сейчас часто используется в Китае. Понятие «Мировая антифашистская война» охватывает временной

---

⁴ Например, Национально-освободительная война китайского народа против японских захватчиков (1937–1945) // Большая советская энциклопедия. М., 1970–1977. 3-е изд. – URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/112796/%D0%9D%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE>; История Китая: Учебник / Под редакцией А.В. Меликсетова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во МГУ, Изд-во «Высшая школа», 2002. 736 с. – URL: http://www.razlib.ru/istorija/istorija_kitaja/

период, частично отличающийся от времени Второй мировой войны, и подчёркивает роль Китая в этой войне.

Непрофессиональный переводчик-преподаватель избегает использования названия события и изменяет смысл высказывания (*победа в мировой антифашистской войне и всемирная победа над фашизмом* – разные понятия).

Переводчик-студент использует известное гражданам России название «Вторая мировая война».

Следует заметить, что термин «Мировая антифашистская война» известен в России только отдельным людям, так или иначе связанным с Китаем.

В целом смысловые потери при всех трёх вариантах перевода, на первый взгляд, невелики или даже отсутствуют. Так можем ли мы ими пренебречь? Или всё же существует предпочтительный вариант для данного конкретного случая? Ответ на этот вопрос может дать более широкий контекст, а именно указание на источник, из которого взят этот фрагмент.

Так как текст взят из выступления председателя КНР⁵, совершенно однозначно, что предпочтительнее вариант, выбранный профессиональным переводчиком. Он лучше всего передаёт смысл высказывания с учётом прагматики, отношения говорящего к своему собственному высказыванию. Цель оратора в данном случае была подчеркнуть роль Китая в войне с фашизмом, то, что война велась и на территории КНР и началась раньше, чем Вторая мировая война. Для этого и было использовано отдельное название «Мировая антифашистская война». Таким образом, в данном случае выбор варианта не связан с идиоматичностью или линейностью перевода, а переходит в область прагматики.

Профессиональный переводчик выбрал менее распространённый и более «буквальный» вариант перевода, так как он наилучшим образом соответствовал интенциям оратора. Таким образом, перевод прецизионного слова, ранее не связываемого переводчиками с общим контекстом, в современном тексте может потребовать выбора стилистического или «прагматически маркированного» варианта.

Перевод устойчивых выражений. Проблема перевода следующего смыслового фрагмента связана с употреблением устойчивых выражений: 胜利 70 周年 (胜利 одержать победу, победа + 70 + 周年 годовщина, годичный). Для данного типа выражений традиционно используется идиоматический перевод, и переводчик только должен знать соответствующее устойчивое выражение в ПЯ.

---

⁵ 习近平主席发表 2016 年新年贺词。 — URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2015-12/31/c_1117643074.htm

Здесь следует отметить, что: а) устойчивые выражения могут не обладать образностью, как в данном случае, б) степень устойчивости тех или иных выражений в языке различна.

В рассматриваемом тексте варианты перевода (семидесятилетие победы (ПП, НПп) – 21 знак, семидесятая годовщина со дня победы (НПс) – 31 знак) почти равнозначны за исключением величины кода (продолжительности звучания), поэтому выбор лучшего варианта определяется в данном случае конкретной ситуацией перевода (нужно сэкономить время или, наоборот, «потянуть время» (**стратегия столлинга**), что, в частности, можно сделать и посредством увеличения количества произносимых слов).

Сравнение переводов также показало, что все переводчики в той или иной степени используют **стратегию декомпрессии**, что во многом определяется собственно лингвистическими факторами, а именно структурой русского сложного предложения и, шире, текста, требующих использования лексических средств связи. При этом профессиональный переводчик использует декомпрессию чаще и в целом успешнее (трансформация одного предложения в два; включение понятий и, соответственно, лексем, отсутствующих в исходном тексте; использование лексических средств связи). Таким образом, в нашем примере декомпрессия идёт на «микроуровне» и представляет собой не столько пояснения и комментарии переводчика, о которых обычно пишут в теории перевода, сколько небольшие смысловые наращения, необходимые для того, чтобы по-русски фраза звучала естественно и грамматически правильно, а текст был связным.

Наиболее робко и при этом не всегда верно использует данную стратегию студент. Его перевод является почти буквальным, но при этом в нём есть сильное искажение смысла из-за «лексического наращения», использования неверного средства связи «то есть». Возможно, это связано с незнанием исторических реалий («Анти-японская война, то есть Вторая мировая»).

Что касается преподавателя, то он умело использует стратегию декомпрессии, добавляя необходимые средства лексической связи и допустимое определение «военный» к слову парад, но применение им обратной **стратегии компрессии** с одновременной структурной трансформацией фрагмента «справедливость побеждает, мир побеждает, народ побеждает» (正义必胜、和平必胜、人民必胜的) в именное сочетание «непобедимость правды мира и народов» приводит не только к потере, но и к частичному искажению смысла исходного текста.

Не имея возможности далее так же подробно рассматривать каждый пример по отдельности, покажем ещё некоторые результаты проведённого нами сравнения.

Значительную трудность и для профессионального, и для непрофессиональных переводчиков представляет использование стратегии компрессии. Так, например, профессиональный переводчик в высказывании, данном ниже, перевёл основной смысл фрагмента 10 образным выражением «придать больше импульса», в то время как преподаватель и студент предложили почти буквальный перевод.

请问 (1) 你 (2) 如何 (3) 评价 (4) 当前的 (5) 两国关系 (6), 您 (7) 将 (8) 在哪些方面 (9) 进一步促进中俄战略合作伙伴关系 (10)?

ПП: Как (3) Вы (2) оцениваете (4) современное (5) состояние российско-китайских отношений (6)? И каким сферам (9), *может быть, на Ваш взгляд, следует придать больше импульса* (10)?

НПп: Скажите, пожалуйста (1), как (3) вы (2) оцениваете (4) двусторонние отношения между нашими странами (6), и вы (7) будете (8) содействовать развитию китайско-российского партнёрства стратегического взаимодействия (10) в каких областях (9)?

НПс: Как (3) вы (2) оцениваете (4) *развитие* отношений между двумя странами (6)? В каких областях (9) вы (7) будете (8) содействовать стратегическим отношениям, партнёрству двух стран (10).

Как видим, профессиональный переводчик объединил стратегию компрессии перевода с попыткой избежать линейности перевода (достичь идиоматичности).

Оценить степень удачности такого выбора можно с разных позиций:

1) Если перед переводчиком стояла задача максимальной экономии времени и/или повышения при этом экспрессивности высказывания, то данный перевод возможен, хотя достаточно сильно изменяется смысл высказывания и допущена ошибка в употреблении устойчивого выражения «придать <какой> импульс чему». Возможные правильные варианты: *придать новый импульс, придать качественно новый импульс, придать мощный импульс.*

2) Если же перед ним стояла задача максимально точной передачи смысла, то линейные варианты, предложенные преподавателем и студентом, несомненно, предпочтительнее, так как точнее передают смысл переводимого высказывания. «Содействовать развитию китайско-российского партнёрства стратегического взаимодействия» (НПп) и «содействовать стратегическим отношениям, партнёрству двух стран (НПс) в каких-либо областях» означает, что кто-либо будет помогать развивать это партнёрство, причём

мы не знаем точно, существовало ли в этих областях партнёрство раньше. Выражение «придать больше импульса» означает, что партнёрство в этих областях ранее существовало, но, возможно, кто-либо будет помогать развивать его более активно. Лексемы «следует (делать что-то)» и «(кто) будет содействовать чему-либо» также сильно отличаются по смыслу и модальности.

Переводы этого высказывания заслуживают внимания ещё с одной стороны. Каждый из переводчиков-непрофессионалов, предлагая линейный вариант перевода, допустил по ошибке при переводе фрагментов 当前的 (5) 两国关系 (6): переводчик-преподаватель пропустил ключевое слово «нынешний/современный», переводчик-студент также пропустил это слово, но при этом добавил ещё слово «развитие», которого не было в исходном тексте; в результате оба переводчика изменили смысл вопроса. Вариант вопроса «Как Вы оцениваете современное состояние российско-китайских отношений?», предложенный профессиональным переводчиком, предполагает ответ «Современные отношения России и Китая являются... (какими)». Вариант вопроса «Скажите, пожалуйста, как вы оцениваете двусторонние отношения между нашими странами...?», предложенный преподавателем, предполагает ответ «За долгую историю России и Китая отношения между двумя странами в разное время складывались по-разному». Вариант вопроса «Как вы оцениваете развитие отношений между двумя странами?», предложенный студентом, — ответ «Отношения России и Китая развиваются в следующем направлении...»

Эти ошибки, на наш взгляд, наглядно свидетельствуют о неумении непрофессионалов видеть ключевые смыслы высказывания на своём родном языке.

Детальное сопоставление переводов профессионального и непрофессиональных переводчиков выявило ещё многие моменты, важные для анализа качества переводов, которые мы не имеем возможности рассмотреть в данной работе. Напомним, что здесь мы сосредоточились в основном на сравнении стратегий, использованных переводчиками, и оценке ряда конкретных приёмов перевода.

Обобщим сказанное.

1. Проведённое нами сравнение выполненных профессиональным и непрофессиональным переводчиками текстов переводов с точки зрения стратегий и приёмов перевода полезно, так как позволяет наглядно показать на текстовом материале стратегии и тактики переводчика и может быть использовано в практике обучения студентов.

2. При устном последовательном переводе и профессиональные, и непрофессиональные переводчики используют в основном стратегию линейного перевода, стратегии декомпрессии и компрессии. При этом доминирует стратегия линейности перевода с «вкраплениями» устойчивых (идиоматических) выражений: перевод текста осуществляется преимущественно по синтагмам, аналогично тому, как это делается при синхронном переводе.

3. Сопоставление переводов показало, что переводчики-непрофессионалы не владеют навыком вычленения ключевых смыслов в исходном тексте на своём родном (китайском) языке.

4. Декомпрессия на текстовом уровне в наших примерах проявляется на микроуровне и имеет вид небольших смысловых нарушений: а) вставки в текст перевода лексических средств связи (внутри предложения или межфразовых), б) включения понятий и, соответственно, лексем, отсутствующих в исходном тексте (глаголов, слов-«пояснителей» при названиях (*план «Один пояс, один путь», проект пояса и пути*⁶), достаточно произвольной вставки слов, без ущерба или с ущербом для смысла, которые представляются необходимыми переводчику (*военный парад, развитие отношений*), в) трансформации одного предложения в два и т.п.

5. При переводе такого вида прецизионной лексики, как названия исторических событий, традиционно считавшихся независимыми от контекста, в современных общественно-политических текстах необходимо проверять, существует только один вариант названия или их несколько, а также имеют ли названия семантические и стилистические коннотации, что ставит проблему выбора адекватного соответствия для данного контекста и коммуникативной ситуации.

В ряде случаев необходимо использование буквализма при переводе; при этом не учитывается или минимально учитывается реципиент (*Мировая антифашистская война*), так как выбор переводческого соответствия определяет прагматика.

6. Возможно использование равноценных по смыслу, но разных по количеству знаков вариативных переводов одного устойчивого выражения (70-летие победы = семидесятая годовщина победы), если время для перевода ограничено или, наоборот, необходимо тянуть время (стратегия столлинга).

7. Большинство ошибок студентов связано с недостаточной сформированностью навыков свободного говорения, умения самостоя-

---

⁶ Слова «план» и «проект» использованы переводчиками вместо принятого в Китае для данного контекста слова «инициатива»: инициатива «Один пояс — один путь».

тельно строить грамматически правильную фразу на русском языке. Это и определяет основную стратегию, применяемую студентами, а именно, стратегию проб и ошибок.

8. В задачи преподавателя входит не только обучение достижению идиоматичности (небуквальности) перевода, но и наглядная демонстрация студентам тех ситуаций, когда можно, а иногда даже и нужно перевести линейно. Например, общая установка на идиоматичность перевода (в публицистическом тексте общественно-политической тематики) может перевести к неоправданным искажениям смысла.

9. При оценке качества перевода нельзя следовать только критериям «хорошо-плохо», «перевод с ошибкой или без ошибки». На каждый текст следует смотреть под определённым углом зрения: с точки зрения реализации той или иной стратегии, с точки зрения точности передачи смысла высказывания, с точки зрения экспрессивности, с точки зрения стилистического соответствия, с точки зрения соответствия задачам говорившего (прагмакомпонент), с точки зрения грамотности (правильности речи) и др. То есть, прежде чем сделать общий вывод, следует провести анализ отдельных составляющих качества перевода.

10. Выявить переводческие эквиваленты и одновременно нарушения эквивалентности перевода можно путём сопоставления анализа текстов оригинала и профессионального и непрофессионального переводов. Для устного перевода это сложная и кропотливая, но возможная работа. С этой целью следует постепенно создавать банк аудиозаписи устных профессиональных и непрофессиональных переводов.

11. Пошаговое сопоставление текстов устных переводов, сделанных профессионалами и непрофессионалами, позволит выявить трудные места при переводе с китайского языка и определить типичные ошибки, которые пока остались вне сферы описания переводоведами.

12. И последнее, оставшееся за пределами данной статьи, но не менее важное. Сопоставление текстов переводов, сделанных профессионалами и непрофессионалами, поможет обратить внимание студентов на ряд типичных сугубо лингвистических моментов, вызывающих трудности у носителей китайского языка при создании текста на ПЯ (сочетаемость слов, паронимы, регулярные синтаксические трансформации при переводе, разница в объёме понятий в разных языках и др.).

Список литературы

- Гарбовский Н.К.* Теория перевода: Учебник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004.
- Гарусова Е.В.* «Буквализм» и «вольность» как основная переводческая оп-позиция // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная ком-муникация, 2007. № 1. С. 149–153.
- Гу Хонфэй.* Новый стандарт, новое мышление: построение и развитие сис-темы обучения устному переводу с русского языка в китайских вузах // Мир русского слова. 2017. № 3. С. 100–105.
- Илюхин В.М.* Стратегии в синхронном переводе (на материале англо-рус-ской и русско-английской комбинаций перевода): Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2001.
- Комиссаров В.Н.* Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2002.
- Комиссаров В.Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты): Учебник для ин-тов и фак-тов иностр. яз. М.: Высшая школа, 1990.
- Мирам Г., Гон А.* Профессиональный перевод: Учебное пособие. Киев: Эльга, Ника-Центр, 2003.
- Нелюбин Л.Л.* Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд. М.: Флинта: Наука, 2003.
- У Лижу.* Обучение переводу по специальности «русский язык» в китай-ских вузах // Образование и воспитание. 2015. № 2. С. 54–56.
- Чужакин А.П., Спирина С.Г.* Основы последовательного перевода и пере-водческой скорописи и классификация видов последовательного пе-ревода. М.: Изд. дом «Экспримо», 2007.
- Швейцер А.Д.* Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988.
- 勒代雷著, 刘和平译. 释意学派口笔译理论. 北京: 中国对外翻译出版公司, 2001 / *lè dài léi zhù, liú hé píng yì. shì yì xué pài kǒu bǐ yì lǐ lùn. Lederer Marianne.* [La Traduction Aujourd'hui. Le modèle interprétatif, translated by Liú Héping]. Beijing: zhōng guó duì wài fān yì chū bǎn gōng sī, 2001 (in Chinese).

Gu Hong-fei,

Dr. Sc. (Philology), Professor at the College of Foreign Languages and Cultures, Xiamen University, China; e-mail: hongfeigu@126.com

Yelena V. Ganapolskaya,

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor at the College of Foreign Languages and Cultures, Xiamen University, China; e-mail: eganapolskaya@mail.ru

COMPARISON OF INTERPRETATION STRATEGIES USED BY PROFESSIONAL AND NON-PROFESSIONAL INTERPRETERS IN INTERPRETATION FROM CHINESE INTO RUSSIAN

The need for interpreters working with the Russian language in China is constantly growing, so more and more universities launch the course “Interpretation” for senior bachelor and master students. However, if the theory of translation in China is developed well enough, the theory of interpretation, and especially interpretation to/from Russian, is almost undeveloped.

This article describes one of the main issues in the theory of interpretation, namely the using of specific strategies by professional and non-professional interpreters in consecutive interpretation from Chinese into Russian, as well as provides the reader with some methodological recommendations.

Key words: interpreting, interpretation strategy, the Chinese language, the Russian language, professional and non-professional interpreters.

References

- Chuzhakin A.P., Spirina S.G.* Osnovy posledovatel'nogo perevoda i perevodcheskoj skoropisi i klassifikatsiya vidov posledovatel'nogo perevoda. [Basis of consecutive translation and translation of cursive and classification of consecutive translation types]. Moscow: Press House «Exprimo», 2007 (In Russian).
- Garbovskij N.K.* Teoriya perevoda [Translation theory]. Uchebnik. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 2004 (In Russian).
- Garusova E.V.* “Bukvalizm” i “vol'nost” kak osnovnaya perevodcheskaya opozitsiya [“Bukvalism” and “liberty” as the main translation opposition]. *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, 2007. No. 1, pp. 149–153 (In Russian).
- Gu Hongfei.* Novyj standart, novoe myshlenie: postroenie i razvitie sistemy obucheniya ustnomu perevodu s russkogo yazyka v kitajskikh vuzakh [A new standard, a new way of thinking: the construction and development of a system of teaching an oral translation from the Russian language in Chinese universities]. *Mir russkogo slova*, 2017. No. 3, pp. 100–105 (In Russian).
- Ilyukhin V.M.* Strategii v sinkhronnom perevode (na materiale anglo-russkoj i russko-anglijskoj kombinatsij perevoda) [Strategies in simultaneous translation (on the material of the English-Russian and Russian-English translation combinations)]: candidate's thesis philological sciences. Moscow, 2001 (In Russian).
- Komissarov V.N.* Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty) [Translation theory (linguistic aspects)]. Ucheb. dlya in-tov i fak. inostr. yaz. Moscow: Vysshaya shkola, 1990 (In Russian).
- Komissarov V.N.* Sovremennoe perevodovedenie [Modern translation studies]. Moscow: ETS Publishing house, 2002 (In Russian).
- Lederer Marianne.* [La Traduction Aujourd'hui. Le modèle interprétatif, translated by Liú Hépíng]. Beijing: zhōng guó duì wài fān yì chū bǎn gōng sī, 2001 (in Chinese).
- Miram G., Gon A.* Professional'nyj perevod [Professional translation]. Uchebnoe posobie. Kiev: Ehl'ga, Nika-Tsentr, 2003 (in Russian).
- Nelyubin L.L.* Tolkovyj perevodovedcheskij slovar'. [Explanatory translation dictionary]. 3-e izd. Moscow: Flinta: Nauka, 2003 (In Russian).
- Shvejtsjer A.D.* Teoriya perevoda: Status, problemy, aspekty [Translation theory: Status, problems, aspects]. Moscow: Nauka, 1988 (In Russian).
- Wu Liru.* Obuchenie perevodu po spetsial'nosti “russkij yazyk” v kitajskikh vuzakh [Training in the translation of the specialty “Russian language” in Chinese universities] *Obrazovanie i vospitanie*, 2015. No. 2, pp.54–56 (In Russian).
- 勒代雷著，刘和平译. 释意学派口笔译理论. 北京：中国对外翻译出版公司，2001. / lè dài léi zhù, liú hé píng yì. shì yì xué pài kǒu bǐ yì lǐ lùn.

Н.М. Марусенко,

кандидат филологических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета, кафедра русского языка как иностранного и методики его преподавания; e-mail: n.marusenko@spbu.ru

Т.Г. Скребцова,

кандидат филологических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета, кафедра математической лингвистики; e-mail: t.skrebtsova@spbu.ru

КАК ИЗБЕЖАТЬ ПРОШЛОГО? (ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПЕРЕВОДА РОМАНА ДЖ. ХАРРИС «ДЖЕНТЛЬМЕНЫ И ИГРОКИ» НА РУССКИЙ ЯЗЫК)

Настоящая статья написана в жанре *case study* (исследование отдельного случая) и посвящена рассмотрению особенностей перевода детективного романа британской писательницы Дж. Харрис «Джентльмены и игроки» на русский язык. Из-за необычной интриги данного произведения переводчик сталкивается с нетривиальной проблемой – избегать указаний на пол рассказчика, притом что повествование ведётся от первого лица, а для русских глаголов в прошедшем времени выражение значения грамматического рода является обязательным. Следовательно, для того, чтобы не «выдать» эту информацию, требуется избегать употребления глагольных форм прошедшего времени там, где они сочетаются с местоимением *я*, обозначающим рассказчика. Авторы исследования выявляют и систематизируют приёмы, при помощи которых переводчик решает эту задачу. В большинстве случаев это связано с использованием разнообразных грамматических и семантических трансформаций.

Ключевые слова: англо-русский перевод, прошедшее время, грамматический род, грамматическая трансформация, семантическая трансформация.

Каждый язык характеризуется своим особым, уникальным словарным составом и грамматическим строем, поэтому перевод с одного языка на другой, как правило, предполагает использование различного рода преобразований (переводческих трансформаций). Эти трансформации «являются по существу межъязыковыми операциями “перевыражения” смысла» [Швейцер, 2009: 118], включающими «многочисленные перегруппировки, перестановки и перераспределения отдельных смысловых элементов» [Бархударов, 1975: 17].

Поскольку, когда мы говорим о переводческих трансформациях, «фактически речь идёт об определённых отношениях между исходными и конечными формами» [Швейцер, 2009: 130], их можно классифицировать по тем или иным основаниям. В классических трудах по лингвистической теории перевода представлены попытки

подобных классификаций (см., напр. [Бархударов, 1975: 190–231; Рецкер, 2004: 45; Швейцер, 2009: 130–144]), хотя их авторы неизменно подчёркивают, что выделенные типы редко встречаются в чистом виде: обычно наблюдается совмещение нескольких видов трансформаций.

Как писал Л.С. Бархударов, переводческие трансформации направлены на то, чтобы «текст перевода с максимально возможной полнотой передавал всю информацию, заключённую в исходном тексте» [Бархударов, 1975: 190]. При этом он отмечал, что «при переводе семантические потери неизбежны, и <...> речь может идти только о максимально возможной полноте передачи значений, выражаемых текстом подлинника» [Там же: 17]. В.Н. Комиссаров также указывал на то, что «степень реальной смысловой близости между оригиналом и переводом – величина переменная» [Комиссаров, 2009: 59]. В связи с этим, понятия переводческой эквивалентности и адекватности допускают различные интерпретации (обзор существующих мнений см. в [Швейцер, 2009: 76–99]). В литературе описаны разные виды эквивалентности (см. [Гак, Львин, 1970: 10–11; Комиссаров, 2009: 59–95]).

Особый интерес для лингвистической теории перевода представляет передача грамматических значений. А.В. Фёдоров выделяет три основных случая грамматического расхождения между ИЯ и ПЯ. Первый случай – когда в ИЯ есть элемент, которому нет формально-грамматического соответствия в ПЯ. Второй случай – обратный: в ПЯ есть элементы, не имеющие формального соответствия в ИЯ. Третий случай – когда в ПЯ есть грамматические элементы, формально соответствующие элементам ИЯ, но отличающиеся от них по выполняемым функциям [Фёдоров, 1983: 175–176].

Сопоставляя то, что у Фёдорова обозначено как первый и второй типы, Л.С. Бархударов отмечает, что «трудности при передаче грамматических значений имеют место, прежде всего, не в тех случаях, когда той или иной категории ИЯ нет в ПЯ, а когда, наоборот, той или иной категории ПЯ нет в ИЯ (то есть, когда ПЯ как бы “богаче” ИЯ в отношении тех или иных грамматических форм и значений)» [Бархударов, 1975: 156].

Именно так обстоит дело, если мы сопоставляем русский и английский языки на предмет категории рода. В русском языке она является грамматической и облигаторно выражается флективными окончаниями у существительных и согласующихся с ними слов (прилагательных, причастий, числительных, форм прошедшего времени глаголов), а также местоимений. В английском языке категория рода – это спорный вопрос, исследование которого не входит в задачи настоящей статьи. Достаточно указать на то, что чёткие родовые

различия имеются лишь у личных, притяжательных и возвратных местоимений третьего лица единственного числа. В целом, родовые различия в английском языке вполне могут оставаться невыраженными, что создаёт трудности при переводе на русский, где соответствующую информацию необходимо эксплицировать. Случай такого рода представляют сонеты У. Шекспира, в которых самый тщательный лингвистический анализ не позволяет установить, обращается ли автор к мужчине или женщине. Однако переводчик вынужден принимать решение, которое не может не быть произвольным [Там же: 148–151].

В настоящей статье мы хотим рассмотреть в некотором роде обратную ситуацию, требующую не выявления и экспликации пола, а напротив, его сокрытия, т.е. создания такого текста на русском языке, который, также как и исходный текст на английском, не содержит бы указания на пол персонажа. Речь идёт о переводе детективного романа современной британской писательницы Дж. Харрис «Джентльмены и игроки». Кратко обрисуем сюжет этого произведения.

Действие романа происходит в закрытой привилегированной школе для мальчиков «Сент-Освальд». Рассказчиков двое, и повествование ведётся попеременно от их имени. Один из них – пожилой учитель латыни. Другой – неизвестный персонаж, детство которого прошло в «Сент-Освальд» и который теперь, по прошествии многих лет, жаждет уничтожить школу и её обитателей из-за своих глубоких детских обид. Почти до самого конца остаётся непонятным, кто же скрывается под маской неизвестного, и растёт ощущение, что всё не так, как кажется. И хотя читатель детектива всегда предвкушает неожиданную развязку, здесь его ждёт поистине сильное изумление: оказывается, что «мистер Икс» – это молодая женщина. Происходит нарушение читательских ожиданий, основанных на информации о том, что Сент-Освальд – закрытая школа для мальчиков, и, следовательно, подозреваемый должен быть мужского пола.

В оригинале повествование ведётся от первого лица в прошедшем времени (и когда рассказчиком выступает учитель латыни, и когда им является неназванный персонаж). Для описания событий широко задействуются личные формы глаголов в прошедшем времени (Past Indefinite и Past Perfect), которые в английском языке нейтральны с точки зрения родовых различий. Это позволяет автору без труда «замалчивать» пол неназванного повествователя – ровно до того момента, когда наступает развязка, т.е. фактически до конца романа. Перед переводчиком Т.В. Старостиной стояла сложная задача: ради сохранения интриги требовалось не раскры-

вать пол неназванного повествователя — при том, что в русском языке глаголы в прошедшем времени с необходимостью выражают значения грамматического рода посредством соответствующих флексий. Таким образом, этот наиболее естественный и привычный способ описания прошлого (действий, событий, мыслей, чувств и пр.) заведомо не годился, и приходилось прибегать к другим средствам. Каким?

Для сопоставления перевода с оригиналом мы взяли два фрагмента текста, в которых повествование ведётся от имени неназванного персонажа, — первую главу «Пешка» и 8-ю часть главы «Слон». Они практически равны по объёму (около 15 000 знаков), но различаются в том, что касается функционально-смысловых типов речи (см. [Нечаева, 1974]). Первая глава представляет собой преимущественно описание (места действия, жизни повествователя, его мировосприятия и пр.). Что же касается 8-й части главы «Слон», она является кульминацией всего романа и заметно более других динамична, насыщена действием. Это типичный пример повествования, или нарратива, где рассказ иконическим образом отражает последовательность описываемых событий.

В исходном английском тексте мы имеем приблизительно одинаковое число глагольных форм прошедшего времени (в сочетании с «я» рассказчика) в обоих фрагментах. Остаётся посмотреть, как соотносятся между собой способы их передачи в русском переводе.

Прежде всего обращает на себя внимание широкое использование так называемого настоящего исторического в событийном фрагменте и гораздо более редкое — в описательной первой главе (соотношение 3:1). Это вполне закономерно: в рассказе о целенаправленных действиях, поступках трудно избежать использования активных форм глаголов соответствующих лексико-семантических групп. А поскольку употребление форм прошедшего времени невозможно в силу специфики романа, переводчик обращается к формам настоящего времени в их переносном употреблении. Показательно, что в первой главе эти формы, если и встречаются, так исключительно в том фрагменте, где повествуется о конкретном инциденте проникновения рассказчика на закрытую территорию школы «Сент-Освальд», иначе говоря, там, где в описание включается фрагмент повествования.

Глаголы настоящего времени в переводном тексте употребляются для обозначения всякого рода действий. Это движения (*встаю, выхожу, подбираюсь, протискиваюсь, иду, бегу, веду, вылезая, подтягиваюсь, поднимаюсь, забираюсь, прыгаю*), в том числе телодвижения и мимика (*усмехаюсь, качаю головой, пожимаю плечами, протягиваю руку*), а также физические действия (*отключаю сигнала*

лизацию, берусь за верёвку, держу), ментальные (знаю, думаю, вспоминаю, не соображаю, хочу), речевые (говорю, предупреждаю), перцептивные (слышу, вижу, чувствую, разглядываю, смотрю) и нек. др. Ниже, в табл. 1, приведены типичные примеры (число которых несложно умножить) параллельных фрагментов текста на ИЯ и ПЯ из 8-й части главы «Слон».

Таблица 1

**Примеры использования настоящего исторического в переводном тексте
(8-я часть главы «Слон»)**

№	Текст на ИЯ	Текст на ПЯ
1	I stood on the balcony and jumped across onto the walkway...	Я забираюсь на балконную ограду, перепрыгиваю на дорожку...
2	I heard him, far behind...	Я слышу его шаги далеко позади...
3	...all the time I was laughing and crying ...	...я все время смеюсь и плачу ...
4	"It's a long way up," I said carelessly.	– Наверх забираться долго, – небрежно говорю я.

Как уже говорилось, высокая частотность глаголов действительного залога в настоящем времени в 8-й части главы «Слон» вполне объяснима: рассказ о действиях требует обозначения их субъекта, причём в качестве активного агенса. Прочие средства «ухода» от выражения прошедшего времени применяются окказионально. Есть единичные случаи употребления неопределённо-личных, обобщённо-личных, а также различного рода безличных конструкций (см. табл. 2).

Таблица 2

Прочие способы передачи прошлого в переводном тексте (8-я часть главы «Слон»)

№	Текст на ИЯ	Текст на ПЯ
1	The window, as I'd hoped , was easy to force open.	Окно, как и предполагалось , поддаётся легко.
2	I did not waste time trying to get back to the Library window.	Нет смысла тратить время на то, чтобы вернуться к окну библиотеки.
3	An adventure-story enthusiast, I had read a great deal about time <i>stopping still</i> ...	В моих любимых приключенческих романах часто пишут , как <i>время остановилось</i> ...
4	How could I possibly compete? <...> Or maybe now, I could .	И куда мне с нею соперничать? <...> Или теперь возможно?

№	Текст на ИЯ	Текст на ПЯ
5	His teasing was harmless enough for the moment, but I could read the signs .	Его поддразнивания вполне беззлобны, но меня не проведёшь .
6	If I weakened, if I seemed in the least bit annoyed at his use of that silly nickname, then he...	Стоит мне дать слабину, показать малейшее недовольство этим дурацким прозвищем, как он...

Если теперь обратиться к первой главе романа, то там картина совершенно иная. Мы видим широкий спектр трансформаций, при помощи которых переводчик избегает употребления форм прошедшего времени. Нередко имеет место замена предиката действия предикатом состояния (ср. табл. 3 и 4). Интересно, что при переводе с английского языка на русский в целом более типичным является обратный процесс, даже выделенный Е.В. Бреусом в самостоятельный тип переводческих преобразований (ср. [Бреус, 2003: 47–48]).

При сравнении текстов на ИЯ и ПЯ можно наблюдать действие конверсивного перифразирования [Комиссаров, 2009: 85], предполагающего описание ситуации с различных точек зрения посредством использования глаголов с разной актантной структурой, а также номинализаций (ср. табл. 3).

Таблица 3

Примеры конверсивных трансформаций (глава 1)

№	Текст на ИЯ	Текст на ПЯ
1	I'd never liked it	Мне никогда там не нравилось
2	Of course I already knew the school was out of bounds	Конечно, мне было уже известно , что школа закрыта для посторонних
3	On the other hand, I was happy enough. A solitary child even then; awkward in company; invisible at school.	С другой стороны, мне – диковатому ребёнку, необщительному, незаметному в школе – было хорошо .
4	Once I had watched as a group of four or five cornered a boy on his own. He was a few years older than I was, and dressed with greater care than the majority of Sunnybankers. I knew he was in for a beating as soon as I saw the library books under his arm.	Однажды у меня на глазах четверо или пятеро загнали в угол одного. Мальчишка был на несколько лет старше меня и одет лучше большинства обитателей «Берега». При взгляде на библиотечные книги у него под мышкой мне стало ясно , что его избьют.

Эллипсис указаний на субъект восприятия или мышления, по-видимому, можно считать разновидностью конверсивных трансформаций. Поскольку повествование строится от первого лица, читатель смотрит на ситуацию глазами рассказчика, соответственно, фразы наподобие *я увидел, я понял* и т.п. могут быть без ущерба для смысла опущены, ср. табл. 4.

Таблица 4

Эллипсис предиката восприятия в переводном тексте (глава 1)

№	Текст на ИЯ	Текст на ПЯ
1	I became aware of my surroundings	Окружающее начало проясниться
2	I sensed it immediately.	Это сразу почувствовалось.
3	Later, of course, I saw it as it really was	Позже, конечно, всё это предстало в истинном свете
4	But through the gates I could see those lawns	Но через ворота виднелись лужайки
5	I could smell sweat, and soil	Пахнет потом, сырой землёй
6	I did not doubt it for a moment	В этом нет ни малейших сомнений

Некоторые трансформации привносят с собой некоторые смысловые сдвиги, которые проявляются в неполном совпадении информации в исходном и переводном текстах. В терминах так называемой «теории несоответствия» Р.К. Миньяр-Белоручева, речь обычно идёт о квантах прибавочной дополнительной информации, иногда в совокупности с квантами непереданной дополнительной информации (ср. [Миньяр-Белоручев, 1996: 111–132]). Так, в табл. 5 можно наблюдать отдельные случаи добавления или изменения модальных значений. Особенно примечателен пример 4, где высказывания с ирреальной модальностью долженствования в переводном тексте благодаря следующей за ними поговорке «Сказано — сделано» (удачный пример трансформации расширения, или генерализации) получают интерпретацию свершившегося факта, ср.:

Добавление или изменение модальных значений в переводном тексте (глава 1)

№	Текст на ИЯ	Текст на ПЯ
1	Nevertheless, for the first few months I obeyed without question.	Так или иначе, первые месяцы приходилось подчиняться безоговорочно.
2	when he was out on his rounds, or down the Engineers with his mates, I would sometimes sneak into his bedroom	когда он был на обходе или отправлялся с приятелями в «Сапёры», можно было пробраться в его спальню
3	My dad's time was entirely taken up with his new job, and I quickly learned to be self-reliant	Отец работал с утра до ночи, и мне вскорости пришлось полагаться на себя
4	Seeing my chance, I made a break for it and ran across the windy field toward the hedge, running low, tensed for an attack. Reaching the hedge, I flung myself into its shadow, breathless with fear. Now I had done it.	Не теряя времени, надо рвануться, помчаться через продуваемое ветром поле к живой изгороди, пригибаясь, в любую секунду ожидая нападения. И, добежав до изгороди, затаиться в её тени, задыхаясь от страха. Ну вот, сказано – сделано.

Грамматические трансформации нередко сопровождаются семантическими, связанными с конкретизацией (сужением) или, наоборот, генерализацией (расширением) смысла (ср. [Швейцер, 2009: 130–133]). Это обусловлено тем, что чисто грамматическое преобразование оригинального текста (скажем, пассивизация) не всегда возможно либо даёт неприемлемый с точки зрения русского словоупотребления вариант. Различия в языковом выражении предиката могут вызывать также метонимические преобразования типа «причина – следствие» или, наоборот «следствие – причина» (ср. [Бреус, 2003: 47–49]). Обратимся к сравнению текстовых фрагментов (табл. 6).

В примерах 1–4 в табл. 6 можно наблюдать гипонимическую трансформацию, проявляющуюся в сужении смысла. Наряду с этим происходит его усиление, связанное с добавлением сем настойчивости, постоянства, универсальности и под. (ср. лексическую функцию Magn в модели «Смысл↔Текст» [Мельчук, 1974]). Так, если в исходных фрагментах повествователь говорит о том, что он(а) соответственно надоедал(а) отцу, спрашивал(а) себя, был(а) один и замер(ла) в ожидании, то в переводном тексте мы видим более сильные утверждения: *вопросы достали; вопросы одолевали; моё одиночество не нарушали; всё во мне замерло*. Помимо этого, при-

мер 1 можно трактовать как случай метонимического преобразования «от причины к следствию», а пример 3 – напротив, как трансформацию «от следствия к причине».

Пример 5 – это случай «чистой» гипонимической трансформации, которая кажется неоправданной: вполне можно было вместо слова *лицо* употребить слово *облик*, ср.: *вскоре её облик начал стираться из памяти*.

В примере 6 мы имеем пример обратной, гиперонимической, трансформации. Если гипонимическая трансформация в наших примерах (см. выше) сопровождалась усилением смысла, добавлением дополнительных сем, то здесь происходит обратный процесс сокращения семантических компонентов (начало войны не всегда предполагает её объявление, осознанный вызов). Также налицо метонимическое преобразование типа «причина – следствие».

Наконец, примеры 7 и 8 можно, вероятно, считать тем, что в [Швейцер, 2009: 130–133] обозначено как интергипонимическая трансформация (от одного гипонима к другому), ср.:

Таблица 6

Семантические трансформации в переводном тексте (глава 1)

№	Текст на ИЯ	Текст на ПЯ
1	I pestered my father.	Мои вопросы вконец достали отца
2	I looked once more at that NO TRESPASSERS sign, painstakingly lettered in my father's hand, and asked myself	мои глаза вновь обратились на эту надпись – «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЁН», – старательно выписанную рукой отца, и снова вопросы одолевали меня
3	I was alone	Моё одиночество не нарушали
4	Expectantly , I waited.	Всё во мне замерло в ожидании.
5	after a while I started to forget what she had looked like	и вскоре её лицо начало стираться из памяти
6	I didn't know it then, but that was the moment I declared war against St. Oswald's.	Тогда мне было это ещё непонятно, но в тот миг началась моя война с «Сент-Освальдом».
7	At first I grinned with pleasure	Сначала от радости у меня вырвался смехок
8	But beyond the trees was a surprise. I'd expected to see a road	Однако за деревьями меня ждал сюрприз. Мне казалось , там должна быть дорога

Примечательны также такие преобразования исходного текста (вне зависимости от конкретной главы романа), которые приводят к эллипсису всей группы «подлежащее (I) + сказуемое (глагол в Past Indefinite или Past Perfect)» в переводном тексте (см. табл. 7). Иногда такой вариант возможен благодаря тому, что повествование ведётся от 1-го лица и это делает некоторые сочетания (типа *I saw*, *I thought*) семантически избыточными (примеры 1–3). Избыточной является и фраза *I said* в примере 4, обусловленная положением реплики в структуре диалога. Наконец, в последнем примере возможность опустить предложение *I looked up* также связана с тем, что повествование ведётся от 1-го лица, а следовательно, читатель смотрит на ситуацию глазами рассказчика. К этому добавляется тот факт, что положение луны на небосводе, как правило, заставляет наблюдателя поднять голову.

Таблица 7

Эллипсисы в переводном тексте (глава I)

№	Текст на ИЯ	Текст на ПЯ
1	St. Oswald's was another world. Here I knew there would be no graffiti, no litter, no vandalism – not as much as a broken window.	«Сент-Освальд» – совсем другой мир. Здесь нет места граффити, мусору, вандализму, максимум – разбитое окно.
2	They might come at me from either side, I thought ; if they came from both, then I would have to run for it.	Они могут подойти и справа и слева. А если подойдут с обеих сторон, то придётся удирать.
3	Behind me, I heard Leon draw a long, wavering breath.	За моей спиной Леон издаёт долгий дрожащий вздох.
4	“I don't believe you,” I said .	– Я тебе не верю.
5	I looked up . The moon was nearly full	Сегодня почти полная луна

В настоящей статье мы рассмотрели пример реального текста на английском языке, где переводчик сталкивается с как будто искусственно придуманной задачей (наподобие учебного упражнения): при переводе на русский язык избежать указаний на пол персонажа, от лица которого ведётся повествование. Основная трудность связана с необходимостью отказа от употребления русских глаголов действия в прошедшем времени. В отличие от традиционной ситуации, где задача переводчика состоит в выборе наиболее подходящего варианта из целого спектра доступных, здесь возникает проблема подбора хотя бы какого-то способа передачи смысла оригинального текста при условии сохранения переводческой эквивалентности.

На наш взгляд, все рассмотренные выше трансформации не приводят к появлению или потере ключевой информации (см. [Миньяр-Белоручев, 1996: 111–132]). Они не изменяют референциального значения исходного текста: при переводе сохраняется так называемая ситуационная эквивалентность [Гак, Львин, 1970: 11].

Список литературы

- Бархударов Л.С.* Язык и перевод. М.: Международные отношения, 1975. 240 с.
- Бреус Е.В.* Теория и практика перевода с английского языка на русский. М.: Изд-во УРАО, 2003. 104 с.
- Гак В.Г., Львин Ю.И.* Курс перевода. 2-е изд. М.: Международные отношения, 1970. 400 с.
- Комиссаров В.Н.* Лингвистика перевода. 3-е изд. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 176 с.
- Миньяр-Белоручев Р.К.* Теория и методы перевода. М.: Московский лицей, 1996. 208 с.
- Мельчук И.А.* Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст». М.: Наука, 1974. 314 с.
- Нечаева О.А.* Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. 258 с.
- Рецкер Я.И.* Теория перевода и переводческая практика: Очерки лингвистической теории перевода. М.: Р. Валент, 2004. 240 с.
- Фёдоров А.В.* Основы общей теории перевода. 4-е изд. М.: Высшая школа, 1983. 303 с.
- Швейцер А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. 2-е изд. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 216 с.

Список источников

- Харрис Дж.* Джентльмены и игроки / Пер. с англ. Т.В. Старостиной. М.: Эксмо, 2013. 544 с.

Natalia M. Marusenko,

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor at Saint-Petersburg State University, Russia; e-mail: n.marusenko@spbu.ru

Tatyana G. Skrebtsova,

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor at Saint-Petersburg State University, Russia; e-mail: t.skrebtsova@spbu.ru

HOW TO AVOID THE PAST? A CASE STUDY OF THE RUSSIAN TRANSLATION OF THE NOVEL *GENTLEMEN AND PLAYERS* BY JOANNE HARRIS

The paper is a case study analysis of a translation of the mystery novel *Gentlemen and Players* by Joanne Harris into Russian. Due to the unconventional nature of the plot, the translator had to avoid specifying the narrator's gender, which was a non-trivial job given

that the Russian verbs in the past tense obligatorily mark the gender of their subject. To prevent the information disclosure, the translator had to avoid using the past-tense verb forms wherever they combined with the narrator's first-person pronoun. The paper attempts to reveal and classify the techniques employed to cope with the task. Most cases involve the use of various grammatical and semantic transformations.

Key words: English-Russian translation, past tense, grammatical gender, grammatical transformation, semantic transformation.

References

- Barhudarov L.S.* Jazyk i perevod [Language and Translation]. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija, 1975. 240 p. (In Russian).
- Breus Je.V.* Teorija i praktika perevoda s anglijskogo na russkij [Theoretical and Practical Aspects of English-Russian Translation]. Moscow: Izdatelstvo URAO, 2003. 104 p. (In Russian).
- Gak V.G., Lvin Ju.I.* Kurs perevoda [A Course in Translation]. 2nd ed. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija, 1970. 400 p. (In Russian).
- Komissarov V. N. Lingvistika perevoda [The Linguistics of Translation]. 3rd ed. Moscow: Knizhnyj dom "Librokom", 2009. 176 p. (In Russian).
- Minyar-Beloručev R.K.* Teorija i metody perevoda [Translation Theory and Methods]. Moscow: Moskovskij licej, 1996. 208 p. (In Russian).
- Melchuk I.A.* Opyt teorii lingvističeskikh modelej "Smysl ↔ Tekst" [An Experimental Theory of "Meaning ↔ Text" Linguistic Models]. Moscow: Nauka, 1974. 314 p. (In Russian).
- Nechaeva O.A.* Funkcional'no-smyslovyje tipy reči [Functional Semantic Types of Discourse]. Ulan-Ude: Buryatskoje knizhnoje izdatelstvo, 1974. 258 p. (In Russian).
- Rejsker Ja.I.* Teorija perevoda i perevodčeskaja praktika: Očerki lingvističeskoj teorii perevoda [Translation Theory and Practice: An essay on the Linguistic Theory of Translation]. Moscow: R. Valent, 2004. 240 p. (In Russian).
- Fyodorov A.V.* Osnovy obščej teorii perevoda [Foundations of General Theory of Translation]. 4th ed. Moscow: Vysshaja škola, 1983. 303 p. (In Russian).
- Švejcer A.D.* Teorija perevoda: Status, problemy, aspekty [Translation Theory: Status, Problems, Aspects]. 2nd ed. Moscow: Knizhnyj dom "Librokom", 2009. 216 p. (In Russian).

List of sources

- Harris Dzh.* Džentl'meny i igroki [Gentlemen and Players]. Moscow: Eksmo, 2013. 544 p. (In Russian).
- Harris J.* Gentlemen and Players. London: Doubleday, 2005. 512 p.

Ю.В. Егорова,

доцент, кандидат культурологии, Факультет иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: iegorova64@yandex.ru

Е.В. Трухтанова,

доцент, кандидат филологических наук, Высшая школа перевода (факультет) МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: ekaterina.trukhtanova@yandex.ru

ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА: НОРМАЛЬНО ИЛИ ОБЫЧНО?

В статье рассматриваются история слова «нормальный» и его использование в русском языке на протяжении двух последних столетий. Авторы обращают внимание на то, что переводчикам и студентам, изучающим русский язык, следует внимательнее относиться к употреблению данной лексемы, такой похожей на аналог в их языке. Опираясь на данные Национального корпуса русского языка, авторы прослеживают исторические значения слова, периоды его активности, особенности его употребления и соотношения с лексемой «обычный».

Ключевые слова: лексема, словарная дефиниция, Национальный корпус русского языка, семантическое содержание.

Два похожих слова из разных языков редко целиком и полностью повторяют предметно-логическое содержание друг друга. Для случаев абсолютного несоответствия двух разноязычных единиц теории перевода уже почти столетие использует термин «ложные друзья переводчиков» [Kessler Derocquigny, 1928]. Этому феномену посвящены многочисленные исследования, периодически выходят словари «ложных друзей». В одном из последних словарей — «Англо-русском, русско-английском толковом словаре обманчивых слов («ложных друзей») — его автор, А.И. Пахотин, стремясь избежать слишком часто употребляемого термина и даже пытаясь заменить «затасканное» словосочетание, называет их или «мнимыми друзьями» [Пахотин, 2011: 5–6], или «межязыковыми мнимыми ассоциатами». Список подобных лексем обычно известен переводчику, он воспринимает эти явления как языковые казусы. Таков случай, например, слова *palace* (1. Дворец, чертог; 2. Роскошное здание; особняк; 3. Официальная резиденция (короля, высокопоставленного духовного лица) [Мюллер, 2012] и *палас* ([перс. palas] — безворсовый ковёр, вытканый ручным или машинным способом [Кузнецов, 2000]).

Гораздо труднее осознать, что слова из разных языков, часть значений которых совпадают, не полностью соответствуют друг другу. Эти расхождения мешают как неопытному переводчику, так и изучающему иностранный язык, так как важная составная часть

процесса усвоения чужого языка, особенно на начальном этапе, — это собственно перевод, либо эксплицитный в системе упражнений, либо имплицитный — в сознании учащегося. Определённые ошибки иностранных студентов в употреблении отдельных лексем способны указать случаи подобных несовпадений, показать, какое влияние они оказывают на овладение индивидом иностранным языком.

Такова ситуация с лексемами **нормальный** и **нормально** для носителей индоевропейских языков. Типичны случаи следующего ошибочного использования лексем **нормальный/нормально** вместо **обычный/обычно** иностранными студентами, изучающими русский язык:

(1) *В нашей стране дети **нормально** заканчивают школу в 17 лет.*

(2) *Там изучают **нормальные** школьные предметы.*

Эти ошибки отнюдь не случайны: они объясняются сходством звучания и происхождения английского **normal**, французского **normal** и т.п., с одной стороны, и русского **нормальный** — с другой. В большинстве двуязычных словарей эти лексемы переводятся двумя русскими прилагательными: **нормальный** и **обычный**. В словарных статьях, посвящённых английской лексеме, основное значение прилагательного связывается именно со смыслом «обыкновенный/обычный»: “usual, ordinary, and expected; нормальный, обычный”¹. На портале «Академик» в переводе прилагательного также фигурирует **обычный** и дополняется **обыкновенным**², причём в первом значении. Кроме того, там предлагаются способы перевода отдельных словосочетаний с прилагательным **normal**. Интересно, что из 34 рассматриваемых словосочетаний только 2 используют лексему **обычный**: normal fare — обычный тариф; normal data — обычные данные. Значительное же большинство переводится словом **нормальный**. При переводе же русского **нормальный** закономерно использование **normal**, но и эта же лексема предлагается в первую очередь для слова **обычный**. Неполное соответствие английского **normal** и русского **нормальный**, их разные комбинаторные свойства становятся причиной ошибок неопытных переводчиков и студентов, изучающих русский язык.

Не вносят ясности и словарные определения во многих современных толковых словарях русского языка. Так, в Большом толковом словаре под редакцией С.А. Кузнецова первое значение лексемы сопровождается синонимами **общепринятый**, **обычный**: «НОРМАЛЬНЫЙ, -ая, -ое; -лен, -льна, -льно [от лат. normalis — прямолинейный] 1. Соответствующий норме (нормам); **общепринятый**, установлен-

¹ — URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru>

² — URL: <https://translate.academic.ru/normal/en/ru/>

ный или **обычный**. Н-ая температура. Н-ая продолжительность рабочего дня. Н-ое снабжение, питание.» При этом ни в одном из приведённых в словаре примеров невозможна замена **нормального** на **обычный**: **обычные температура, продолжительность рабочего дня, снабжение** не равны **нормальным**, что, конечно же, сеет сомнения в словарной дефиниции и провоцирует ошибки.

Упоминание лексемы **обычный** для перевода *normal* и в словарных определениях русского аналога часто вводит в заблуждение иностранцев, изучающих русский язык, поэтому кажется целесообразным обратить внимание на историю заимствованного слова, изменение его значения и соотношение с другим прилагательным — **обычный**. Понимая, что семантическое содержание наречия, образованного от прилагательного, как правило, объясняется развитием значения самого прилагательного, мы обращаемся к наречию **нормально** лишь во вторую очередь.

Первое употребление лексемы **нормальный**, зафиксированное в Национальном корпусе русского языка, датируется 80-ми годами XVIII века и встречается в письмах Д.И. Фонвизина:

(3) *Он отвечал мне, что сегодня будет на чистом поле экзамен полковой нормальной школе* (Д.И. Фонвизин. Письма родным, 1784–1785)³.

В примере (3) лексема используется не в интересующем нас значении, её употребление связано с образовательными институтами особого типа. Именно в подобном сочетании она фигурирует как одно из рассматриваемых понятий в энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона: **Нормальные школы**. В посвящённой им статье даётся перевод — *ecoles normales, normal schools*, имеются в виду образцовые учебные заведения [Энциклопедический словарь, 1897: 380–381]. Кроме приведённого словосочетания, в энциклопедическом словаре встречаются **Нормальный корм** (соответствующий правилам ухода за животными) и **Нормальный устав** (отсылающий к статье **Образцовый устав**). По-видимому, в конце XIX века одним из синонимов лексемы **нормальный** было прилагательное **образцовый**.

Что касается точного времени заимствования и самого прилагательного, и слова, от которого оно образовано, то убедительных данных обнаружить пока не удалось. В этимологическом словаре М. Фасмера источник исходной лексемы **норма** фиксируется лишь приблизительно: «I. Заимств. из нем. *Norm* или франц. *norme* — то же от лат. *norma*» [Фасмер, 1987: 83]. Лексема же **обычный** отсутствует в словаре, зато есть **обыкновенный**: «**Обыкновенный** народн.

³ Примеры взяты из собрания текстов Национального корпуса русского языка. — URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: January 18.2018).

обнаковенно (Гоголь). Первоначально др.-русск. *обыкновенъ* – прич. прош. страд. от др.-русск., ст.-слав. *обыкнѣти* «привыкнуть», как дерзновѣнный от *дързнѣти, *прикосновенъ* и др. Обыкнѣти из *ob-vuknōtī связано с *привыкнуть, вы́кнуть, учить*» [Там же: 111].

Контекст начала XIX века (4), как и предыдущий, связывает лексему *нормальный* с образовательными учреждениями:

(4) *...завести при каждой Епархии особенные училища, род **нормальных** школ, и поручить оные надзору светских духовных лиц* (А.О. Корнилович. Записки из Алексеевского рavelина, 1828–1832).

В это же время встречается и первое употребление слова в значении «образцовый»:

(5) *И художник Венецианов говорит, что Москва привлекательна, а Неверов приписывает Петербургу красоту классическую, более **нормальную**, Москве романтическую – и я с ним совершенно согласен* (Н.В. Станкевич. Письма В.И. Красову, 1834).

И в значении «соответствующий определённой норме», что станет впоследствии, по нашему мнению, основным значением русского прилагательного:

(6) *В Петербурге все живут широко; помещения соображены здесь вовсе не с необходимостью семейств, но с требованием приличия; они устроены по той увеличенной мере, которую обычай сделал **нормальной*** (А.П. Башуцкий. Панорама Санкт Петербурга, 1834).

В этом примере интересно одновременное употребление слов *обычай* и *нормальная*. Использование их в одной фразе доказывает нам, что носитель языка связывает, но не уравнивает *обычай* и *норму*, а значит, *обычный* и *нормальный* не тождественны не только по сочетаемости, но и по самому значению. Мы можем увидеть это и в современном языке. На первый взгляд, предложения «Нормально я себя чувствую» и «Обычно я себя чувствую» с логическим ударением на первом слове похожи, но это только первоначальное впечатление, они не равны друг другу, а увидеть это помогает именно соединение двух лексем в одной фразе: «Обычно я чувствую себя нормально», как и в примере (6).

30-е годы XIX в., вероятно, могли быть периодом начала активного употребления лексемы, что показывает и схема частотности её употребления с распределением по годам⁴. Именно с этого времени начинается неуклонный рост частоты её использования, при этом нет продолжительных отрезков ни спада, ни стабильности. Закономерно, что в этот начальный период для неё характерны и грамматическая неустойчивость (*более нормальной*), и употребление в терминологическом значении (у Н.И. Лобачевского *прямые*

⁴ См. Таблицу распределения по годам в Национальном корпусе русского языка.

могут заменяться существительным **нормальные**⁵). При этом параллельно существует и современное значение слова («соответствующий представлениям о норме»). Вряд ли В.Г. Белинский писал о душах, в какой-то степени образцовых:

(6) ...души нормальные и крепкие находят своё блаженство в живом сознании живой действительности, и для них прекрасен божий мир, и само страдание есть только форма блаженства, а блаженство — жизнь в бесконечном. (В.Г. Белинский. «Горе от ума». Комедия в 4-х действиях, в стихах. Сочинение А.С. Грибоедова, 1839).

В первой половине XIX века Национальный корпус русского языка отмечает 47 документов, в которых встречается 79 вхождений лексемы. Эти контексты распределены неравномерно: среди авторов есть очевидные любители модного слова. Таков В.Н. Майков в статье, сопровождающей книгу «Стихотворения Кольцова с портретом автора, его факсимиле и статьей о его жизни и сочинениях»: там фиксируется 10 вхождений слова. При этом автор, к нашему удивлению, уже в начале позапрошлого века рассуждает, что считать нормальным для бытия человека, а что — нет. По его мнению, нормальная жизнь обязательно включает в себя науку, искусство и общественную активность:

(7) Поэтому считаем излишним доказывать здесь истины, подобные той, что наука, искусство и общественность входят в состав идеала нормальной человеческой жизни... (В.Н. Майков. Стихотворения Кольцова с портретом автора, его факсимиле и статьей о его жизни и сочинениях, 1846).

Для современного носителя языка нормальность, норма, скорее всего, связаны в большей степени с часто встречающимся, с распространённым, с обычным (! не тождественно, но связано), для В.Н. Майкова же описываемая категория противопоставлена пошлости:

(8) между пошлым и **нормальным** нет ничего общего; что, наоборот, **ненормальность** всегда совпадает с **пошлостью** [Там же]

А ведь слово **пошлость** этимологически тесно связано с «широко распространённым», а значит, с обычным. У В.В. Виноградова в «Истории слов» находим: «Слово пошлый — чисто русское, народное слово. Оно представляет собою отглагольное прилагательное, точнее: причастие от глагола *пойти* (ср. выражение «пошло» — ‘ведётся исстари’), превратившееся в имя прилагательное». [Виноградов, 1999: 531] О пошлости учёный пишет и в статье «Язык Гоголя и его значение в истории русского языка: «Пошлый — это в языке 30–40-х годов — синоним слов «обыкновенный», «банальный» до

⁵ Впоследствии они превратятся в нормали.

избитости» [Материалы и исследования, 1953: 25]. Вероятно, возможна гипотеза, что дело, как и во многих случаях в русском языке (*слишком умный*), в степени проявления признака: ключевым словом является «до избитости», степень распространённости слишком широкая, поэтому неодобряемая и противопоставляемая нормальности. Другой гипотезой использование этих лексем в контекстах В.Н. Майкова могло бы быть предположение, что *нормальный* в значении «образцовый» активно употребляется и в 40-х годах, и не только в составе связанных словосочетаний⁶.

И именно с этого времени споры о том, что считать нормальным, а что нет, становятся одним из основных сюжетов гуманитарного дискурса:

(9) *Как вы не хотите понять, что в ненормальной среде одна неестественность только и может быть названа нормальной?* (М.Е. Салтыков-Щедрин. Брусин, 1847–1848).

В этот период появляются и контексты, хотя и редкие, в которых *нормальное* можно заменить на синоним *обычное*.

(10) *Политика здесь — занятие постоянное, потому что тревога, смута составляют здесь нормальное положение общества* (В.П. Боткин. Письма об Испании, 1847).

Но в большинстве вхождений такая замена невозможна. В этих случаях исследователь приходит к двум возможным выводам. С одной стороны, можно предположить, что сочетаемость слова в начале его исторического пути ещё не устоялась и авторы свободны в своём употреблении, с другой — заключить, что со временем изменились сочетаемостные свойства лексемы. В примере (11) автор учебника по зоологии употребляет наречие *нормально*, что противоречит современным стилистическим нормам: несмотря на сходство семантического содержания двух слов, редактор сегодня исправил бы *нормально* на *обычно*.

(11) *Встречаются однако же звери, которые нормально не имеют резцов и часто клыков...* (К.Ф. Рулье. Общая зоология, 1850).

Значительную часть словосочетаний (вместе выше 80%) рассматриваемого временного отрезка составляют следующие словосочетания: нормальное состояние, нормальное положение, нормальные условия. И активизацию самой лексемы, и частотность упомянутых словосочетаний мы связываем с изменением тематического содержания публичного дискурса. Именно в это время социологическая и научная проблематика начинает волновать общество. В контекстах середины XIX века преобладают вхождения из текстов научной и общественной тематики.

---

⁶ См. ранее о случаях употребления в Энциклопедическом словаре.

Во второй половине позапрошлого столетия многократно возрастает число текстов и вхождений: 382 документа по сравнению с 47-ю в первой половине века, 1349 вхождений по сравнению с 79-ю. Предпочтительными словосочетаниями остаются нормальное состояние, положение, нормальные условия. Большинство вхождений отсылает читающего к значению «соответствует норме, по мнению автора высказывания». В середине временного отрезка наиболее активным в использовании лексемы становится медицинский дискурс. Чемпионами по количеству вхождений стали «Профессиональная гигиена» (48 случаев) и «Школьная гигиена» (36) Ф.Ф. Эрисмана. В конце же века эстафету принимает философский дискурс, в котором нормальный тесно связано с психическим состоянием человека. В «Оправдании добра» В.С. Соловьева мы находим 87 примеров его употребления.

Для литературоведов была бы небесполезной информация о том, что рассматриваемая лексема и её антонимы чаще всего фигурируют в критических статьях, посвящённых одному писателю – Ф.М. Достоевскому. Об этом свидетельствуют и 14 примеров из «Легенды о Великом инквизиторе» В.В. Розанова, и 2 – из статьи К.Н. Лентьева «Достоевский о русском дворянстве».

Самым показательным словарём-тезаурусом середины XIX века считается «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля, первое издание которого выходит в 1863–1866 годах. В данном словаре лексема нормальный включена в словарную статью **Норма** в соответствии со словообразовательными принципами автора. В дефиниции лексема рассматривается не отдельно, а в словосочетаниях: нормальное состояние, нормальные вес, мера. Для первого словосочетания, как и во многих современных словарях, начальным словом словарного определения становится обычный: «Нормальное состояние, обычное, законное, правильное, не выходящее из порядка, не впадающее ни в какую крайность» [Даль, 1979: 555]. Однако В.И. Даль в последующем тексте выходит из положения, связывая нормальный с подобием «золотой середины», обозначая её словом порядок, указывая на отсутствие крайностей. В других словосочетаниях основой для прилагательного явно становится норма в значении «образец». Не случайно в определении появляется «единица веса и меры» [Там же]. Забываемая при переводе *normal* лексема обычный у В.И. Даля встречается в статье, заглавным словом которой является глагол **Обыкать/обыкнуть** (современный аналог – привыкать/привыкнуть), в ней упомянут и сам обычай. Синонимами прилагательного названы заведённый, всегдашний, нет никакой связи с идеей нормы.

Однако и в середине, и в конце прошлого века встречаются контексты, в которых лексема **нормальный** явно упомянута в значении «обычный», но никак не «соответствующий норме». О какой норме Истины может идти речь в примере (12)?

(12) *Нормальная истина живёт, скажем, ну, лет семнадцать-восемнадцать, самое большое – двадцать* (Л.И. Шестов. Победы и поражения (Жизнь и творчество Генриха Ибсена), 1900).

В примере же (13) слабая власть вряд ли может служить нормой, а тем более образцом, эталоном для автора высказывания.

(13) *Первые её одобряли как проявление правительственной энергии, вторые её осуждали как признак признания самим правительством слабости своей нормальной власти* (В.П. Мещерский. Мои воспоминания, 1897).

Если же мы заменим **нормальный** на **обычный**, в обоих случаях смысл высказываний становится понятнее.

По мере развития истории слова положительный смысл «соответствие норме» закрепляет за ним положительную коннотацию: всё, что нормально, хорошо. Поэтому даже в международных отношениях в конце века, в период, когда назревают многие серьёзные конфликты, а отношения между странами трудно назвать безоблачными, нормой признается добрососедство и сотрудничество:

(14) *Финляндия при нормальном отношении к России давала бы ей необходимую естественную границу, т.е. морской берег* (Д.И. Иловайский. Краткие очерки русской истории, 1860–1911).

В конце века появляется новое словосочетание – **нормальная столовая**, обозначающее новое социальное понятие – предприятие общественного питания, отличающееся от кухмистерской, студенческой и вегетарианской столовой:

(15) *К этому меня побуждали и финансовые соображения: в моём бумажнике лежали всего-навсего гривенник и билет на один раз в нормальную столовую...* (А.И. Куприн. Блаженный, 1896).

(16) *Вместе с билетом в нормальную столовую я истратил легкомысленным образом и гривенник* (Там же).

Нормальные школы как название социального института сохраняются и в это период: в частности, они фигурируют в «Проекте учительской семинарии» К.Д. Ушинского. Когда геополитические процессы XX века коснулись и высшего образования и престижные французские *Ecoles Normales* стали упоминаться в русскоязычном сегменте, и современного автора текста, и читающего несколько смущали **Нормальные школы**, чего нельзя сказать, по-видимому, об их предшественниках.

В 3 раза, по сравнению со второй половиной XIX века, возрастает частотность употребления лексемы в первой половине двадцатого

(1485 документов, 4266 вхождений). Кроме закрепления появившихся ранее значений и существенного увеличения использования слова, данный период характеризуется сближением понятий «норма» и «распространённость». В этом, по-видимому, проявляется обретённое индивидом чувство необходимости соответствовать некоторой выбранной обществом норме. *Ненормальный* человек, поведение которого не отвечает психическим стандартам, превращается в *сумасшедшего*. Сближение нормы и распространённости ослабляет личностный компонент в понимании нормы и порождает равноправное использование *нормального* и *обычного* в части контекстов.

(17) *С этой стороны третий пятилетний план — замечательные, нормальные советские будни* (А.С. Макаренко. О коммунистической этике, 1938—1939).

В дальнейшем увеличивается количество печатных текстов, закономерно увеличивается и число контекстов. Особенно резкий рост отмечается на рубеже XX и XXI веков. Многие толковые словари конца века, как уже отмечалось вначале, дезориентируют иностранцев, изучающих русский язык, объясняя значение слова *нормальный* с помощью синонимов, и прежде всего — с помощью слова *обычный*.

Частично исправляет этот недостаток «Словарь сочетаемости слов русского языка». В нём слово *нормальный* отнесено к одному из 2500 наиболее часто употребляемых, его дефиниция в первом значении нам кажется наиболее удачной: «1. Такой, который соответствует норме» [Словарь сочетаемости, 2003, с. 378]. В этом учебном словаре, предназначенном прежде всего для иностранцев, изучающих русский язык, в каждой статье приводятся слова-компаньоны, с которыми сочетается рассматриваемая лексема. В случае *нормальный 1* — это зрение, слух, пульс, вес, рост, развитие, состояние, самочувствие, пищеварение, температура, давление, темп, условия, обстановка, функционирование чего-либо. Очевидно, что использование слова в первом значении продолжает традицию начального этапа его употребления и соотносится прежде всего с параметрическими показателями. *Нормальный 2* сопровождается пометой «разг.» и определяется, как и в большинстве современных толковых словарях, через синонимы «совершенно обычный, средний» [Там же]. При этом кардинально меняются слова-компаньоны: человек, ребёнок, мальчик, девочка, дом, квартира, комната, кровать, стол, ручка. Большинство из них принадлежит сфере бытовой коммуникации, а примеры — образцы бытовых речений. Нужно заметить, что вне разговорного употребления этих словосочетаний замена *нормального* на *обычный* приводит к частичному изменению смысла. В предложении «Это обычная комната» определение показывает, что такие комнаты часто встречаются в определённое время в определённом

населённом пункте. Изменение прилагательного («Это нормальная комната») говорит о том, что предмет соответствует представлению о норме для этой категории предметов или признается пригодным для осуществления какой-либо необходимой функции – короткого пребывания, например.

В отличие от лексемы *нормальный*², дефиниции лексем *обыкновенный* и *обычный* в словаре сочетаемости вообще не обращаются к своему, казалось бы, синониму. У *обыкновенного* отмечается одно значение: «Такой, который ничем не выделяется среди других» [там же: 396]. У *обычного* два: «1. Такой, как всегда; привычный, постоянный» и «2. Такой, который не выделяется среди других» [Там же: 396–397].

В разговорном варианте языке, когда темп речи быстр, а выбор слова осуществляется почти автоматически, разница между *нормальным* и *обычным*, действительно, может стираться. Это различие подобно различию между медианой и средним арифметическим: для специалистов две разные величины, а для профана, даже если он и осведомлён об этих величинах, разница между ними условна.

Начало нового века обозначило, по нашему мнению, некоторое видоизменение идеи «нормальности». До последнего времени важно было, чтобы индивид соответствовал норме, был нормальным. Но сегодня другое слово обрело популярность – *адекватный*. О моде на него пишет И.Б. Левонтина: «Слово *адекватный* сейчас чрезвычайно активно используется применительно к человеку. При этом не указывается, чему этот человек адекватен. Просто – *адекватный*, то есть без тараканов в голове, без неожиданных и странных проявлений, без комплексов, сверхценных или фиксированных идей» [Левонтина, 2016: 12]. Определение исследователя перефразирует дефиницию нормального, однако нам кажется, что между этими двумя антропонимическими характеристиками есть разница: *нормальный* обращает внимание на самого человека, а *адекватный* в большей степени, чем первое слово, – на реакцию человека на слова, действия другого, на саму ситуацию, как будто констатируется, что индивид способен все нормально воспринимать.

Немного потеснившись и уступив место *адекватному*, *нормально* в молодёжном сленге подверглось усечению, что зафиксировал один из популярных пирожков (четверостиший, написанных белым четырёхстопным ямбом без знаков препинания):

«Спустись в каюту, Айвазовский, –
кричат матросы, – скоро шторм.
Но отвечает живописец:
мне **норм**»

(– URL: <http://kids60.ru/index.php?showtopic=3665&st=40>).

Список литературы

- Абрамов Н.* Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. М.: Русские словари, 1999.
- Большой толковый словарь русского языка. Под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2000.
- Виноградов В.В.* История слов. М.: Издательство РАН, 1999.
- Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М.: Русский язык, 1979.
- Левонтина И.* О чём речь. М.: АСТ, 2016.
- Материалы и исследования по истории русского литературного языка. Т. 3. М.: Издательство Академии наук, 1953.
- Мюллер В.К.* Англо-русский. Русско-английский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1972.
- Пахотин А.И.* Англо-русский, русско-английский толковый словарь обманчивых слов («ложных друзей»). М.: Издатель Карева, 2011.
- Словарь сочетаемости слов русского языка / Под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. М.: Астрель, 2003.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 3. М.: Прогресс, 1987.
- Энциклопедический словарь / Под ред. проф. И.Е. Андреевского. Санкт-Петербург: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1890–1907. Т. 21, 1897.
- Maxime Kæssler, Jules Derocquigny.* Les faux amis ou Les pièges du vocabulaire anglais. Paris, 1928.

Yulia V. Yegorova,

Associate Professor at the Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: iegorova64@yandex.ru

Yekaterina V. Trukhtanova,

Associate Professor at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: ekaterina.trukhtanova@yandex.ru

TRANSLATION DIFFICULTIES: NORMAL OR USUAL?

The article deals with the history of the Russian word “normalny” (normal, regular, sane) and its use in Russian for the last two centuries. The authors draw the attention of translators and foreign students of Russian to the necessity of being very careful when using this lexical unit, which sounds very much like its English analogue. Basing their findings on the National Corpus of Russian, the authors trace the historical meaning of the word, periods of its active usage, usage peculiarities and its correlation with the lexical unit “obychny” (usual, normal, ordinary, regular).

Key words: lexical unit, dictionary definition, National Corpus of Russian, semantic contents.

References

- Abramov N.* Slovar' russkih sinonimov i skhodnyh po smyslu vyrazhenij [Dictionary of Russian Synonyms and Similar Expressions on Sense]. Moscow: Russkie slovari, 1999 (In Russian).
- Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Big explanatory dictionary of Russian Language]. Pod red. S.A. Kuznecova. Saint-Petersburg: Norint, 2000 (In Russian).
- Fasmer M.* Ehtimologicheskij slovar' russkogo yazyka [Etymological Dictionary of The Russian Language], vol. 3. Moscow: Progress, 1987 (In Russian).
- Dal' V.* Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language], vol. 2. Moscow: Russkij yazyk, 1979 (In Russian).
- EHnciklopedicheskij slovar'* [Encyclopedic Dictionary], pod red. prof. I.E. Andreevskogo. Sankt-Peterburg: F.A. Brokgauz, I.A. Efron, 1890–1907, vol. 21, 1897 (In Russian).
- Levontina I.* O chyom rech' [And What are We talking About]. Moscow: AST, 2016 (In Russian).
- Maxime Kæssler, Jules Derocquigny.* Les faux amis ou Les pièges du vocabulaire anglais. Paris, 1928.
- Materialy i issledovaniya po istorii russkogo literaturnogo yazyka* [Materials and Research on the History of Russian Literary Language], vol. 3. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk, 1953 (In Russian).
- Myuller V.K.* Anglo-russkij. Russko-anglijskij slovar' [English Russian Dictionary. Russian English Dictionary]. Moscow: Sovetskaya ehnciklopediya, 1972 (In Russian).
- Pahotin A.I.* Anglo-russkij, russko-anglijskij tolkovyj slovar' obmanchivyh slov ("lozhnyh druzej") [English to Russian, Russian English explanatory dictionary of deceitful words (false friends)]. Moscow: Izdatel' Kareva, 2011 (In Russian).
- Slovar' sochetaemosti slov russkogo yazyka* [Dictionary of Russian Language Compatibility Russian Language]. Pod red. P.N. Denisova, V.V. Morkovkina. Moscow: Astrel', 2003 (In Russian).
- Vinogradov V.V.* Istoriya slov [History of the words]. Moscow: Izdatel'stvo RAN, 1999 (In Russian).

А.П. Миньяр-Белоручева,

доктор филологических наук, профессор, кафедра иностранных языков МГУ имени М.В. Ломоносова, профессор; e-mail: ostvera@mail.ru

Е.В. Княжинская,

старший преподаватель, кафедра иностранных языков МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: knyazhinskaya@yandex.ru

ПЕРЕВОД НОМЕНКЛАТУРНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ ЭПОХИ РЕВОЛЮЦИЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АНГЛИЙСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

В статье рассматриваются номенклатурные образования, созданные в эпоху революций в России и способы их перевода на английский язык. Проводится разграничение между номенклатурными образованиями и языковыми реалиями, которые являются национально-культурно-политическими единицами, содержащими фоновую информацию, характерную для страны в конкретный период её развития и не имеющих аналогов в других языках, что вызывает особые сложности в процессе их перевода. Особое внимание уделяется способам передачи номенклатурных образований с исходного языка на язык перевода англоязычными писателями для создания необходимой им атмосферы революционной эпохи, связанной с многочисленными изменениями в политической и бытовой сферах. Номенклатурные образования чрезвычайно чётко передают все изменения, происходящие в политической жизни конкретной страны, и не всегда имеются их достаточно точные эквиваленты в другом языке. Писателям, также как и переводчикам, для их передачи на другой язык приходится использовать транслитерацию, транскрипцию, калькирование и толкование.

Ключевые слова: языковые реалии, номенклатурные образования, лексические единицы, государственная структура, перевод, транскрипция, транслитерация, калькирование, интерпретация, особенности.

Язык фиксирует все изменения, происходящие в жизни общества. Смена государственной власти, вызванная Революцией 1917 года в России и последующие преобразования в жизни и деятельности народа нашли своё отражение, прежде всего, на лексическом уровне языка, в частности на уровне номенклатурных образований, тесно связанных языковыми реалиями. Как языковые реалии, так и номенклатурные образования относятся к национально-культурным единицам, если первые отражают специфику культуры, быта, то вторые соотносятся с политическим аспектом конкретной страны.

Представляется необходимым уточнить понятия «реалии» и «номенклатурные образования» или «номены». Согласно определению, реалии – это «единицы национального языка, обозначающие уникальные референты, свойственные данной лингвокультуре и отсут-

ствующие в сопоставляемой лингвокультурной общности» [Швейцер, 1973: 251]. Существительное «реалия», произошедшее от латинского прилагательного среднего рода во множественном числе *realia*, означающее «вещественный», является сложным грамматическим и лексическим понятием, соединившим в себе язык и культуру [Влахов, Флорин, 1986: 15]. Для реалий определяющими являются материальные предметы культуры и быта, присущие конкретному народу, но отсутствующие у других народов. Языковые реалии носят национальный характер. Они подразделяются на бытовые реалии, включающие названия жилищ, имущества, одежды, уборов, пищи, напитков, денежных знаков, музыкальных инструментов, виды труда и занятий, единицы меры; реалии, называющие мир природы, к которым относятся животные, растения, ландшафт; мифологические реалии, включающие антропонимы мифических героев и сказочных существ, божеств, топонимы легендарных мест; этнографические реалии, обозначающие этнические общности и их представителей, народные танцы, песни, праздники, игры, обращения [Виноградов, 1978: 145]. Языковые реалии воссоздают исконную картину жизни народа на этно-культурно-бытовом уровне, номенклатурные образования отображают исторические события, национальные особенности государственного и социального устройства общества.

Однако реалии и номенклатурные образования не следует противопоставлять. Как языковые реалии, так и номенклатурные образования в своём языковом обозначении переходят вместе с референтами в другие языки, расширяя их лексический состав. Будучи национально-культурными и политическими единицами, они отражают особенности существования каждого народа в отдельно взятую эпоху на разных уровнях и находятся в родо-видовых отношениях, причём видовая функция закрепляется за номенклатурными образованиями или номенклатурой, которые появились в результате социально-политического развития конкретного общества.

Под номенклатурой, образованной от латинского слова *nomenclatura*, означающая «список, перечень», понимается «совокупность названий в идю» [Уэвель, 1867]. Номенклатура — «сжатая в одно слово, простое или сложное, формула изучаемой вещи действительно служит остановкой мысли на некоторой вершине» [Флоренский, 1998: 371], отличается точностью передачи информации. Номенклатурные образования, также как и реалии, характеризуются автономностью, что позволяет им существовать вне системы их обозначения, сохранять предметность и употребляться вне контекста. Номенклатура — это совокупность специальных обозначений, связанных с называемой вещью не в акте мысли, а в акте восприятия и представления [Реформатский, 1969: 9]. Со-

гласно классификации Л.А. Капанадзе, к номенклатуре следует относить имена собственные в географии и картографии и технические этикетки [Капанадзе, 1965]. Однако сфера функционирования имён собственных, в которой они воспринимаются как номены, гораздо шире и не может быть ограничена указанными областями. Номенклатура как совокупность названий включает общественно-политические образования, состоящие из административно-территориальных единиц, населённых пунктов; органы и носители власти, политические организации и политических деятелей, патриотические и общественные движения, антропонимы общественных и политических деятелей, социальные явления и движения, звания, степени, учреждения, учебные заведения и культурные учреждения, сословия и касты, сословные знаки и символы, военные реалии, подразделения, оружие, обмундирование, звание военнослужащих [Влахов, Флорин, 1986: 135].

В отличие от реалий, существование которых не зависит от государственного строя, номенклатурные образования чутко реагируют на политические и социальные преобразования в стране, изменяя названия обозначаемых ими структур. Следовательно, со всем основанием можно утверждать, что смена номенклатурных образований происходит наряду со сменой власти, которая влечёт за собой смену государственных институтов и структур. Это позволяет говорить о номенклатурных образованиях как индикаторах социального строя, существующего в стране в конкретный отрезок времени. Следует отметить, что языковые реалии и номенклатурные образования составляют национально-культурно-политический лингвистический фонд большинства языков.

В настоящее время номенклатура рассматривается как инструмент, обеспечивающий устойчивость и универсальность наименований в политической и социальной сферах. Ход исторического развития находит отражение в номенклатурных образованиях. Номенклатура, представляя собой систему названий, обозначающих конкретные исторические события и явления, имеет уточняющий и конкретизирующий характер. Она отражает специфику и колорит конкретно взятой эпохи и страны [Миньяр-Белоручева, 2001: 87]. Синергизм реалий и номенклатурных образований передаёт национально-культурно-политическую семантику, необходимую для понимания страны в конкретно взятую эпоху.

Номенклатурные образования эпохи революций в России как особый лексический класс отражают коренные преобразования, произошедшие в российском обществе. Революция 1917 года, вызвавшая смену государственной власти и структурные реорганизации общества, закрепила их в языке в виде номенклатурных

образований, конструировавших новый мир. Новая реальность, в которой предстояло жить людям почти век, создавалась также и языком. Избавиться от имперского наследия и заблокировать возвращение к прошлому образу жизни оказалось возможным путём перекодирования сознания народа посредством языка, в котором определяющая роль отводилась номенклатурным образованиям.

Специфика реалий и номенклатурных образований как слов, имеющих ярко выраженную национальную особенность, заключается в их непереводаемости на другие языки, поскольку они обозначают феномены, не имеющие аналога в других культурах и политических структурах.

В теории перевода они обозначены как «безэквивалентная лексика», не имеющая вербальных «эквивалентов за пределами языка, к которому они принадлежат» [Верещагин, Костомаров, 1973: 57].

Однако это не означает, что они не могут быть переведены на другие языки. Одни исследователи считают, что многообразие передачи их значения сводится к двум основным способам: транскрипции/транслитерации и переводу (замене) *per se*, в котором национально-культурно-политические образования передаются посредством кальки, полукальки, освоения, семантического неологизма, родовидового соответствия, функционального аналога, описания, объяснения, толкования, контекстуального перевода [Влахов, Флорин, 1986: 116]. Другие учёные полагают, что «безэквивалентная лексика» может быть передана на другой язык посредством транскрипции/транслитерации; калькирования; описательного перевода; использования «аналога», которые не всегда создают достаточно правильное представление о характере обозначаемого ими предмета или явления [Бархударов, 1975: 176].

Представляется, что при создании своих произведений писатели, повествуя о дальних странах и стремясь передать их колорит, используют те же способы передачи языковых реалий и номенклатурных образований, что и переводчики. В ходе анализа предстоит выявить наиболее часто используемые способы передачи номенклатурных образований на язык перевода. Реалии и номенклатурные образования, как правило, входили из исходного языка в языки перевода посредством литературных произведений.

Следует отметить, что русская литература сыграла значительную роль в становлении британского модернизма, который формировался в период «руссомании», когда британцы благодаря переводу познакомились с новым для них русским миром, созданным в произведениях И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова. Литература сформировала политическую культуру революционной России. Романы и поэмы не подвергались такой

же жёсткой цензуре, как политическая публицистика. Политика пронизывала всю русскую литературу, что не было характерно для европейских художественных произведений. Англоязычные литературные произведения, созданные в XX веке под влиянием трёх русских революций, изменили взгляды островитян на Россию.

Русские революционные традиции и Революции 1917 года воспринимались британцами и американцами через призму произведений таких иконических писателей, как Джозеф Конрад, Артур Рэнсом, Хью Уолпул, Герберт Уэллс, Сомерсет Моэм, Джон Рид, которые своими работами попытались нивелировать разрыв между историей и литературой. Одним из первых произведений, познакомивших британскую публику с революционными событиями, произошедшими в России в 1905 году, была повесть Джозефа Конрада 'Under Western Eyes' [Conrad, 2007]. Вышедшая в 1911 году, данная работа как ответ эпохи революций на «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского, воспринималась по-разному до и после событий 1917 года. Для создания колорита Дж. Конрад вводит русские имена главных и второстепенных героев, которые в силу их политизированности можно рассматривать как номенклатурные образования, которые вне системы своего обозначения сохраняют свою предметность [Миньяр-Белоручева, 2014: 168].

Графическая и звуковая формы русских имён собственных передаются посредством транслитерации/транскрипции: Kyriilo Sidorovitch Razumov, Victor Victorovich Haldin, Natalia Victorovna Haldin, Peter Ivanovitch, Sophia Antonovna, Tekla, Baroness Eleanora Maximovna de S-, Nikita Necator, Privy Councillor Gregory Gregorievitch / Matvievitch Mikulin [Conrad, 2007]. Поскольку транскрипция/транслитерация не раскрывает значения номенклатурных образований, то их передача на другой язык требует сопутствующего толкования [Бархударов, 1975: 86]. В литературных произведениях толкование можно поместить непосредственно в текст или вынести в комментарии в конце страницы или книги. Для того чтобы обозначить специфические свойства русских имён собственных, Дж. Конрад обращается к кельтскому аналогу, что является более понятным и близким для англоязычного мира. Рассказывая о своём герое на первых страницах повести, Дж. Конрад разъясняет, вероятно, странное для англичан его полное имя – Кирилл Сидорович Разумов, в английском варианте представленное как Kirylo Sidorovitch Razumov, подчёркивая, что первые два имени, согласно русскому обычаю показывают, чьим сыном является данный человек: “after the Russian custom, Cyril son of Isidor – Kirylo Sidorovitch – Razumov” [Conrad, 2007]. В своём произведении 'Under Western Eyes' специфике ситуации Дж. Конрад подчеркнул введёнными им русскими

транслитерированными антропонимами. В своей книге ‘Russia’s Message’ – «Благовест России» Уильям Инглиш Уоллинг, описывая революцию 1905 года, сосредоточил внимание на настроении русских рабочих, поддержавших большевиков двенадцать лет спустя.

Джон Рид – непосредственный свидетель событий ноября 1917 года, в своей судьбоносной работе ‘Ten Days that Shook the World’ [Reed, 1987], стремясь охватить широчайший спектр революционных преобразований, затронувших практически все сферы жизни и деятельности бывшей империи, вводит свойственные эпохе номенклатурные образования, свидетельствующие о провозглашении новой эры в истории человечества. Революция 1917 года с приходом к власти большевиков, сменив политическую власть в стране, дала сигнал к уничтожению веками сложившемуся укладу жизни, нарушив поступательный ход истории. Полагалось, что многочисленные декреты, изданные за короткий период времени, должны были своей неумолимой новизной перекодировать сознание русского народа. В своей книге Джон Рид стремился не дать оценку произошедшему, а описать новый жизненный опыт молодой Республики Советов, показать, как на руинах традиций, обеспечивавших человеческую жизнь негласно принятыми стандартами и ценностями, вводились новые основы для ещё не установленных ценностей [Миньяр-Белоручева, Покровская, 2018: 401]. В большевиках Джон Рид видел не только разрушительную силу, но и созидательную, таким образом, настоящее для него представляло борьбу противоположностей, свойственную революционному времени. Для создания революционного дискурса крайностей и борьбы политических партий и группировок посредством транслитерации Джон Рид вводит названия их сторонников: *Bolsheviks*, *Mensheviks*, *Monarchists*, *Octobrists*, *Cadets*, *Essaires*, *Yedinstvo*, *Maximalists*. Партии, которые, по мнению писателя, должны быть хорошо известны его читателям вводятся без толкования. Партии, наименее известные американским читателям расшифровываются и тщательно растолковываются. И это имеет своё обоснование, поскольку при транслитерации и транскрипции значение иноязычных лексических единиц не раскрывается [Бархударов, 1975: 86], превращая их в ‘*insignificant sounds*’ [Hobbes, 1968: 108], в «незначащие звуки». Для того чтобы его читателю всё было достаточно понятно, Джон Рид в Примечании весьма подробно растолковывает названия всех партий. Писатели, также как и «переводчики не пренебрегали различными комментариями» [Гарбовский, 2011: 12].

Так, для того чтобы читатель мог иметь чёткое представление о партии кадетов – *Cadets*, Джон Рид сообщает, что это название представляет собой аббревиатуру *Constitutional Democrats*, которая

после революции стала называться ‘Party of the People’s Freedom’. Но для того, чтобы американским читателям легче было представить данную партию на шкале политических понятий, её соотносят с аналогичной американской партией: Under the Tsar composed of Liberals from the propertied classes, the Cadets were the great party of political reform, (roughly corresponding to the Progressive Party in America [Reed, 1987: 7]. Название партии эсеров и их деятельность – Essaires также детально разясняются. Для передачи полного названия партии, выраженной лексикализованной аббревиатурой Essaires, используется калькирование его полного названия на русском языке социалисты-революционеры – Socialist Revolutionary party, позволяющее представить иноязычные номенклатурные образования посредством замены слов исходного языка на их лексические соответствия в языке перевода. К данному приёму Джон Рид постоянно обращается в своём произведении. Калькирование используется для передачи таких номенклатурных образований, как Russian consumers Cooperative societies; Army Committees; Soviets of Workers, Soldiers and Peasants Deputies; Factory-Shop Committees. Номенклатурные образования исходного языка могут быть переданы на язык перевода одновременно двумя способами: транслитерацией и калькированием. К ним относятся: земство – Zemstvos (county councils), Дума – Duma (deliberative body); городская Дума – City Duma (Municipal Council); Трудовики – Trudoviki (Labour Group); Новая жизнь – Novaya Zhizn (New Life). Однако калькирование, обладая таким же недостатком, как транскрипция и транслитерация, нуждается в толковании. Осознание этого привело Джона Рида к необходимости обращения к описательному («разяснительному») переводу номенклатурных образований, представленных в его книге. «Zemstvo» является одним из них. Сохранив неизменной графическую форму, данное номенклатурное образование, существовавшее ещё при царизме, обозначая полуполитическую, полуобщественную организацию, обладавшую незначительными административными правами и управлявшуюся либерально настроенными интеллигентами, выходцами из помещичьего класса и занимавшуюся в мирное время народным образованием и социальным обслуживанием крестьян, изменило своё значение [Reed, 1987, p. 10]. Для того чтобы американскому читателю легче было понять функции «земства» в жизни страны, находящейся в состоянии войны, Джон Рид проводит параллель между ними и аналогичным американским обществом: ‘During the war the Zemstvos gradually took over the entire feeding and clothing of the Russian Army, as well as the buying from foreign countries, and work among the soldiers

generally corresponding to the work of the American Y. M. C. A. at the Front' [Reed, 1987, p. 9–10]. Однако к проведению «анalogии» между организациями разных государств следует относиться весьма осторожно, поскольку в некоторых случаях они могут создавать не вполне правильное представление о характере обозначаемого ими предмета или явления [Бархударов, 1975: 176]. После Мартовской революции функции «земств» изменились, но они не могли соперничать с Советами, о чём и сообщает журналист: 'After the March Revolution the Zemstvos were democratized, with a view to making them the organs of local government in the rural districts. But like the City Dumas, they could not compete with the Soviets' [Reed, 1987: 10]. «Разъяснительный» перевод способствует выявлению значения номенклатурного образования исходного языка посредством его развёрнутого описания, раскрывающего специфику обозначаемого данным словосочетанием явления.

Однако перевод-толкование относится к непродуктивному и громоздкому способу, часто заставляя переводчиков отказываться от его использования. В произведении Джона Рида он необходим для создания полной картины происходивших событий. Довольно часто переводчики и писатели используют два переводческих приёма одновременно, сочетая транскрипцию или калькирование с описательным переводом, который приводится не только в сноске или в комментарии, но и непосредственно в самом тексте. Это позволяет совместить краткость и экономность средств выражения, свойственных транскрипции, с раскрытием семантики слова, достигаемой через описательный перевод [Бархударов, 1975: 157]. В своей книге Джон Рид описывает парламентские процедуры и народные организации новой России. Среди них выделяется ЦК, Викжель, особенность которых заключается в том, что аббревиатура номенклатурного образования передаётся транскрипцией: Tsay-ee-kah и транслитерацией Vikzhel, а их полная форма калькируется: All-Russian Central Executive Committee of the Soviets of Workers' and Soldiers' Deputies'; All-Russian Central Committee of the Railway Workers'.

Подводя итог, следует отметить, что каждая эпоха, даже та, которая отмечена трагедией коренных преобразований, является уникальной, что отражается на уровне политических институтов, представленных разными политическими структурами, партиями, комитетами, организациями, передающихся на другие языки посредством транскрипции, транслитерации, калькирования и сопровождающихся толкованием, способствующим передаче смысла и значения конкретного номенклатурного образования, позволяю-

шего понять сложные процессы, происходившие в определённой стране. Номенклатурные образования создают конкретную темпоральность конкретного пространства, а перевод порождает вселенскую память. Посредством передачи номенклатурных образований Джон Рид стремился реконструировать сложный, быстро меняющийся русский мир эпохи революций в России в 1917 году на английском языке. Рассеяв иллюзии и упразднив мифологию, он показал то, что видел собственными глазами. В передаче номенклатурных образований на английский язык журналист использовал ставшие классическими приёмы передачи «безэквивалентной» лексики.

Список литературы

- Бархударов Л.С.* Язык и перевод. М.: Международные отношения, 1975. 240 с.
- Верецагин Е.М., Костомаров В.Г.* Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973. 233 с.
- Виноградов В.С.* Лексические вопросы перевода художественной прозы. М.: Изд-во МГУ, 1978. 178 с.
- Влахос С.И., Флорин С.П.* Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1986. 416 с.
- Гарбовский Н.К.* Новый перевод: свобода и необходимость // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода, 2011. № 1. С. 3–16.
- Капанадзе Л.А.* О понятиях «термин» и «терминология» // Развитие лексики современного русского языка. М., 1965. С. 75–85.
- Миньяр-Белоручева А.П.* Язык историка. М.: Изд-во МГУ, 2001. 220 с.
- Миньяр-Белоручева А.П.* О сходстве и различий терминов и номенклатурных образований / Вестник чувашского университета, 2014. № 4. С. 166–170.
- Миньяр-Белоручева А.П., Покровская М.Е.* Язык и символы в контексте революции // Духовные основы славянского мира и революция 1917 года в России. Материалы II Международного церковно-общественного и научно-просветительского Ирининского форума. М.: Книжный мир, 2018. С. 396–412.
- Реформатский А.А.* Что такое термин и терминология. М.: Изд-во АН СССР, 1969. 14 с.
- Швейцер А.Д.* Перевод и лингвистика. М.: Воениздат, 1973. 280 с.
- Уэвель В.* История индуктивных наук от древнейшего и до настоящего времени / Пер. с. 3-го англ. изд. М.А. Антоновича: В 3 т. СПб.: Русская книжная торговля, 1867. Т. 1. 402 с.
- Флоренский П.А.* Имена: Сочинения. М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во Фолио, 1998. 912 с.
- Conrad J.* Under Western Eyes. London: Penguin, 2007. 400 p.
- Hobbes T.* Leviathan. T. Hobbes – Harmondsworth: Penguin, 1968. 371 p.

- Reed J.* Ten Days That Shook the World. M.: Porpecc, 1987. 348 p.
Conrad J. Under Western Eyes. London: Penguin, 2007. 400 p.
Hobbe T. Leviathan. T. Hobbes – Harmondsworth: Penguin, 1968. 371 p.
Reed J. Ten Days That Shook the World. M.: Porpecc, 1987. 348 p.

Alla P. Minyar-Belorucheva,

Dr. Sc. (Philology), Dr. Habil, Professor at Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: ostvera@mail.ru

Yelena V. Knyazhinskaya,

Senior lecturer at Lomonosov Moscow State University, Russia;
e-mail: knyazhinskaya@yandex.ru

**TRANSLATION OF RUSSIAN REVOLUTIONARY NOMINA
IN THE WORKS OF ENGLISH AND AMERICAN WRITERS**

The article deals with the Russian nomina, i.e. language identification units, created in the era of the 1917 Revolutions in Russia and ways of their translation into English. The article draws a line between language identification units and linguistic realia, i.e. national-cultural units. Both of them contain information specific to the country in a particular period of its development that causes difficulties in their translation. Special attention is paid to the methods of transferring language identification units from the original language into the language of translation by English writers who tried to create the atmosphere of the revolutionary era associated with numerous changes in the political and cultural fields. Language identification units transfer the changes that occurred in the political life of a particular country. However, precise equivalents are not always possible to find in the target language. Both writers and translators need to use transliteration, transcription, calquing and interpretation to render language identification units into a foreign language.

Key words: language realia, language identification units, lexical units, state structure, translation, transcription, transliteration, calquing, interpretation peculiarities.

References

- Barkhudarov L.S.* Yazik I perevod [Language and translation]. Moscow: Mezhdunarodny otnosheniya, 1975. 240 p. (In Russian).
Conrad J. Under Western Eyes. London: Penguin, 2007. 400 p.
Florensky P.A. Imena: Sochineniya [Names: Collection of works]. Moscow: ZAO Izdatelstvo EKSMO-Press; Kharkov: Izdatelstvo Folio, 1998. 912 p. (In Russian).
Garbovsky N.K. Novyj perevod: svoboda i neobhodimost' [New translation: freedom and necessity]. *Moscow State University Bulletin. Series 22. Theory of Translation.* 2011, No. 2, pp. 3–16 (In Russian).
Hobbes T. Leviathan. T. Hobbes – Harmondsworth: Penguin, 1968. 371 p.
Kapanadze L.A. O ponyatiyah “termin” i “terminologiya” [On the concepts of “term” and “terminology”]. *Razvitie leksiki sovremennogo russkogo yazyka.* Moscow, 1965, pp. 75–85 (In Russian).

- Minyar-Beloroucheva A.P.* Yazyk istorika [The Language of the historian]. Moscow: Izd-vo MGU, 2001. 220 p. (In Russian).
- Minyar-Beloroucheva A.P.* O skhodstve i razlichij terminov i nomenklaturnykh obrazovanij [On similarities and differences of terminology and nomenclature of the entities]. *Bulletin of Chuvash University*. 2014, No. 4, pp. 166–170 (In Russian).
- Minyar-Beloroucheva A.P., Pokrovskaya, M.E.* Yazyk i simvoly v kontekste revolyucii [Language and symbols in the context of the revolution]. Duhovnye osnovy slavyanskogo mira i revolyuciya 1917 goda v Rossii. Proceedings of the 2nd International Irininskogo Forumu Moscow: Knizhnyj mir, 2018, pp. 396–412 (In Russian).
- Reformatskij A.A.* Chto takoe termin i terminologiya [What terms and terminology are]. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1969. 14 p. (In Russian).
- Schweizer A.D.* Perevod i lingvistika [Translation and linguistics]. Moscow: Voensizdat, 1973. 280 p. (In Russian).
- Reed J.* Ten Days That Shook the World. Moscow: Progress, 1987. 348 p.
- Vereshchagi E.M., Kostomarov V.G.* Yazyk i kul'tura: Lingvostranovedenie v prepodavanii ruskogo yazyka kak inostrannogo [Language and culture: Lingvostranovedeniye in teaching Russian as foreign]. Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1973. 233 p. (In Russian).
- Vinogradov V.S.* Leksicheskie voprosy perevoda hudozhestvennoj prozy [Lexical issues of translation of prose]. Moscow: Izd-vo MGU, 1978. 178 p. (In Russian).
- Vlahov S.I., Florin S.P.* Neperevodimoe v perevode [Untranslatable in translation]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1986. 416 p. (In Russian).
- Whewel W.* History of the Inductive Sciences, from the Earliest to the Present Time. In 3 vol. Saint Petersburg: Russkaya knizhnaya trgovlya, 1869. Vol. 1, 605 p. (In Russian).

Юань Мяосюй,

старший преподаватель, кандидат филологических наук, Институт иностранных языков Чжэцзянского университета, г. Ханчжоу, провинция Чжэцзян; e-mail: galinayuan@mail.ru

УСТУПИТЕЛЬНОСТЬ В РОМАНЕ ЦЯНЬ ЧЖУНШУ «ОСАЖДЁННАЯ КРЕПОСТЬ» И ЕЁ ВЫРАЖЕНИЕ В РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ*

Данная статья посвящена семантическому сопоставлению уступительности, выраженной в оригинале и в переводе на русский язык романа Цянь Чжуншу «Осаждённая крепость». В результате подтверждается доминирующая семантическая эквивалентность перевода оригиналу, с помощью аспектов когнитивного восприятия выясняются причины семантического уподобления, а также подчёркивается роль индивидуальности личности переводчика в переводческой деятельности.

Ключевые слова: уступительность, выражение, эквивалентность, уподобление.

Отношения – это обнаружение и квалификация, трактовка говорящими связей в реальном мире. Отношения не существуют сами по себе. Это всегда «взгляд» человека, его интеллектуальная оценка, выраженная в словесной форме. В естественном языке существуют разнообразные отношения логической обусловленности, одними из которых являются уступительные.

Понятие «уступительность» семантически непрозрачно. В лингвистической литературе можно встретить множество интерпретаций этого термина. Так, Е.В. Падучева утверждает, что «отрицание уступительной связи даёт причинную связь» [Падучева, 2004: 344]. Автор раздела «Сложноподчинённые предложения» в «Русской грамматике» М.В. Ляпон предлагает наиболее полную, с нашей точки зрения, характеристику уступительных отношений: «В предложениях, выражающих уступительные отношения, соотносятся две ситуации, из которых одна, представленная в придаточной части, не является достаточным основанием для того, чтобы отменить собой другую, представленную в главной части» [Русская грамматика, 1980: 586]. Поскольку синтаксические конструкции, обозначающие уступительные отношения, имеют цель противопоставить определённые явления и факты, понятие «уступительность» в китайском языке характеризуется недействительным препятствующим основанием и совершающимся вопреки ему фактическим следствием. Так, Люй

---

* Исследование выполнено за счет гранта гуманитарного научного фонда провинции Чжэцзян (проект No 16NDJC174YB).

Шусян отмечает, что «уступительность есть признание с оговоркой» [吕叔湘 / Люй Шусян, 2002: 435].

Значение уступительности является, по терминологии Ю.Д. Апресяна, системообразующим смыслом – смыслом, формирующим семантическую систему языка в целом [Апресян, 2001]. По мнениям Юань Мяосюй [2012] семантика уступительных отношений может быть разделена на две группы – реальность/ирреальность, и каждая группа в свою очередь делится на несколько подгрупп. Данная классификация подходит и к уступительным отношениям, выраженным в китайском языке (см. табл. 1).

Далее мы подберём из романа Цянь Чжуншу «Осаждённая крепость» и из его перевода на русский язык конструкции, выражающие уступительные отношения, сопоставим данные параллельные конструкции с точки зрения когнитивно-семантических аспектов, проанализируем результаты представления уступительности при переводе с китайского языка на русский, а также выясним причины семантической эквивалентности или уподобления переводных конструкций исходным.

Когда речь идёт о критериях оценки перевода, нередко встречаются термины «адекватность», «динамическая эквивалентность», «верность» и др. Хуан Чжунлянь, в свою очередь, подчёркивает «наивысшую степень уподобления информации в исходном тексте информации в переводном тексте» [黄忠廉 / Хуан Чжунлянь, 2012: 82]. В информацию в исходном и переводном текстах включены элементы языковых единиц в областях прагматической ценности, семантической особенности и грамматической структуры в целом. При изучении выражения уступительных отношений мы выделяем три группы трансформации: 1) семантическая эквивалентность при несовпадении грамматической структуры; 2) семантическое уподобление с различными смысловыми оттенками; 3) семантическое искажение.

Роман «Осаждённая крепость», впервые опубликованный в Китае в 1947 г., называют «Новой неофициальной историей конфуцианцев». Его перевод на русский язык выполнил синолог В. Сорокин в 1989 г. В исходном тексте было обнаружено 170 предложений с уступительным значением¹, мы сравнили их с переводом с точки зрения семантической трансформации. Полученные результаты можно разделить на 2 группы – семантическую эквивалентность и семантическое уподобление. Рассмотрим следующие рисунки (см. рис. 1–3).

Как видно, над семантическим уподоблением (62 предл.) доминирует семантическая эквивалентность (108 предл.), а в переводных

---

¹ Предложения с альтернативно-уступительным значением не нашлось.

Таблица 1

Классификация семантики уступительных отношений

Уступительные отношения						
Реальность				Ирреальность		
Собственное уступительное значение	Уступительно-возместительное значение	Уступительно-ограничительное значение	Уступительно-сопоставительное значение	Нейтрально-уступительное допущение	Обобщённо-уступительное допущение	Максимально-уступительное допущение
						Альтернативно-уступительное допущение

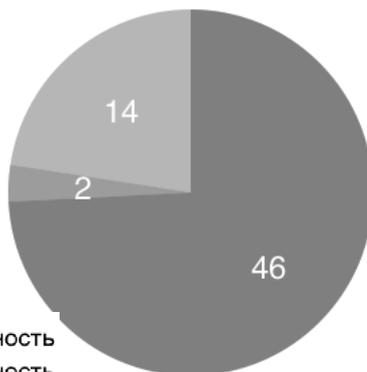
Рис. 1. Результаты перевыражения уступительных отношений

Наименование	Кол-во
Собственно-уступительное значение	38
Уступительно-возместительное значение	23
Уступительно-ограничительное значение	19
Уступительно-сопоставительное значение	7
Нейтрально-уступительное допущение	19
Обобщенно-уступительное допущение	2
Максимально-уступительное допущение	2

Рис. 2. Семантическая эквивалентность

Наименование	Кол-во
Нулевая уступительность + уступительность	46
Уступительность + нулевая уступительность	2
Измененные уступительные оттенки	14

- нулевая уступительность → уступительность
- уступительность → нулевая уступительность
- измененные уступительные оттенки

Рис. 3. Семантическое уподобление

предложениях не встречается примера с семантическим искажением. В традиционной теории перевода с китайского языка приветствуется верность перевода оригиналу, которая считается «важнейшей ответственностью переводчика» [林语堂 / Линь Юйтан, 1984: 261]. А.В. Фёдоров также отмечает, что «перевести — значит выразить верно и полно средствами одного языка то, что уже выражено ранее средствами другого языка» [Фёдоров, 1983: 10]. Данные мнения подтверждаются и нашими статистическими показателями. В то же время мы не можем игнорировать те предложения, в переводах которых наблюдается семантическое уподобление. Китайский и русский языки принадлежат к разным языковым семьям, потому и при трансформации редко встречается абсолютная точность. Анализируя понятие «полноценность перевода», отмеченное А.В. Фёдоровым, В.Н. Комиссаров [1999] подчёркивает относительную тождественность перевода оригиналу, которая в большей степени представляется в художественном переводе. В отличие от информационного перевода, в котором важную роль играет синтаксический параллелизм, в художественном переводе сохранение авторского стиля, передача авторского замысла, воспроизведение авторского образа гораздо важнее, чем копирование грамматической структуры оригинала. Итак, отметим, что в художественном переводе могут быть отражены творческие способности переводчика, его субъективное видение. Более того, в 46 переводных предложениях, в оригинале которых уступительного значения не актуализируется, наблюдается, однако, эксплицитно выраженное уступительное значение. В оригинале данных предложений не встречается уступительного союза, поэтому логические отношения редуцируются и выражаются

имплицитно. А в переводе с помощью преобразования грамматических структур проявляется и подчёркивается скрытый в оригинале смысл. При обсуждении методики художественного перевода Чжэн Хайлин отмечает, что «в большинстве случаев встречается вольный перевод, потому что главной целью перевода является восприятие читателем оригинала. Если перевод не может быть понят читателем, то оригинал не переводится» [郑海凌 / Чжэн Хайлин, 2009: 265]. Добавим, что в китайской и русской языковых картинах мира отражаются различные способы восприятия мира, сложившиеся в своих культурных традициях, что требует при переводе преобразования грамматических структур в целях достижения коммуникативной удачи.

Как указано выше, в выражении уступительных отношений могут быть как эквиваленты оригиналу, так и подобное оригиналу в семантическом аспекте. Далее остановимся на их причинах. В теориях перевода китайского и русского языков внимание нередко сконцентрировано на важности восприятия переводчиком оригинала и выражения им своего «я» в переводе, однако на вопрос о том, как воспринимать и выражать, пока нет однозначного ответа. Мы рассмотрим данный вопрос с когнитивной точки зрения, касающейся аспектов восприятия языковых выражений. Р. Лангакер, один из представителей когнитивной грамматики, предлагает «субъективистский» взгляд на значение, который, по мнению учёного, «приравнивает значение к концептуализации или ментальному опыту» [Лангакер, 1992: 3]. Термин «концептуализация» включает абстрактные «интеллектуальные концепции, сенсорные, эмотивные и кинестетические ощущения и осознание человеком физического, социального и лингвистического контекста речевых событий» [Langacker, 1999: 361]. Автор/переводчик конструирует воображаемую ситуацию своими определёнными способами, поэтому выражения, истинные при одинаковых условиях, или имеющие одну и ту же референцию, могут отличаться по значению. Таким образом, абсолютного адекватного перевода не получается. Семантическое значение языковых выражений присуще не только внутренним свойствам ситуации, которая описывается, но включает в себя и то, как автор и переводчик предпочитают думать об этой ситуации и ментально отображать её. Разные аспекты восприятия отражаются при переводе разных фрагментов даже в одном тексте, что приводит к разным результатам интерпретации оригинала, соответственно, результаты выражения в переводном языке также проявляются по-разному. В связи с этим, воспринятое переводчиком значение оригинала не всегда совпадает со выраженным автором значением. Основные аспекты восприятия переводчиком заключаются в следующем:

1) **фоновые знания.** Энциклопедической особенностью характеризуются фоновые знания переводчика, которые включают в себя информацию и лингвистическую, и экстралингвистическую. Благодаря своим фоновым знаниям переводчик конструирует ситуацию, актуализирует существующие в мозге понятия, а также эксплицирует смысл оригинального текста. См. пример из романа «Осаждённая крепость»:

а) 忽然记起唐朝有名的寒瘦诗人贾岛也是圆脸肥短身材。

Но тут он вспомнил, что знаменитый танский поэт Цзя Дао тоже был круглолицым толстячком, хотя всю жизнь его преследовали невзгоды.

Авторский термин 寒瘦诗人 исходит из фразеологизма 郊寒岛瘦, который обозначает поэтический стиль, присущий поэтам 孟郊 и 贾岛, отличающийся истощённостью и угрюмостью. И сам поэт 贾岛 – человек замкнутый, всю жизнь страдающий от карьерных неудач. На основе происхождения данного фразеологизма переводчик актуализирует когнитивную область 寒瘦诗人 с помощью фрагмента *всю жизнь его преследовали невзгоды*. Словосочетания 寒瘦 и 圆脸肥短, противоположные друг другу по значению, в переводе соединяются союзом хотя, чем подчёркивается уступительно-сопоставительное значение в переводном тексте;

2) **перспектива.** Перспектива объединяет несколько факторов ориентацию и положение в пространстве, направленность, субъективность/объективность отражения ситуации и т.п., которые предлагают наличие наблюдателя/говорящего, осуществляющего языковое конструирование ситуации. В результате действия различных факторов одна и та же ситуация по-разному находится в фокусе наблюдателя, соответственно, получаются разные интерпретации и языковые выражения. Цитируя строку из стихов китайского поэта Су Ши / 苏轼 «Взгляни в лицо горе – тупа вершина / А сбоку погляди – гора остра»², Ван Инь полагает, что на основе различных положений в пространстве рождаются познавательные направленности разного типа, впоследствии достигаются различные истолкования и способы языкового выражения [王寅/ Ван Инь, 2006]. Так, при замене действительного залога в оригинале страдательным в переводе противопоставляются способы описания автора и переводчика. Однако в различных грамматических структурах описывается один и тот же предмет, выражается одно и то же значение. Ср.:

---

² Данная строка из стихов «Надпись на стене храма западного леса», перевод на сайте <http://www.stihi.ru/diary/homeart/2013-11-03>

б) 房子总算没给日本人烧掉，里面的收藏陈设都知下落了。

Правда, японцы его не сожгли, но вся обстановка пропала.

Уступительная ситуация в оригинале отражается в первой части предложения, в которой темой является 房子, а ремой – 烧掉, с одной стороны; с помощью 给 образуется страдательный залог, с другой стороны. В переводе темой является *японцы*, а ремой – *сожгли*, образуется действительный залог. Хотя оригинал и перевод отличаются друг от друга темой, представляющей собой исходную информацию, но актуализируется одна и та же рема, выражается одно и то же уступительно-ограничительное значение;

3) **выделенность.** Большая или меньшая когнитивная выделенность того или иного элемента по сравнению с остальными может быть рассмотрена с помощью взаимодействия траектора и ориентира. Та сущность, что находится в фокусе говорящего, называется «траектором» и является наиболее выделенной. А другая, также когнитивно выделенная, которая остаётся в тени, называется «ориентиром». Эксплицитность грамматической структуры обеспечивает большую когнитивную выделенность смыслов. При переводе особые внимания могут быть обращены на атрибутивную синтагму. Например:

в) 无论如何，从此他们俩的交情像热带植物那样飞快的生长。

Как бы то ни было, у них зародилось взаимное чувство, и оно стало расти буйно, как листва в тропическом лесу.

В оригинале следственная ситуация реализуется с помощью простого предложения, чьим подлежащим является 交情. В переводе следственная ситуация отражается двумя простыми предложениями, но с одним и тем же подлежащим. Выражение *расти буйно, как листва в тропическом лесу*, остающееся в тени при употреблении обособленного члена, подчёркивает степень углубления взаимного чувства. При переводе следственной ситуации большая выделенность смысла сохраняется в словосочетании *взаимное чувство*, потому и сохраняется обобщённо-уступительное значение;

4) **конкретность.** Одна и та же ситуация может быть представлена на разных уровнях конкретности. При обобщённом описании открываются лишь общие характеристики предметов, по мере конкретизации выясняются более тонкие нюансы и индивидуальные особенности. Вэнь Сюй считает языковую конкретизацию наблюдением человеком предмета с разного расстояния: чем ближе к наблюдаемым предметам, тем подробнее их рассматривают и выше степени конкретности и наоборот, чем дальше от предметов, тем кратче их наблюдают и ниже степени конкретности [文旭 / Вэнь Сюй, 2007]. Языковая конкретность тесно связана с такими переводческими приёмами, как генерализация и конкретизация. С учё-

том способности восприятия у читателя переводчик или обобщает менее важную, и хорошо знакомую читателем информацию, или толкует более важную, и трудно воспринятую читателем информацию. Таким образом, оригинал и перевод отличаются друг от друга степенью конкретности. Ср.:

г) 今天的讨论可与平常不同, 甚至刘东方也不因韩学愈反对而赞成。

На этот раз было по-другому. Даже Лю Дунфан не выступил за проект, хотя мог этим досадить отвергавшему его Хань Сюэюю.

В связи с вышесказанной в оригинале причиной в данном исходном предложении сокращается фоновая информация, на основании которой актуализируются собственно-уступительные отношения. Переводчик подробно объясняет причину возражения Лю Дунфан, эксплицирует потенциальную логику, а также подчёркивает нейтрально-уступительное допущение в целом;

5) **эмоциональная модальность.** В художественных произведениях писатель не столько описывает персонажей и ситуации, сколько выражает благодаря ним свои эмоции, испытываемые переживания. Чтение художественной литературы непременно сталкивается с её анализом, который основывается на деконструкции произведений, сопереживании авторских чувств и эмоций и т.п. Если речь идёт о читательской эмпатии по отношению к переводным художественным произведениям, то это в большой степени зависит от восприятия переводчиком оригинала и его выражения в переводном языке, что тесно связано также с субъективностью личности самого переводчика. Леви рассматривает переводческую деятельность как выбор, в процессе которого важную роль играет именно субъективность личности переводчика [Levy, 1967: 1171]. «Способностям переводчика к анализу оригинального текста и воспроизведению в переводном тексте» [Wilss, 2001: 118] свойственна его субъективность личности, однако существование которой непременно влияет и на верность переводного текста оригинальному. Эмоции и модальность, выраженные в оригинале индивидуально-авторскими приёмами, трансформируются в перевод разным образом. К примеру, китайские стихи, отличающиеся своей лаконичностью и эмоциональностью, сложно переводятся на русский. А модальность, чаще подчёркнутая лексическими признаками, относительно легче преобразуется в переводе. Ср.:

д) 这真是 ‘有缘千里来相会’ 了。

Вот уж воистину – если двоим суждено встретиться, им и тысячи ли не помеха!

е) 当然新添上一种不快意, 可是这种不快意是透风的, 见得天日的, 不比买文凭的事像谋杀灭迹的尸首, 对自己都要遮掩得一丝不露。

Правда, возникло и недовольство собой, но совсем другого рода: его не надо было прятать от глаз людей, как факт покупки диплома или труп зарезанного, его не нужно было стыдиться.

В примере (д) цитируется стихотворная строка, в которой не актуализируется уступительное значение. А переводчиком раскрывается и интерпретируется сжатое выражение, благодаря словосочетанию *не помеха* добавляется максимально-уступительное допущение. Такой перевод легко воспринимается русским читателем, с одной стороны; не отличается своеобразием китайской поэзии, с другой стороны.

В оригинале примера (е) модальным наречием 当然 подтверждается согласие говорящего с описываемой ситуацией, с помощью союза 可是 вводятся более важные, с точки зрения говорящего, выводы, которые на самое деле противоположены предыдущему согласию. В переводе употребляется простое предложение с обособлением, но сохраняется вводное слово *правда* и противительный союз *но*, потому и сохраняется уступительно-возмездительное значение.

Таким образом, с использованием статистических методов мы подтверждаем полученные раньше аналитическими методами выводы, которые сводятся к следующему: 1) переводческая деятельность основывается на верности перевода оригиналу; 2) из-за своеобразия художественной литературы в её переводе часто встречаются грамматические структуры, несоответствующие оригинальным; 3) одним из критериев оценки перевода является реакция читателей на него, в целях достижения которой переводчик может эксплицировать смыслы, скрытые в оригинале и непонятные читателем в результате дословного перевода. Более того, в процессе сопоставления оригинала и перевода важную роль играют аспекты когнитивного восприятия автором и переводчиком, между которыми часто встречается неполное совпадение. В результате выясняются основные причины семантической эквивалентности или уподобления перевода оригиналу, а также доминирующая индивидуальность личности переводчика в переводческой деятельности.

Список литературы

- Апресян Ю.Д. Системообразующие смыслы «знать» и «считать» в русском языке // Русский язык в научном освещении, 2001. № 1. С. 5–26.
- Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. Курс лекций. М.: ЭТС, 1999. 192 с.
- Лангакер Р.У. Когнитивная грамматика. М., 1992. 56 с.
- Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004. 609 с.
- Русская грамматика / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. Т. 2: Синтаксис. М.: Наука, 1980. 709 с.

- Федоров А.В.* Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). М.: Высшая школа, 1983. 303 с.
- Юань Мяосюй.* Способы выражения уступительных отношений в публицистическом стиле современного русского литературного языка: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2012. 24 с.
- Langacker R.W.* Grammar and conceptualization. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1999. 427 p.
- Levy Jiri.* Translation as a Decision Process. *To Honor Roman Jakobson*. The Hague: Mouton, Vol. 2, 1967. P. 1171–1182.
- Wilss Wolfram.* The Science of Translation: Problems and Methods, Shanghai: SFLEP, 2001. 118 p.
- 黄忠廉, “翻译”新解——兼答周领顺先生论“变译” [J]. 《外语研究》, 2012 年第 1 期, 81–84 页.
- Хуан Чжунлянь.* Новое объяснение термина «перевод» – в ответ на мнения Чжоу Линшуня о термине «адаптивный перевод» // Изучение иностранных языков. 2012. № 1. С. 81–84.
- 林语堂, 论翻译 [A]. 《翻译研究论文集(1894–1948)》 [C]. 北京: 外语教学与研究出版社, 1984, 259–272 页.
- Линь Юйтан.* О переводе // Сборник статей о переводе (1894–1948). Пекин: Издательство преподавания и исследования иностранных языков. 1984. С. 259–272 (In Russian).
- 吕叔湘, 《吕叔湘全集》第1卷 [M]. 沈阳: 辽宁教育出版社, 2002.
- Люй Шусян.* Сборники работ Люй Шусяна. Т. 1. Шэньян: Ляонинское образовательное издательство. 2002.
- 王寅, 《认知语法概论》 [M]. 上海: 上海外语教育出版社, 2006.
- Ван Инь.* Введение в когнитивную грамматику. Шанхай: Шанхайское издательство иностранных языков. 2006.
- 文旭, 语义、认知与识解 [J]. 《外语学刊》, 2007 年第 6 期, 35–39 页.
- Вэнь Сой.* Семантика и когнитивное восприятие // Исследование иностранных языков. 2007. № 6. С. 35–39.
- 郑海凌, 文学翻译理论 [A]. 《翻译学概论》 [C]. 南京: 译林出版社, 2009, 245–279 页.
- Чжэн Хайлин.* Теория перевода художественного текста // Введение в переводоведение. Нанкин: Издательство Илин, 2009. С. 245–279.

Yuan Miaoxu,

Senior Lecturer at the School of International Studies, Zhejiang University, Zhejiang Province, China; e-mail: galinayuan@mail.ru

CONCESSION IN QIAN ZHONGSHU'S NOVEL *FORTRESS BESIEGED* AND ITS RE-EXPRESSION IN RUSSIAN TRANSLATION

This article is devoted to the semantic comparison of concession expressed in the original version and the translation of the novel *Fortress Besieged*. As a result, it is confirmed that the vast majority of the translated texts is found equivalent to the original;

with the help of aspects of cognitive perception, the reasons for the semantic assimilation are clarified, and the subjectivity of the translator's personality in translation is emphasized.

Key words: concessive, reproduction, equivalence, assimilation.

References

- Apresyan Yu.D.* Sistemoobrazuyushchie smysly “znat” i “schitat” v russkom yazyke [System-forming meanings of “know” and “consider” in Russian]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2001. No. 1, pp. 5–26 (In Russian).
- Komissarov V.N.* Sovremennoe perevodovedenie [Modern Translation Science]. Kurs lektsiy. Moscow: ETS, 1999. 192 p. (In Russian).
- Fedorov A.V.* Osnovy obshchey teorii perevoda [Basics of general translation theory] (lingvisticheskie problemy). Moscow: Vysshaya shkola, 1983. 303 p. (In Russian).
- Langaker R.U.* Kognitivnaya grammatika [Cognitive grammar]. Moscow, 1992. 56 p. (In Russian).
- 黄忠廉, “翻译”新解——兼答周领顺先生论“变译”[J]. 《外语研究》, 2012年第1期, 81–84页.
- Huang Zhonglian.* Novoe ob'yasnenie termina «perevod» – v otvet na mneniya Chzhou Linshunya o termine «adaptivnyy perevod» [New explanation of translation – answer Zhou Lingshun's opinions of variation translation]. *Izucheniye inostrannykh yazykov*, 2012. No. 1, pp. 81–84 (In Russian).
- Langacker R.W.* Grammar and conceptualization. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1999. 427 p.
- Levy Jiri.* Translation as a Decision Process. *To Honor Roman Jakobson*. The Hague: Mouton, Vol. 2, 1967. P. 1171–1182.
- 林语堂, 论翻译 [A]. 《翻译研究论文集(1894–1948)》[C]. 北京: 外语教学与研究出版社, 1984, 259–272页.
- Lin Yutang.* O perevode [About translation]. *Sbornik statey o perevode (1894–1948)*. Pekin: Izdatel'stvo prepodavaniya i issledovaniya inostrannykh yazykov, 1984. pp. 259–272 (In Russian).
- 吕叔湘, 《吕叔湘全集》第1卷 [M]. 沈阳: 辽宁教育出版社, 2002.
- Lv Shuxiang.* *Sborniki rabot Lyuy Shusyana* [Collections of Lv Shuxiang's works]. Vol. 1. Shen'yan: Lyaoninskoe obrazovatel'noe izdatel'stvo, 2002 (In Russian).
- Paducheva Ye.V.* Dinamicheskie modeli v semantike leksiki [Dynamical models in the vocabulary semantics]. Moscow, 2004. 609 p. (In Russian).
- Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Gl. red. N.Yu. Shvedova. Vol. 2: Sintaksis. Moscow: Nauka, 1980. 709 p. (In Russian).
- Wang Yin.* Vvedeniye v kognitivnyuyu grammatiku [Introduction of cognitive grammar]. Shankhay: Shankhayskoe izdatel'stvo inostrannykh yazykov, 2006. (In Russian).
- 文旭, 语义、认知与识解[J]. 《外语学刊》, 2007年第6期, 35–39页.
- Wen Xu.* Semantika i kognitivnoye vospriyatiye [Semantics and cognitive perception]. *Issledovaniye inostrannykh yazykov*, 2007. No. 6, pp. 35–39. (In Russian).
- 郑海凌, 文学翻译理论[A]. 《翻译学概论》[C]. 南京: 译林出版社, 2009, 245–279页.

王寅, 《认知语法概论》[M]. 上海: 上海外语教育出版社, 2006.

Wilss Wolfram. The Science of Translation: Problems and Methods, Shanghai: SFLEP, 2001. 118 p.

Yuan Miaoxu. Sposoby vyrazheniya ustupitelnykh otnosheniy v publitsisticheskom stile sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka [Mode of concessive expression in journalistic style in modern literary Russian language]. Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Moskow, 2012. 24 p.

Zheng Hailing. Teoriya perevoda khudozhestvennogo teksta [Theory of literary text translation]. Vvedenie v perevodovedenie. Nankin: Izdatel'stvo Ilin', 2009, pp. 245–279 (In Russian).

ИСТОРИЯ ПЕРЕВОДА И ПЕРЕВОДЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

А.В. Алевич,

преподаватель кафедры теории и методологии перевода Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова;
e-mail: anisialevich@yandex.ru

ПЕРЕВОД С ПРОЗЫ ВЪ ДВУХЪ ОТДѢЛЕНІЯХЪ И ПЯТИ ПЪСНЯХЪ: «ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ» ЕЛИЗАВЕТЫ ЖАДОВСКОЙ

Статья посвящена вопросам влияния явлений, имевших место в литературных кругах эпохи, на перевод (на материале перевода поэмы Джона Мильтона «Потерянный рай» Елизаветы Жадовской). Первый поэтический перевод поэмы, выполненный Е. Жадовской, был осуществлён с прозаического перевода Ф. Загорского, образца прагматически обусловленного перевода, когда переводчик, сознательно изменив коммуникативный эффект текста оригинала, пожертвовал формой для передачи содержания. Перевод из прозы в поэзию Е. Жадовской сопровождался опущением значительных частей эпопеи, содержащих интертекстуальные связи, аллюзии на произведения античности, мифологию, священные тексты, формирующие идейно-художественное своеобразие поэмы и добавлением фрагментов, в которых переводчица выступила в роли автора, положив начало для поэтических переводов поэмы Джона Мильтона «Потерянный рай».

Ключевые слова: поэтический перевод, прагматика перевода, словесность принимающей культуры, переводческие трансформации, «Потерянный рай».

На протяжении истории идеальная модель переводчика воспринималась в качестве «прозрачного стекла» [Костикова, 2010], не вступающего в диалог между автором и читателем. Переводное произведение должно говорить голосом автора, читаться как созданное на языке перевода, соответствовать вкусам читателя и нормам словесности принимающей культуры. В реальной переводческой деятельности переводчик художественного произведения оказывался перед выбором: думать об авторе или думать о читателе. Прагматика как взаимоотношение субъекта и адресата, языкового знака и участников коммуникации в переводе обретает трехчастную структуру. Выбор переводческих стратегий во многом определяется нормами словесности принимающей культуры, личностью переводчика, а также явлениями, имевшими место в литературных кругах эпохи.

В царской России XVIII века переводились немногие иностранные авторы: среди поэтов Англии Джон Мильтон стал первым¹. Полный текст «поэмы героической», выполненный префектом Московской Духовной Академии Амвросием (Серебренниковым) с французского языка, появился в 1780 году. Перевод, трансформировавший текст оригинала в соответствии с французским переводом, созданным в духе «прекрасных неверных», заложил основу для новых переводов поэмы, выполненных с английского подлинника. Мильтона переводили, Мильтону подражали.

В 1859 году увидел свет первый поэтический перевод поэмы, выполненный Елизаветой Жадовской². «Перевод с прозы въ двухъ отдѣленіяхъ и пяти пѣсняхъ», допущенный к печати Санкт-Петербургским Комитетом Духовной Цензуры, предваряло следующее обращение к Мильтону (стихотворение приводится в авторской редакции):

Мильгонъ Божественный писатель,
Настрой мнѣ лиру самъ мою
Сердцеъ и душъ очарователь,
Дай повторить мнѣ пѣснь твою:
Ее начну съ четвертой темы,
Ее, ее я пробряну
Дай дивный ладъ твоей поэмы
И вдохновеніе; — так начну³.

Перевод, озаглавленный «Потерянный рай. Поэма Иоанна Мильтона, съ приобщеніемъ поэмы Возвращенный рай», содержал лишь три из двенадцати книг эпоса, при этом одна из частей «Потерянного рая» перенесена в «Возвращенный рай». Перевод Елизаветы Жадовской был выполнен не с оригинала, а с прозаического перевода Фёдора Загорского, о чём свидетельствуют явные заимствования:

---

¹ Ю.Д. Левин отмечал, что Джон Мильтон стал первым поэтом, переведившимся в России: «В.К. Тредиаковский в своем трактате о поэзии упомянул среди эпических поэм «Милтонову поэму о потерянии рая», а её автора назвал в числе эпических поэтов «наиславнейших, которым надлежит подражать». Примечательно, что в приводимом Тредиаковским перечне Милтон — единственный английский поэт» [Левин, 1996: 191].

² До Е. Жадовской стихотворный перевод «Потерянного рая» предпринимал М. Вронченко (Московский телеграф, 1831, № 7).

³ Цит. по изд. *Мильтон Иоанн. Потерянный рай съ приобщеніемъ поэмы Возвращенный рай* / Пер. Е. Жадовской. М.: Типография ведомостей московской городской полиции. 1859. С. 5.

Фёдор Загорский

Елизавета Жадовская

...предъ нимъ раскрывается страшная
завѣса будущаго, скрывающая ужас-
ныя преступленія

...внемли гласу моему, который не есть
уже гласъ дружества; я ненавижу, про-
клиная свѣтъ твой

Раскрылась въ будущемъ предъ нимъ /
Завѣса тяжкихъ преступлений;

Внемли мой глас: нѣтъ дружбы въ
нёмъ, — / Я проклять свѣтъ твой

Перевод Ф. Загорского служит образцом прагматически обусловленного перевода, когда переводчик, сознательно изменив коммуникативный эффект текста оригинала, пожертвовал формой для передачи содержания. Елизавета Жадовская, в стремлении выполнить перевод в соответствии с нормами словесности принимающей культуры, уделила первостепенное значение форме. Перевод из прозы в поэзию Елизаветы Жадовской сопровождался опущением значительных частей эпоса, содержащих интертекстуальные связи, аллюзии на произведения античности, мифологию, священные тексты, формирующие идейно-художественное своеобразие поэмы.

Трансформационная операция опущение наряду с пермутацией, добавлением, перестановкой и субституцией относится к базовым переводческим трансформациям, перешедшим в теорию перевода из трансформационной грамматики в середине XX века. Опущение в случае, не связанном с устранением семантически избыточных элементов, вызванных асимметрией языковых систем, затрагивает глубинный текстовый уровень, и в зависимости от причин, лежащих в основе выбора переводчиком данного типа трансформационных операций, разбивает структурно-семантическое единство подлинника. Опущение элементов текста оригинала сравнимо с выпадением фрагментов из мозаичной картины.

На рубеже XVI–XVII веков военное искусство Европы претерпело существенные изменения в связи с подъемом оружейного производства. «Артиллерийская революция» позволила брать ранее неприступные крепости, а человек, способный отразить подобное нападение, по мнению итальянского архитектора Франческо ди Джорджо Мартини, «был скорее богом». В следующем фрагменте поэмы исследователи усматривают аллюзию на заряженные порохом орудия, которые появились в Англии незадолго до рождения Джона Мильтона и отсутствующие в переводе Е. Жадовской.

Оригинал Yet not rejoicing in his speed, though bold, / Far off and fearless, nor with cause to boast, / Begins his dire attempt, which nigh the birth / Now rowling, boiles in his tumultuous brest, / And like a **devillish Engine** back recoiles / Upon himself⁴.

Перевод

Ф. Загорского Адское его намѣреніе въ ту минуту, когда хотѣлъ произвести его въ дѣйство, кипить и свирѣпствовать въ лютомъ его сердцѣ, онъ бросается назадъ подобно **огнедышущему орудію, имъ избрѣттенному**⁵.

В следующем фрагменте Сатана сравнивается с вором, «хищным волком» (*prowlng Wolfe*), в чём усматриваются библейские реминисценции. В Библии образ вора (*thief*) встречается при описании человека, врывающегося ночью в овечий загон («кто не входит дверью в дом овчий, но перелазит инде, тот вор и разбойник» (Иоанн, X, 1) / «враги света, не знают путей его, и не ходят по стезям его» (Иов, 24: 13). В переводе Ф. Загорского *thief* переведён архаизмом «тать», в XVIII–XIX веках означавшим вора, хищника, похитителя. Подобное обозначение «вора» встречается в Библии: «Се, иду как тать» (Отк. 16: 15). Данный образ в переводе Елизаветы Жадовской опущен.

«Потерянный рай» пронизан аллюзиями на события эпохи Мильтона. В поэме вор сравнивается с наёмниками, которые ворвались в божий храм, в чём усматривается отсылка на полемику Мильтона со священниками англиканской церкви, которые назывались наёмниками, поскольку получали жалование. «Наилучший способ убрать наёмников из Церкви», – под таким названием вышел один из памфлетов Мильтона.

Оригинал As when a **prowlng Wolfe**, / Whom hunger drives to seek new haunt for prey, / Watching where Shepherds pen thir Flocks at eeve / In hurdl'd Cotes amid the field secure, / Leaps o're the fence with ease into the Fould: / Or as a **Thief** bent to unhoord the cash / Of some rich Burgher, whose substantial dores, / Cross-barrd and bolted fast, fear no assault, / In at the window climbs, or o're the tiles; / So clomb this first grand Thief into Gods Fould: / So since into his Church lewd Hirelings climbe.

⁴ Цит. по: *Milton John. Paradise lost / ed. By A.W.Verity, Cambridge University Press. 1915.*

⁵ Цит. по: *Мильтон Иоанн. Потерянный рай съ приобщеніемъ поэмы Возвращенный рай / Пер. Е. Жадовской. М.: Типография ведомостей московской городской полиции. 1859.*

Перевод

Ф. Загорского Неустрашимый злодѣй презираетъ обыкновенный входъ, и бросившись отъ гордости вверхъ, перескакиваетъ чрезъ крутизну горы и ея ограду, и становится на ноги во внутренности Рая. Какъ **хищный волкъ**, котораго гладъ выгоняетъ изъ лѣсу искать добычи, примѣтивъ мѣсто, куда пастырь безъ всякаго опасенія загоняетъ вечеромъ стадо свое, удобно перепрыгиваетъ загородку хлѣва; или какъ **тать**, желая похитить сокровище у богатого гражданина, котораго врата, заключенныя крѣпкими запорами, не страшатся никакого насилія, вкрадывается въ его домъ чрезъ окно или сквозь кровлю: такъ сей тать, лютѣйшій изъ всѣхъ, проникъ въ жилище Господне; такъ **нечестивые наёмники ворвались** послѣ во святой Его храмъ.

Перевод

Е. Жадовской Тут входъ одинъ лежалъ съ востока, / Но сатана его презрель,
И онъ въ одно мгновенье ока, / Как **бурный вихрь**,
къ горе взлетѣль.

Отсутствие данных фрагментов в переводе Е. Жадовской, сравнение Сатаны не с «вором» и «волком», а «бурным вихрем», основанное на смысловом развитии, приводит к переводу жанра эпопеи в малую форму. Перевод Е. Жадовской отвечает определению особого «переводческого языка» Е.Г. Эткинда, «аккуратного, чистенького, дистиллированного, хлорированного, в котором всё отвечает норме (неведомо где и когда установленной)» [Эткинд, 1962: 26.].

В следующем фрагменте автор изображает красоты Эдема, где присутствовал Пан, древнегреческий бог лугов, плодородия, бог природы в орфических гимнах, окружённый Грациями, богинями древнеримской мифологии, олицетворявшими красоту и изящество, и Орами, богинями времён года греческой мифологии. Красота рая не может сравниться ни с лугами Энны, долины в Сицилии, где собирала цветы дочь Юпитера и богини плодородия Цереры Прозерпина, когда римский бог подземного царства Дит похитил её, ни с рощею Дафны, нимфы, превратившейся в лавровое дерево и воспетой Овидием в «Метаморфозах», располагавшейся близ реки Оронт, протекавшей в северо-западной части Сирии, в устье которой был воздвигнут храм Аполлону, а источник, бывший рядом с храмом, получил название в честь Кастальского ключа на горе Парнас, места обитания муз.

Оригинал

The Birds thir quire apply; aires, vernal aires, / Breathing the smell of field and grove, attune / The trembling leaves, while **Universal Pan** / Knit with the **Graces** and the **Hours** in dance / Led on th' Eternal Spring. Not that faire field / Of **Enna**, where **Proserpin** gathring flours / Herself a fairer Floure by gloomie Dis / Was gatherd, which cost **Ceres** all that pain / To seek her through the world; nor that sweet Grove / Of **Daphne** by **Orontes**, and th' inspir'd / Castalian Spring might with this Paradise / Of Eden strive.

Перевод

Ф. Загорского

Пѣніе птиц раздавалось по воздуху: и зефиры, юные и нѣжные зефиры, развѣвая благоуханіе рошей и полей, воздыхали подъ трепещущими листвіями, между тѣмъ какъ **Панъ** плясаль съ **Граціями** и **Орами**, и водилъ всюду за собою вѣчную весну, юную дѣву міра. Ничто не можетъ сравниться съ симъ великолѣпнымъ вертоградомъ: ни веселые луга **Энны**, гдѣ **Прозерпина**, собирая цвѣты, помрачаемые ея красотою, была похищена угрюмымъ обладателемъ ада сія любезная **Нимфа**, которую горестная ея мать **Церепа** столько времени тщетно искала на землѣ; ни прелестная роща **Дафны**, осѣняющая берега **Оронта**, близъ вдохновеннаго источника Кастальскаго.

Перевод

Е. Жадовской

Пернатыхъ пѣсни разносились, / Парили въ воздухѣ орлы, / Играли птички и рѣзвились, / И гимны пѣли соловьи. / Зефиры юные съ полей / Весны прохладу навѣвали, / цвѣты яминовъ и лилей / Благоуханіемъ дышали.

Опущение аллюзий данных образов в переводе Е. Жадовской приводит к опущению целых смысловых пластов образов древнегреческой и древнеримской мифологии, формирующих идейно-художественное своеобразие подлинника.

Интерпретация эпопеи Е. Жадовской приводила не только к упрощению текста, но и смысловым искажениям. В эпопее Сатана, проникнув в рай, сел на Древо жизни. В Эдемском саду лишь два дерева имели названия: Древо жизни и Древо познания добра и зла («И произрастил Господь Бог из земли всякое дерево, прият-

ное на вид и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая, и дерево познания добра и зла» (Бытие, II: 9). Дерево жизни, образ великолепия, вечной жизни, потери рая, надежды⁶ появляется также в последней главе Библии как символ возвращённого рая: «И показал мне чистую реку воды жизни, светлую как кристалл<...> Среди улицы его, и по ту и по другую сторону реки, дерево жизни, двенадцать раз приносящее плоды <...> и листья дерева – для исцеления народов» (Откр., 22: 1–2). Дерево жизни занимает особую роль в поэме. У Мильтона Дерево жизни – самое высокое дерево Эдема. В переводе Е. Жадовской Дерево жизни отсутствует: Сатана сел на «возвышении».

Оригинал Thence up he flew, and on the **Tree of Life**, / The middle Tree and **highest there that grew**, / Sat like a **Cormorant**.

Перевод

Ф. Загорского Онъ устремляеть полеть, и остановясь надъ **древомъ жизни, самымъ высочайшимъ и растущимъ среди вертограда**, садится на нёмъ въ видѣ **врана**, не для возвращенія истинной жизни, но для размышленія о средствахъ, как погубить её въ существахъ, которья ею наслаждались.

Перевод

Е. Жадовской И сѣвъ въ раю на **возвышеньи**, / Как **кровожадый врань**, смотрѣль; / И взглядь отъ злобы упоенья / **Кровавымъ зарѣвомъ горѣль**.

В оригинале, проникнув в рай, Сатана принимает облик большого баклана или пеликана (*cormorant*). В эпоху Мильтона в образе пеликана изображали священнослужителей, преследовавших корыстные цели. Ф. Загорский, идя по пути адаптации с целью сохранения целостной системы смыслов оригинала, заменяет пеликана на широко известного в русской традиции ворона, что переносит в перевод Е. Жадовская, сопровождая определением (кровожадый врань). При этом в Библии эти птицы используются в близких контекстах. «И завладеют ею пеликан и еж; и филин, и ворон поселятся в ней; и протянут по ней веревку разорения и отвес уничтожения» (Исайя, XXXIV).

⁶ Словарь Библейский образов. С-П., 2005. 1423 с. С. 288.

Перевод и словесность принимающей культуры

Опущение значительных фрагментов текста в рамках переводимых глав, содержавших аллюзии на события эпохи Мильтона, библейские реминисценции, мифологию, сопровождалось добавлением элементов в текст перевода, где Е. Жадовская выступила в роли автора. Н.К. Гарбовский, сторонник рационального перевода, основанного на знании принципов и закономерностей перевода, писал, что «опора исключительно на интуицию и языковое «чутьё» даёт простор абсолютному произволу переводчика» [Гарбовский, 2011: 9].

Ф. Загорский Обѣты, произнесѣнные въ злополучіи, были бы признаны въ счастіи ничтожными, принуждѣнными.

Е. Жадовская Обѣтъ въ злосчастіи невѣренъ, / Онъ принуждѣнень и нечистъ; / **Въ дни счастья будетъ лицемѣренъ / Я сатана, я атеист!**

Перевод Е. Жадовской создан под влиянием словесности принимающей культуры. Влияние поэтического языка эпохи на перевод прослеживается в замене слов и словосочетаний прозаического перевода Ф. Загорского на выражения, широко используемые в поэзии:

Ф. Загорский	Е. Жадовская	Поэтические произведения XIX века
благоволи выслушать собственную историю	Благоволи склонить свой слухъ	И встал тогда сынов Аммона Военачальник Ахиор И рек – и Олоферн со трона Склонил к нему и слух и взор (А.С. Пушкин «Юдифь») ⁸
Я пренебрегалъ дары, непрестанно мною пріемлемые отъ руки сего Бога	Дары праль благіе всѣ по-	Ты Бог мой был, ты клятву дал, Ты ныне клятву ту попрал (Г.Р. Державин «Пени»)
Солнце, казалось, на- ходило удовольствіе оза- рять ихъ (<i>плоды и цветы</i> <i>Рая – А.А.</i>) свѣтомъ своимъ; лучи его не съ такимъ веселіемъ игра- ють на облакахъ пре- краснаго вечера	И солнца лучъ съ своимъ привѣтомъ / въ веселыи радостно блисталь, / Своимъ огнево-яркимъ свѣтомъ / Весь рай и землю осв щал	Когда зимой пленяло солнце взор Сквозь дым багровый ласковым приветом, / И душный класс, и мрачный коридор / Был озарѣн янтарным полусветом (Д.С. Мережковский «Вера»)

Влияние словесности языка перевода в особенности заметно при внесении новых компонентов в текст перевода.

⁷ Здесь и далее цит. по Национальному корпусу русского языка. – URL: <http://ruscorpora.ru/>

Ф. Загорский

я ненавижу, проклинаю
свѣтъ твой: онъ воспоми-
наетъ мнѣ токмо блескъ
померкшей моей славы и
знаменитое мѣсто, кото-
рое недавно занималъ я
превыше сферы твоей

Наконецъ выходить изъ
мрачныхъ своихъ мыслей
и восклицаетъ, стеная <...>

Онъ устремляетъ полетъ,
и остановясь надъ дре-
вомъ жизни, самымъ вы-
сочайшимъ и растущимъ
среди вертограда, садит-
ся на немъ въ видѣ врана

Е. Жадовская

Я проклять свѣтъ твой,
**вспоминая / О дняхъ бла-
женства**, и о томъ;
Гдѣ выше былъ тебя витая

И вдругъ выходить изъ
забвения / Своихъ ужас-
но мрачныхъ думъ, / да-
лекъ покорности, смире-
нья, — Хуленья полонъ
гордый умъ.

И свѣвъ въ раю на возвы-
шенъи, Какъ кровожадый
вранъ, смотрѣль;
**И взгляды отъ злобы упое-
нья** Кровавымъ зарѣвомъ
горѣль

Поэтические произведения XIX века

Кто заглушит
вспоминания
О дняхъ блаженства
и страдания,
О чудныхъ дняхъ твоихъ,
любовь?
(Е.А. Баратынский
«Любовь»).

И **гордый ум** не победит
Любви — холодными
словами
(К.Н. Батюшков
«Пробуждение»).

Он видит — в лентах и
звездах, / **Вином и зло-
бой упоены** / Идут убий-
цы потаенны, На лицах
дерзость, в сердце страх
(А.С. Пушкин
«Вольность»).

Переводы Е. Жадовской не остались без внимания. Н.А. Добролюбов отозвался следующим образом: «...безобразнейшая спекуляция, какую только можно себе представить!.. Тут всё есть — и ловкая штука, и бездарность, и прямой обман...» [Добролюбов, 1952: 695]. Осуждая переводы Е. Жадовской, Н.А. Добролюбов говорил о пользе переводов на русский язык шедевров мировой литературы, а также упомянул публицистов, не называя имён, которые «выдрали кое-какие отрывочки из давно ходивших в обществе суждений и анекдотов, перевели их с простой житейской прозы на патетическую риторику и даже поэзию с хромыми рифмами, прибавили разные обращения, вроде обращения г-жи Елизаветы Жадовской к Мильтону, и пошли писать» [Ibid: 696]. Перевод Е. Жадовской, редкий пример перевода из прозы в поэзию, стал иллюстрацией явлений, имевших место в литературных кругах эпохи, положив начало для поэтических переводов поэмы Джона Мильтона «Потерянный рай».

Список литературы

Гарбовский Н.К. Новый перевод: свобода и необходимость // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2011. № 1. С. 3—16.

- Добролюбов Н.А.* Собр. соч.: В 3 т. Т. 2. Статьи и рецензии. М., 1952.
- Костикова О.И.* Переводческая критика: «зеркальность» vs «прозрачность» // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2010. № 3. С. 41–54.
- Левин Ю.Д.* История русской переводной художественной литературы. СПб., 1996. Т. 2. 273 с.
- Мильтон Иоанн.* Потерянный рай съ приобщением поэмы Возвращённый рай / Пер. Е. Жадовской. М.: Типография ведомостей московской городской полиции, 1859.
- Национальный корпус русского языка. – URL: <http://ruscorpora.ru/>
- Словарь Библейских образов. [Dictionary of Biblical imagery]. С-П., 2005. 1423 с.
- Эткинд Е.Г.* Теория художественного перевода и задачи сопоставительной стилистики // Теория и критика перевода. Изд-во Ленинградского ун-та, 1962.
- Milton John.* Paradise lost / Ed. by A.W. Verity, Cambridge University Press. 1915.

Anisia V. Alevich,

Lecturer at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: anisialevich@yandex.ru

TRANSLATION FROM PROSE IN TWO ACTS AND FIVE CHAPTERS: *PARADISE LOST* BY YELIZAVETA ZHADOVSKAYA

The article studies the influence of the literary circles phenomena on translation (a case study of Yelizaveta Zhadovskaya's translation of *Paradise Lost* by John Milton). The first translation of the poem by Yelizaveta Zhadovskaya was made from Fyodor Zagorsky's translation in prose which is considered as a great specimen of pragmatic translation: the translator, consciously changing the communicative effect of the original, sacrificed the form for the meaning. Yelizaveta Zhadovskaya omitted significant parts of the poem that contained intertextual links, allusions to the works of Antiquity, mythology and sacred texts that formed the literal originality of the poem and added new fragments, thus acting as an author and paving the way for further poetic translations of John Milton's *Paradise Lost*.

Key words: poetic translation, translation pragmatics, target language literature, translation transformations, *Paradise Lost*.

References

- Dobrolyubov N.A.* Sobr. soch. [Complete works] v 3 t. Vol. 2. Stat'i i recenzii. Moscow, 1952 (In Russian).
- Garbovskij N.K.* Novyj perevod: svoboda i neobhodimost' [New translation: freedom and necessity]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 22. Teorija perevoda*, 2011. No. 1, pp. 3–16 (In Russian).
- Jetkind E.G.* Teorija hudozhestvennogo perevoda i zadachi sopostavitel'noj stili-stiki. Teorija i kritika perevoda [Theory of literal translation and objectives of comparative stylistics]. Izd-vo Leningradskogo un-ta, 1962 (In Russian).

- Kostikova O.I.* Perevodcheskaja kritika: “zerkal’nost” vs “prozrachnost’” [Translation critics: “glassiness” vs “transparence”]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 22. Teorija perevoda*, 2010. No. 3, pp. 41–54 (In Russian).
- Levin Ju.D.* Istorija rusckoj perevodnoj hudozhestvennoj literatury. [History of literary translation] St. Petersburg, 1996. Vol. 2. 273 p. (In Russian).
- Milton John.* Paradise lost / Ed. by A.W. Verity, Cambridge University Press. 1915.
- Mil’ton Ioann.* Poterjannyj raj s “priobshheniem” pojemy Vozvrashhennyj raj [Paradise lost and Paradise regained], per. E. Zhadovskoj. Moskva: Tipografija vedomostej moskovskoj gorodskoj policii, 1859 (In Russian).
- Nacional’nyj korpus rusckogo jazyka [Russian corpus]. Available at: <http://rus-corpora.ru/> (In Russian).
- Slovar’ Biblejskij obrazov. St. Petersburg, 2005. 1423 p. (In Russian).

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА

М.К. Голованивская,

доктор филологических наук, профессор кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: golovanivskaya@gmail.com

АБСТРАКТНОЕ И КОНКРЕТНОЕ В ИЗУЧЕНИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНТАЛИТЕТОВ

В статье речь идёт о том, как специфика абстрактной лексики помогает раскрыть особенности национальных менталитетов, в данном случае французского и русского. Говорится о слабом и сильном денотате, метафоризации значения и о вещественной коннотации (понятие введено в лингвистический обиход профессором математики МГУ имени М.В. Ломоносова В.А. Успенским), помогающей абстрактному существительному восполнить слабость денотата. Разница вещественных коннотаций в разных языках добавляет ресурс для контрастивного анализа. Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы: вещественная коннотация сопровождает абстрактное понятие, помогает его осознанию, реализуя его в конкретном образе. Она свидетельствует о мифологизации современного сознания и проявляется в общеязыковых метафорах (в индивидуальных метафорах может происходить лишь развитие заданного общеязыковым сознанием образа) и, следовательно, носит объективный (неиндивидуальный) характер. Эта коннотация объективно мотивирована и задаёт императивные законы ассоциирования понятий для каждого носителя данного языка. Важно также, что вещественная коннотация не осознаётся носителями языка, образуя своеобразный метафорический концепт понятия, который возможно выявить лишь путём реконструкции и существует не в индивидуальном подсознании, но в коллективном, отражая специфику менталитета того или иного этноса.

Ключевые слова: абстрактная лексика, значение, коннотация, контрастивный анализ, национальный менталитет.

Хорошо известно, что в истории философии до Гегеля конкретное понималось главным образом как чувственно данное многообразие единичных явлений, а абстрактное — как характеристика исключительно продуктов мышления [Богомолов, 1985: 216; Соколов, 1979]. Первым категории абстрактного и конкретного ввёл именно Гегель, понимая под конкретным диалектическую взаимосвязь, синоним расчленённой целостности, а под абстрактным — отнюдь не противоположность конкретному, а этап движения самого

конкретного. Абстрактное, по его мысли – нераскрывшееся, не развернувшееся, неразвившееся конкретное¹.

Скажем сразу, такое соображение в корне противоречит данным, получаемым в ходе исследования развития языков и, следовательно, мышления.

Дабы сделать свою мысль понятной, Гегель прибегает к метафорам, следуя по пути, проторённому самим языком, ведь иным способом осознать отвлеченные вещи трудно. Он сравнивает абстрактное и конкретное с почкой и плодом, с жёлудем и дубом [Гегель, 1977: 216], через эти символы он объясняет идею развития. Именно объясняет, а не просто иллюстрирует. Почему он так действует? Потому что именно таким естественным образом развивалась и сама человеческая мысль: от анимизма, то есть приписывания абстрактного смысла (души) конкретным вещам, к приписыванию образов идеальным сущностям, которыми абстрактные понятия и являются по своей природе. Но пойдём дальше: почему жёлудь и дуб, почка и плод? Почему именно эти образы должны были проторить дорожку к нашему пониманию? Потому что образ дерева является самым древним и самым универсальным в человеческой истории [Топоров, 1971], он резюмирует многие значимые для человека смыслы, и достаточно абстрактное рассуждение «присоединить» к нему, как оно непременно обретает объяснительную силу. Этим примером с Гегелем мы иллюстрируем два важных постулата: абстрактное для понимания трактуется через конкретное, успех «предприятия» зависит от удачности выбора этого конкретного. Если так называемое конкретное берется из общего фонда образов, метафор, аллегорий, уже неоднократно истолкованных культурой (в случае с деревом – по меньшей мере индоевропейской), реципиент воспримет послание максимально адекватно. Если конкретное, образ, аллегория будут инновационными (мы говорим в таких случаях: «смелый образ»), то перед нами будет не попытка растолковать абстрактное для понимания, а иной феномен, относящийся к области художественного творчества, который в этой книге исследоваться не будет.

Отметим на полях, что применять лингвокультурологические и антропологические практики к анализу философских текстов бывает заманчивым занятием, дающим неожиданные результаты. Раз уж мы коснулись Гегеля, то заметим в полемическом задоре, что противоположности – он использует такой когнитивный конструкт для описания главного диалектического закона – обнаруживаются исключительно в идеальном, а отнюдь не в реальном

---

¹ Абстракция // Философский словарь. М., 1968. С. 4–5.

мире. У слов и понятий «лошадь», «дом», «стая», «телега», «космонавт» нет антонимов, действия и движения типа «рождаться» и «умирать», «нагреваться» и «остывать», «больше» и «меньше» противопоставляются лишь в европейской рационалистической системе рассуждения по одному из множества признаков и отражают локальный способ мышления, ограниченный во времени, а отнюдь не универсалию, способную объяснить законы развития «природы, общества и сознания» (Ленин, Империализм и эмпириокритицизм). Сразу уточним, что, по нашему убеждению, всякий признак или действие абстрактны уже в силу того, что могут характеризовать объекты из совершенно различных классов, то есть абстрагируясь от специфического, и поэтому именно среди них с такой лёгкостью образуются антонимические пары (даже прилагательным, образованным от существительных, обозначающих конкретные вещества, можно в известных контекстах найти антонимы: шерстяной свитер — синтетический свитер и пр.).

Противоположности (антонимы) как феномен придуманы человеком и приписаны всякой отражённой в сознании действительности, что в полной мере характеризует способ мышления, но не саму действительность. Из сказанного напрашивается вывод, что соответствующий диалектический закон распространяется только на мир идей, но не на мир вещей, описывает закономерности мышления, но не природы. И ещё одно лингвистическое возражение: каждый историк языка знает, что любое абстрактное понятие некогда было конкретным (о разделении абстрактного и конкретного см. далее) и проделало долгий путь к абстрагированию. У А. Доза читаем: «Первоначально абстрактное понятие могло обозначаться только с помощью конкретного: *comprendre* в латыни имело значение “схватить”, в древнегреческом “гнев” обозначался или, точнее, символизировался словом “желчь”» [Доза, 1956: 196]. Многочисленные примеры, иллюстрирующие это положение, доказывают, что каждое абстрактное понятие прошло долгий путь развития из конкретного, абстрактное — результат развития конкретного.

Подобные рассуждения, представляющиеся нам крайне увлекательными и неизменно приводящими к параллелям между гегельянством и дососсюровской лингвистикой, не различавшей понятие и слово, мышление и реальность, язык и речь. Нам кажется интересным для исследования тот факт, что точные науки ушли от естественного языка как от непригодного для выражения однозначной истины именно в силу специфичности и неоднозначности абстрактных языковых понятий (на ум приходит известная цитата из Брюсова), и, возможно, именно благодаря этому в рамках точных

наук были открыты законы существования и развития реального мира, в отличие от философии, претендовавшей и претендующей на подобную роль, но неизменно отражающей сложные антиномии человеческого мышления и восприятия.

К сказанному добавим, что само понятие абстракции произошло от латинского *abstractio*, обозначающего отвлечение. Этот термин ввёл Боэций для перевода греческого термина, употребляемого Аристотелем для обозначения «формирования образов реальности (представлений, понятий, суждений) путём отвлечения и пополнения»².

Здесь нужно поставить ещё один акцент, важный для дальнейшего исследования: во-первых, согласимся, речь часто идёт именно об образе, причем в обыденном понимании этого слова, а во-вторых, реальность, о которой говорится внутри кавычек, может быть идеальна и не исчерпываться представлениями, понятиями или суждениями. Отметим также и то, что в соответствии с приведённым определением всякое языковое понятие, по крайней мере на первой ступени анализа, является абстракцией.

Далее мы покажем, что разграничения существительных на абстрактные и конкретные – процесс непростой и осуществляемый при установлении его референтивных связей, а пока отметим, что какие бы то ни было теоретические намерения, связанные с обсуждаемыми проблемами, неизменно разбиваются о терминологическую путаницу, царящую на уровне определения исходных понятий.

Как различают понятие и значение

Достаточно констатировать: понятие – категория философско-логическая, значение – лингвистическая. Но ни в языкознании, ни в философии этот водораздел не соблюдается, и оба термина употребляются наравне друг с другом, создавая незавидную с точки зрения стройности лингвистической теории взаимную конкуренцию. При этом одни учёные отождествляют понятие с лексическим значением слова, а другие отрицают их связь [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990: 262–263] – ситуация, свидетельствующая о самом начальном этапе приближения к поставленной проблеме.

Об этом же свидетельствует и непреодолимая даже для грамотного лингвиста терминологическая путаница на первой же ступени анализа: в структуре понятия обычно выделяются три компонента: сигнификат, интенционал и денотат, отношения между которыми

---

² Абстракция // Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 7.

«сложные и до конца не выясненные» [ЛЭС, 1990: 384–385; Горский, 1961; Кузнецова, 1963; Комлев, 1969; Апресян, 1974; Арутюнова, 1976; Льюис, 1983]. Выяснению этих отношений, видимо, в немалой мере препятствует то, что в языкознании зачастую не различают первые два компонента, сигнификат именуют «наивным понятием», «языковым понятием», «означаемым», «десигнатом», «денотатом языковым», «коннотацией», коннотацию (признаки, которые не включаются в понятие, но которые окружают его в языке в силу различных ассоциаций) называют интенционалом, в значении которого употребляется также непрозрачное понятие «компрегнсии». Картину дополняет заключение, что «понятие, лежащее в основе лексического значения слова, характеризуется нечёткостью, размытостью границ» [Sauvageot, 1974]. Понятно, что можно выстраивать различные цепочки отношений, приписывая этим отношениям, как и самим звеньям цепи, самые различные признаки и связи — всё это свобода поиска, умноженная на переводной характер трудов классиков этого направления, в которой нет вреда. Ощущение тупика возникает от предположения, что понятие существует до слова, а с возникновением слова мы можем говорить о значении, структурирующем «нечёткое и размытое понятие», постольку в этом случае мы утверждаем примат сознания над языком. Подобное утверждение и по сей день остаётся камнем преткновения для философов языка и психолингвистов, являя собой образец неразрешимой глобальной проблемы. Мы воздержимся от теоретизирования на эту тему, поскольку уже и так было высказано достаточно дискуссионных предположений, и договоримся, в связи с невозможностью считать так или иначе, свободно оперировать обоими терминами, не ссылаясь на какие-либо терминологические рамки. Для нас важно, что понятие, или значение, — это та идеальная сущность, которая стоит за материальной стороной слова, за которой в свою очередь может находиться идеальная или материальная реальность.

Благодаря этой двойной референции возможно наметить путь разграничения абстрактных и конкретных существительных — фактов столь же очевидных, сколь и трудноопределимых.

Абстрактное и конкретное

Даже при первом приближении понятно, что безусловно сформулировать различие абстрактного и конкретного, в частности, существительного — задача непростая. Ведь мы понимаем, что и в том, и в другом случае за словом стоит понятие — сущность идеальная, а отнюдь не реальная. Однако провести такое разграничение ка-

жется соблазнительным, ведь значение слова «рука» можно условно изобразить на бумаге, то есть перевести на язык символов (картинок), в то время как слово «совесть», которое и определить трудно, и объяснить трудно, изобразить нельзя. А что это мы изобразили на бумаге, когда рисовали «дом» или «корабль»? Самым древним из известных человеку способов, пещерным и наскальным, мы запечатлели наше представление о классе предметов, запечатлели абстрагировано, так сказать, в общих чертах. Если спросить нас, что такое «дом» или «рука», наиболее точным действием будет нарисовать и сказать: «Вот!», нежели пытаться перевести ответ на язык толкования, то есть начать выражать абстрактными словами естественного языка нарисованное на листочке: «Дом — это жилище, конструкция, обычно служащая для защиты человека, и т.д.». Почему? А потому, что на естественном языке, непременно образующем порочные круги понятий, не выстроить безупречного демаркационного определения, различающего абстрактное и конкретное, хотя на бытовом уровне даже школьник отличит одно от другого.

В русском лингвистическом энциклопедическом словаре отсутствует статья, посвящённая абстрактной и конкретной лексике, а в школьном учебнике эта проблема представлена и разрешена просто и однозначно и не вызывает сложностей в понимании, потому что толкуется на примерах. В описании смысла конкретного через абстрактное есть смысловой конфликт, который можно условно обозначать как конфликт объёма: объяснение — это сужение, отсечение лишнего смысла, демаркация различий. Использование абстрактных понятий для описания конкретных вещей по сути является постоянным расширением, размыванием края, ассоциированием однозначного понятия с классом разнородных вещей.

Это противоречие не снял ни язык семантических примитивов, ни какой-либо другой искусственный язык, а возможно существующий *lingua mentalis* хранится за семью печатями, и неизвестно, будет ли когда-нибудь обнаружен.

Традиционная точка зрения на проблему разграничения конкретного и абстрактного представлена в работах многих исследователей. Вот, например, небольшая цитата из одной из статей А. Соважо: «Традиционно это различие (различие между конкретной и абстрактной лексикой — *М.Г.*) основывается на утверждении, что у некоторых слов концептуальное поле соотносится с предметом, существом или объектом, контуры которых более или менее чётко определены, в то время как другие слова обозначают понятия, которые трудно уловить. Так, слова *дерево, лошадь, стол* конкретные существительные, а слова *любезность, иллюзия, радость* —

абстрактные» [ЛЭС, 1990: 384—385; Горский, 1961; Кузнецова, 1963; Комлев, 1969; Апресян, 1974; Арутюнова, 1976; Льюис, 1983].

С таким подходом переключается и высказанная в менее традиционной форме идея-метафора «музея всех мыслимых вещей» [Sauvageot, 1974], очевидно и запомнившаяся в силу своей наибольшей понятности: если для данного слова в музее всех мыслимых вещей отыщется экспонат — значит существительное конкретное, если нет — абстрактное. Претензии к подобному разграничению очевидны, однако в этой идее присутствует важный для нашей трактовки этой проблемы аспект. Мы считаем, что конкретное связано со способностью человеческой памяти хранить образы некогда увиденных предметов и актуализировать их для опознания тех или иных слов, обозначающих конкретные понятия [Спрингер, Дейч, 1983]. Абстрактные же понятия идентифицируются когнитивным путём либо через рассуждение, либо через ситуацию (систему связей). Забегая вперед, скажем: эта система связей и является ключом к описанию специфики национального менталитета, грамматики мировоззрения, зафиксированной в понятийном аппарате того или иного естественного языка — языка, который отражает в своих пластах и происхождение этноса, и оказанные на него влияния, и специфику его истории, и генетическую предрасположенность народа, возникшего и развившегося на определённой территории в определённый промежуток времени, именно таким образом воспроизводить в своём сознании окружающий мир.

В связи с предпринятым нами исследованием заметим, что абстрактное понятие, непременно вышедшее из конкретного, стремится к конкретизации, но уже совершенно на другом уровне: оно приобретает черты конкретного предмета через вещественную коннотацию, формирующую вторичный и эклектический конкретный образ, сопровождающий данное абстрактное понятие. Таким образом, мы можем говорить о выявлении некоторой тенденции, которая условно может быть названа *вторичной конкретизацией* и представлена в следующем процессе: конкретное понятие абстрагируется, абстрактное понятие конкретизируется через ассоциирование с неким образом (*Страх снедает душу*). Вторичная конкретизация эклектична, овеществляет абстрактное понятие не целиком, развивается во времени через метафорическую систему языка.

Если суммировать сказанное, становится понятным, что именно сложная цепочка референций, выстраивающаяся за содержательной стороной языкового знака, может привести нас к выявлению качественных различий между абстрактной и конкретной лексикой

и помочь понять ту роль, которую играет вторичная конкретизация (вещественная коннотация) в осмыслении и функционировании абстрактной лексики.

Референция: слабый референт и сильный референт

Референция, как известно, – это функция лингвистического знака, отсылающая к объекту экстралингвистического мира, реальному или идеальному. Всякий лингвистический знак, осуществляя связь между понятием (концептом) и акустическим образом (именно так определял знак Фердинанд де Соссюр в своем знаменитом «Курсе общей лингвистики» [Де Соссюр, 1977: 98–103]), отсылает также и во внеязыковую реальность. Эта функция устанавливает связь с миром реальных объектов не напрямую, а через «внутренний» мир идей, характерных для той или иной культуры. Таким образом, референт отсылает не к реальному объекту, а к мыслимому, следовательно, специфичному для того или иного типа национального сознания. Мы знаем, что даже цветовая гамма может различно интерпретироваться в разных языках (например, «синий» в латыни и во французском языке, или «белый» в русском и языке эскимосов [Меновщиков, 1980]), хотя единство материальной основы кажется максимально объективной. Семиотический треугольник Огдена и Ричардса [Richards, Ogden, 1989], появившийся в эпоху многочисленных семиотических треугольников и четырёхугольников [Heger, 1969] и представляющий отношения между означаемым, означающим и референтом, позволяет задуматься о возможных различных качествах этого референта, уводя от необходимости как-либо трактовать во всех случаях абстрактное означаемое.

Референт, по нашему мнению, может быть сильным, то есть в конечном счёте имеющий прототип в мире вещей, и слабый, на такой предмет не опирающийся. Во втором случае слабость референта мощно расшатывается часто встречающейся у абстрактных понятий синонимией, характеризующей идеальные и неуловимые сущности с нечётко очерченными границами (трудно определить, чем грусть отличается от печали или идея от мысли, но легко понять, чем стол отличается от журнального столика), а также подчас достаточно подвижными антонимическими отношениями (так, не до конца понятно, что является антонимом смерти, жизнь или рождение, и горя – радость или покой).

Возможно, именно эти особенности референтов позволяют провести зыбкую границу между абстрактными и конкретными существительными, а также понять, какую роль играет метафора и вещественная коннотация абстрактного существительного, извле-

каемая из общеязыковых метафорических сочетаний. Во всяком случае, предположение, что она (коннотация) служит некой «подпоркой» слабому референту, ассоциируя его с неким конкретным понятием, не кажется нам лишённой права на существование. Эта точка зрения позволяет уяснить, что обильная метафорическая сочетаемость многих абстрактных существительных, как и в целом приверженность многих наук к метафорам (приведшая в недавнем прошлом к глобальным дискуссиям о запрете или незапрете использования метафор в научных текстах, см., например, работу «Метафора в научном тексте» К.И. Алексеева), происходят не исключительно красоты ради, а также и ради осознания, которое, как мы увидим далее, без метафоры подчас не только затруднено, но и вовсе невозможно. С каким феноменом мы сталкиваемся, когда изучаем изображения вполне абстрактных понятий, к примеру, в средневековых аллегорических книгах типа лапидариев, bestiариев, морализаторских книг (возьмём, к примеру, трактат Cesare Ripa Iconologia, изданный впервые в Падуе в 1618 году), усыпанных изображениями Мудрости или Фортуны? О чём нам говорит утверждение, что твёрдость — это кремень, приведшее через несколько столетий к выражению «у него характер — просто кремень»? О том, что на пустое место референта заступает иная сущность — устойчивый образ, метафорический концепт, связывающий мир идей с миром вещей и делающий в силу этого мир идей осязаемым.

Метафора как способ унификации абстрактного и конкретного

Часто, оперируя абстрактными понятиями, мы сознательно или подсознательно сравниваем их с понятиями конкретными — мы говорим: «Талант всегда пробьёт себе дорогу», «Моё терпение лопнуло», «Потерять, убить время», «Идея носится в воздухе» и пр. При этом мы не знаем, или, точнее, нам совершенно не важно, что, к примеру, «понять» и для французского языка, и для русского восходят к одному и тому же прообразу — «схватить», «взять», — и в силу этого у нас, индоевропейцев, есть ощущение, что мы что-то ловим головой, как бы «берём в голову». Мы просто говорим: «Что-то не могу ухватить, в чем тут смысл?» — и всё. Мы подсознательно разворачиваем ситуацию охоты за смыслом, знанием, совершаем для себя исконно привычное действие присвоения себе чего-то внешнего и чувствуем себя комфортно в приручённом когнитивно-чувственном мире, позволяющем нашему воображению не только опираться на мнимые сущности, но в случае необходимости даже их подменять. Человек с лёгкостью принимает вирту-

альный мир компьютера за привычный, уже буквально за среду обитания, тождественную естественной, используя для этого воображение, поставившее знаки равенства между обычными действиями (взять, отправить, получить, открыть, запомнить, убрать в карман) и абсолютно идеальными сущностями [Иванов, 2002]. Именно для этой комфортности, доступности, познаваемости язык даёт нам волшебную палочку метафоры, умножая наши интеллектуальные построения кратно совместимости их с реальностью осязаемой. У Шарля Балли читаем: “Nous assimilons les notions abstraites aux objets de nos perceptions sensibles, parce que c’est le seul moyen que nous ayons d’en prendre connaissance” [Bally, 1964: 17]. «Мы уподобляем абстрактные понятия объектам нашего чувственного восприятия, потому что это единственный способ понять и познать их» (перевод мой. — М.Г.). Следует ли из приведённого утверждения, что мы мыслим один, абстрактный, объект в категориях другого, конкретного? И да, и нет. Мы не считаем терпение разновидностью резины, а идею не принимаем за некое насекомое. Но мы считаем, что терпение ведёт себя как своего рода необыкновенная резина, а идея бывает подобна птице, мухе и так далее. Можно ли, не сравнивая терпение с резиной, объяснить человеку, не знающему, что такое терпение, его феномен? Можно ли понять абстрактные построения, скажем, гегелевские, если изъять из них равнения? Можно ли, не прибегая к сравнению, постичь, что есть совесть или раскаяние?

Мы могли бы переформулировать высказывание Шарля Балли следующим образом: мы ассоциируем абстрактные понятия с конкретными осязаемыми предметами, поскольку это единственный имеющийся у нас в распоряжении способ унифицировать мир идей и мир вещей и существовать в однородном реальном мире, а также в силу этого овладеть обоими мирами, реальным и виртуальным. Отождествляя абстрактные понятия с предметами материального мира, мы ощущаем их как реальные сущности. Абстрактные понятия становятся одушевлёнными или неодушевлёнными, активными или пассивными, «хорошими», то есть действующими в интересах человека, или «плохими», то есть наносящими ему урон, и пр. Вследствие этого человек устанавливает с этими абстрактными понятиями такие взаимоотношения, как и с конкретными, эмоционально окрашенными (человек боится судьбы, уважает случай, работает, как инструментом, своим умом, питает надежду и пр.). Иначе говоря, благодаря овеществлению (вторичной конкретизации) абстрактных понятий человек решает двойную задачу: гомогенизирует мир окружающий и внутренний и

унифицирует свои связи с ним. Инструментом для решения столь важной задачи служит метафора.

Обычно метафора понимается как «троп или механизм речи... Это употребление слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений и т.д., для характеристики или наименования объекта, входящего в другой класс. В расширительном смысле термин применяется к любым видам употребления слов в непрямом значении»³. Отметим существенные для нашего исследования наблюдения над тем, что происходит со значениями слов, входящими в метафору. «Метафора не сводится к простой замене смысла — это изменение смыслового содержания слова, возникающее в результате действия двух базовых операций: добавления и сокращения сем» [Общая риторика, 1986: 194–197]. Важное свойство метафоры — экстраполяция, «она строится на основе реального сходства, проявляющегося в пересечении двух значений, и утверждает полное совпадение этих значений. Она присваивает объединению двух значений признак, присущий их пересечению» [Там же].

Именно это её свойство и позволяет поддержать слабый референт абстрактных существительных, сделать его более осязаемым, в силу этого чуть более реальным и понятным. Мы отчасти разделяем, противясь столь сильной абсолютизации, утверждение Н.Д. Арутюновой: «Без метафоры не существовало бы лексики “невидимых миров”..., зоны вторичных предикатов, то есть предикатов, характеризующих абстрактные понятия» [Арутюнова, 1990: 9]. Возможно, эта лексика и существовала бы, возможно, в каком-то языке она даже и существует, но такой язык связан с совершенно иным, нежели наш, типом сознания.

В последнее десятилетие в метафоре стали видеть ключ к пониманию основ мышления и сознания, национально-специфического видения мира. От осознания того факта, что метафора является едва ли не единственным способом уловить и понять объекты высокой степени абстракции, был совершён переход к более концептуальной установке: метафора открывает «эпистемический доступ» к понятию [Boyd, 1979]. Развитие этой установки приводит к глобализации роли метафоры; так, Хосе Ортега-и-Гассет утверждает: «От наших представлений о сознании зависит наша концепция мира, а она в свою очередь предопределяет нашу мораль, нашу политику, наше искусство. Получается, что все огромное здание вселенной, преисполненное жизни, покоится на крохотном и воздушном тельце метафоры» [Ортега-и-Гассет, 1990: 77].

---

³ Метафора // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 296–297.

Метафорическая яркость утверждения заставляет согласиться с ним и констатировать настоящий «бум» в философии, психологии, лингвистике и смежных с ними дисциплинах, связанный с изучением метафоры. В метафоре видятся теперь ключи к сознанию, подсознанию, мышлению, истории цивилизации, науке, религии, политике, социальному взаимодействию и вообще ко всему специфически человеческому.

Возможно, это закономерная реакция на длительный период всемирного лингвистического увлечения формализацией языка, логико-семантическими построениями, теорией речевых актов, прагматикой и прочими «строгими» областями языкознания. Такая всеобъемлющая оценка роли метафоры кажется нам несколько преувеличенной, поскольку в метафоре мы склонны видеть посредника между чувственным и интеллектуальным началом человека. Нам кажется, что в связи с метафорой более уместно говорить не о понимании или мышлении, а о восприятии, сочетающем в себе и интеллектуальное, и эмоциональное, и специфически национальное начала. Отметим, что метафора в современной лингвистике превратилась в своего рода *deus ex machina*. Будучи исходно абстрактным понятием, она развила в современном языке образ всемогущего мифологического существа, управляющего податливым человеческим сознанием и умом. Абстрагируясь от этого яркого образа, признаем, что картина мира, зафиксированная в общеязыковых метафорах, отражает очень древние, зачастую пантеистические, человеческие рефлексивные мифологизации абстрактного (проявившейся вслед за одушевлением конкретного) и сама, по сути, является современным мифом, форма существования которого специфична и требует особого подхода при реконструкции.

Метафора и миф

Метафора, как мы уже говорили, — перенос, отождествление различно задуманных содержаний, точнее, образов, и именно это, очевидно, является основным способом мифологического мышления и переживания. Одушевляя идею (мы говорим: *идея легла в основу, нашла, встретила понимание, родилась, умерла, будоражит умы, выглядит, привлекает* и пр.), персонифицируя судьбу (мы говорим: *по иронии судьбы, по велению судьбы, волею судьбы, бросить на произвол судьбы, баловень судьбы, быть заброшенным судьбой* в... и пр.), материализуя горе (мы говорим: *испить, хлебнуть горя* и пр.), превращая аргумент в некое оружие (мы говорим: *железный аргумент, сильный аргумент, весомый, броневой аргумент* и пр.), мы демонстрируем проявления нашего мифологического сознания.

Когда мы говорим о метафоризации абстрактных понятий, мы имеем в виду не ту часть древнего мифологического сознания, когда человек переносил на природные объекты свои собственные свойства, приписывая им жизнь и человеческие чувства, а о той, не менее древней, когда отвлечённому, то есть непонятному, приписывались свойства этой одушевлённой природы, или самого человека, или же божества, соединяющего себе и природное, и человеческое. При этом мифологические образы представляют собой сложнейшие конфигурации метафор, «символический образ представляет инобытие того, что он моделирует, ибо форма тождественна содержанию, а не является её аллегорией, иллюстрацией» [Токарев, 1991: 13]. Специфика мифологического мышления и сознания, отмечавшаяся многими исследователями мифа, заключается в первую очередь в нерасчленении реального и идеального, вещи и образа, тела и свойства, «начала» и принципа, в силу чего сходство или смежность преобразуются в причинную последовательность, а причинно-следственный процесс имеет характер материальной метафоры.

Идея «реконструкции» символического мира принадлежит немецкому философу Эрнсту Кассиреру, который утверждал общность структуры мифологического и языкового мира, в значительной степени определяющей одинаковую приверженность к метафоре. По его мысли, метафоричность слов – это наследие, которое получил язык от мифа [Кассирер, 1990: 33–44]. Кассирер выделял два способа образования понятий: логически-дискурсивный и лингво-мифологический. Логически-дискурсивный способ, по Кассиреру, связан с интеллектуальным процессом синтетической дополнительности, объединением частного и общего, с последующим растворением частного в общем. Однако у каждого понятия сохраняется сфера, ограничивающая его от других понятийных областей. При лингво-мифологическом способе образования понятия происходит его концентрация, размывание границ, отождествление с понятием из совершенно иного класса. Кассирер утверждает: «Метафора не явление речи, а одно из конституционных условий существования языка» [Там же]. Введём одно существенное уточнение: речь, видимо, должна идти не о самой метафоре, а о том, что за ней стоит, о том образе, который возникает благодаря метафорической сочетаемости того или иного слова. Причём возникает объективно, как устойчивая, понятная всем носителям языка связь, а не как придумка стихоплёта или проворно сочиняющего литератора (который тоже, отметим, редко бывает свободным от навязываемого языковыми рельсами пути метафоризации). У абстрактного понятия этот образ приобретает конкретные черты, само абстракт-

ное понятие мыслится, точнее, воспринимается, как условно конкретное, специфически конкретное, мифологически конкретное. Эта сочетаемость, эти образы имеют крайне сложную и не всегда прозрачную историю, непременно приводящую нас к мифу. Причём к мифу, накрепко привязанному к локальной истории, языку, пережитым влияниям и катаклизмам.

Эти образы – рудименты старых мифов, которые, вступая в новые отношения, образуют новые, современные мифы, отчасти реконструируемые из таких метафор, но существенно отличающиеся от старых, в частности тем, что существуют подсознательно и не осознаются как таковые. Именно этот факт лишний раз доказывает, что в данном случае мы говорим не о понимании, которое всегда осознанно, а о восприятии, механизмы которого по большей части кроются в подсознании. Эти конкретные образы, выявляющиеся из метафорической сочетаемости абстрактного существительного, называются вещественной коннотацией и представляют своего рода современный пантеон, описать который – задача не современного Гомера, но учёного, который сможет достигнуть своей цели лишь путём кропотливых и не всегда очевидных реконструкций.

Вещественная коннотация и метафорический концепт

Когда мы говорим о коннотации, мы вовсе не имеем в виду всего того многообразия значений этого термина, а также подходов, представление о которых даёт небольшая глава «Коннотации как часть прагматики слова», включённая Ю.Д. Апресяном во второй том своих избранных трудов [Апресян, 1995]. С понятием коннотации мы никак не связываем оценочный компонент значения, а также логический аспект формирования понятий, идущий от схоластической логики (разделение акциденций и субстанций) и проникший в языкознание в XVII веке через грамматику Пор-Рояля. В качестве ориентира мы выбираем самое общее понимание коннотации, формирование представления о котором принадлежит, по нашему мнению, Ельмслеву [Ельмслев, 1965: 78]. Он считал, что коннотативное значение – это вторичное значение, в котором означающее само представляет собой некоторый знак, или первичную, денотативно-знаковую, систему.

Добавим, что для нас важна не коннотация как таковая, а её разновидность – вещественная коннотация, связанная со способностью отвлечённого существительного «иметь такую лексическую сочетаемость, как если бы оно обозначало некоторый материальный предмет и поэтому в мысленном эксперименте могло быть воспринято как конкретное существительное, обозначающее этот

предмет. Прилагательные и глаголы, сочетающиеся с данным абстрактным существительным, как правило, имеют среди прочих конкретные значения и в этих конкретных значениях сочетаются с различными конкретными же существительными. Лексическое значение каждого такого конкретного существительного есть материальная, или вещная, коннотация рассматриваемого отвлеченного существительного в данном контексте». Такое понимание вещественной коннотации принадлежит В.А. Успенскому [Успенский, 1979: 147], открывшему в конце 1970-х годов своей небольшой статьёй в «Семиотике и информатике» новую область исследований.

С этих позиций В. А. Успенский исследует в своей статье всего несколько слов. С категоричностью первопроходца он утверждает, что авторитет – тяжёлый предмет из твёрдого небьющегося металла, полезный, шарообразной формы, в хорошем случае большой и тяжёлый, в плохом – маленький и лёгкий (на основе анализа следующей сочетаемости этого абстрактного существительного: *пользоваться авторитетом, использовать авторитет, уповать на авторитет, класть авторитет на чашу весов, маленький, хрупкий, ложный, дутый авторитет, высоко держать свой авторитет, расшатать, поколебать, удержать, поддержать чей-либо авторитет, потерять свой авторитет* и пр.), страх – враждебное существо, подобное гигантскому членистоногому или спруту, снабжённому жалом и парализующим веществом (выражения: *страх душит, парализует, охватывает* и пр.), горе – тяжёлая жидкость (*испить горя, хлебнуть горя, быть придавленным горем, большое глубокое горе, погружаться в горе*), радость – лёгкая, светлая жидкость, находящаяся внутри человека (*радость тихо разливается внутри, бурлит, играет, искрится, переполняет, выплёскивается, переливается через край*). Мы уделили такое большое внимание этой шестистраничной статье профессора Успенского именно потому, что, утрируя, она заостряет очевидность связи вещественных коннотаций с мифологическим сознанием, а также потому, что в этой работе анализируется именно абстрактная лексика, а не конкретная, как это делалось исследователями «наивной картины мира» до середины 1970-х годов.

Через год после статьи В.А. Успенского появляется, совершенно независимо от неё, книга Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живём» [Lakoff, Johnson, 1980], изобилующая анализом абстрактных существительных, вводящая классификацию метафор, образующих вещественные коннотации (без употребления этого термина), а также определяющая понятие метафорического концепта. Особый акцент в книге делается на том, что метафоры пронизывают повседневную жизнь человека и проявляются не только в языке и мышлении, но и в действии. Из того факта, что

и в англоязычной, и в русскоязычной культуре спор мыслится как война (об этом свидетельствует богатая метафорическая сочетаемость этого слова: *быть незащищённым в споре, нападать на слабые места в аргументации, критические замечания бьют точно в цель, атаковать противника в споре, стратегия спора, уничтожить оппонента своими аргументами* и пр.), следует также и наше поведение во время спора. Спор, понятие «спора», понимается и осуществляется как война, потому что о нём говорят в терминах войны. Тем самым понятие упорядочивается метафорически, следовательно, и сам язык также упорядочивается метафорически благодаря возникновению метафорических концептов, которые определяют мышление и поведение, отражающие особенности той или иной национальной культуры.

Такого рода метафоры Дж. Лакофф и М. Джонсон называют структурными метафорами, поскольку они одно явление структурно упорядочивают в терминах другого. Вот ещё один из их примеров [Лакофф, Джонсон, 1990: 393]: идеи (или значения) – объекты, языковые выражения – вместилища, коммуникация – передача (таковы, в наших терминах, вещественные коннотации этих трёх абстрактных существительных). Действительно, мысль можно подать, но она может не дойти, зачастую бывает трудно облечь мысли в слова, в слова можно вложить то или иное содержание: большее количество мыслей в меньшее количество слов и наоборот, иногда мысли приходится втискивать в слова, в которых заключен некий смысл, слова могут нести мало и много смысла, бывают, в первом случае, пустыми, смысл может быть погребён под нагромождением слов. Перед нами вполне разработанная мифологическая картина, принятая современным сознанием для идентификации абстрактных понятий «значение», «слово», «общение» посредством вещественных коннотаций, необходимых для такой идентификации.

В языке, по наблюдениям Дж. Лакоффа и М. Джонсона, существуют не только структурные метафоры, но и ориентационные, которые не упорядочивают структуру одного понятия в терминах другого, но проводят организацию целой системы понятий по образу некой другой системы. Они задают отношение этих понятий относительно ориентиров «верх – низ», «внутри – снаружи», «передняя сторона – задняя сторона», «глубокий – мелкий», «центральный – периферийный». Так, счастье, здоровье, сознание, жизнь, сила, власть, добродетель, рассудок ориентированы, в соответствии с их сочетаемостью, вверх, а грусть, болезнь, унижение, порок, эмоции – вниз.

Подобная ориентированность многих абстрактных понятий также связана с мифологической структуризацией идеального мира,

поскольку именно ось «*верх — низ*» является основной во всякой мифологической системе. В цитируемой книге можно найти подтверждение такой точки зрения и ещё множество интересных примеров и наблюдений, касающихся вещественных коннотаций и их роли в процессе восприятия и общения.

Важно отметить, что закрепление за тем или иным понятием той или иной вещественной коннотации или, точнее, тех или иных вещественных коннотаций не случайно и имеет в большинстве случаев объективные источники. Этому вопросу мы уделим отдельную главу. А здесь подчеркнём: даже беглый анализ вещественных коннотаций показывает, что есть общеевропейские метафорические образы (мифологические проработки понятий), то есть ситуации, где процесс вторичной конкретизации абстрактных понятий шёл в русле общей праистории, а есть специфические — так, к примеру, французы совершенно не представляют себе терпение подобным резине. Анализ сходств и различий представляет собой одинаковую ценность с точки зрения антропологического изучения русского и европейского менталитетов, цивилизационно близких, но существенно различающихся.

При этом мы не умаляем значимость изучения конкретных понятий и реалий. Например, академик В.В. Виноградов в «Избранных трудах по лексикографии» [Виноградов, 1977] тонко подмечает связь переносного значения глагола «насолить» с представлениями о соли, бытовавшими в колдовстве. Это даёт нам подсказку для установления возможной связи между древним ритуалом колдовства, свойством соли препятствовать разложению и языческой привычкой бросать от глаза соль через левое плечо, якобы отгоняя нечистую силу.

Изучение этноса и его менталитета, конечно, должно базироваться на всестороннем изучении всего того бесценного материала, который можно получить из языка.

Добавим к сказанному, что, как правило, у абстрактного понятия существует несколько различных коннотаций, ассоциирующих его с различными конкретными образами и делающих представление о нём неоднозначным и эклектичным, что, с нашей точки зрения, свидетельствует о распаде целостности мифологического сознания в современной цивилизации. Так, например, французская *réputation* имеет три коннотации: «чистая ткань», так как мы говорим *salir, ternir, entacher, déchirer la réputation, avoir un accrotà sa réputation*, «цветок» — *effleurer la réputation de qn* и «конструкция, сооружение» — *bâtir, soutenir, déboulonner, détruire sa réputation*. О чём это свидетельствует? Прежде всего, о множественности ситуаций, в которых

употребимо это понятие. Так, одно дело – незапятнанная репутация человека, несущего общественное служение, на неё он не капнул ни кровью, ни жирным соусом, ни грязью, не задел, не зацепил её из-за небрежного обращения; другое дело – репутация девушки, которая «срывается», как цветок, да и сама девушка в европейской мифологии подобна цветку; и третье дело – репутация человека, идущего вверх по социальной лестнице: каждый его шаг, действие – это строительство жизни, образа, той самой репутации. Можно ли сказать, что во всех трёх случаях мы говорим об одной и той же репутации? Очевидно, нет. От этого и совершаемые с понятием разные действия, и вещественная коннотация. В членении ситуации, в соотнесении набора ситуаций с тем или иным понятием, конечно же, кроется этническая специфика, прошлый и настоящий опыт социализации, пережитая история. Другое дело, что сами коннотации всегда будут из универсально-понятийного набора, развивающего свой инвентарь куда медленнее, чем движется история народа.

Итак, подводя итоги рассуждению, изложенному в этой главке, подчеркнём важные для нас соображения:

1. Вещественная коннотация сопровождает абстрактное понятие, помогает его осознанию, реализуя его в конкретном образе.

2. Вещественная коннотация свидетельствует о мифологизации современного сознания.

3. Вещественная коннотация проявляется в общеязыковых метафорах (в индивидуальных метафорах может происходить лишь развитие заданного общеязыковым сознанием образа) и, следовательно, носит объективный (неиндивидуальный) характер. Эта коннотация объективно мотивирована и задаёт императивные законы ассоциирования понятий для каждого носителя данного языка. Мы можем сколько угодно развивать образ «резинового терпения», порождая смелые метафоры, и можем сказать: «Моё терпение растянуто до предела», «Моё терпение взорвалось, как воздушный шарик» и пр., но если мы скажем: «Моё терпение свинтилось» или «Его терпение упало», то это будет воспринято в общеязыковом контексте как ошибка, ведущая к непониманию, ошибка, которая могла бы, по нашему убеждению, быть названа коннотативной ошибкой.

4. Вещественная коннотация не осознаётся носителями языка, образуя своеобразный метафорический концепт понятия, который возможно выявить лишь путём реконструкции.

5. Вещественная коннотация существует не в индивидуальном подсознании, но в коллективном, отражая специфику менталитета того или иного этноса.

Список литературы

- Апресян Ю.Д.* Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
- Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика. М., 1974.
- Арутюнова Н.Д.* Логические теории значения // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.
- Арутюнова Н.Д.* Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990.
- Богомолов А.С.* Античная философия. М., 1985.
- Виноградов В.В.* Избранные труды // Лексикология и лексикография. М., 1977.
- Гегель Г.* Энциклопедия философских наук. Т. 3. М., 1977.
- Горский Д.П.* Вопросы абстракции и образования понятий. М., 1961.
- Де Соссюр Ф.* Курс общей лингвистики. М., 1977.
- Доза А.* История французского языка. М., 1956.
- Ельмслев Л.* Язык и речь // Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX вв. в очерках и извлечениях. Ч. 2. М., 1965.
- Иванов Д.В.* Виртуализация общества. СПб., 2002.
- Кассирер Э.* Сила метафоры // Теория метафоры. М., 1990.
- Комлев Н.Г.* Компоненты содержательной структуры слова. М., 1969.
- Кузнецова А.И.* Понятие семантической системы языка и методы её исследования. М., 1963.
- Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живём // Теория метафоры. М., 1990.
- Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990.
- Льюис К.И.* Виды значения // Семиотика. М., 1983.
- Меновщиков Г.А.* Язык эскимосов Берингова пролива. Л., 1980.
- Общая риторика / Под ред. А.К. Авеличева. М.: Прогресс, 1986.
- Ортега-и-Гассет Х.* Две великие метафоры // Теория метафоры. М., 1990.
- Соколов В.В.* Средневековая философия. М., 1979.
- Спрингер С., Дейч Г.* Левый мозг, правый мозг. М., 1983.
- Токарев С.А.* Мифология. Мифы народов мира. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1991.
- Топоров В.Н.* О структуре некоторых архаических текстов, соотносимых с концепцией мирового дерева // Труды по знаковым системам. Вып. V. Тарту: Изд-во Тартуского ун-та, 1971. С. 9–62.
- Успенский В.А.* О вещных коннотациях абстрактных существительных // Семиотика и информатика. Вып. 11. М., 1979.
- Bally Ch.* Traite de stylistique. Geneve, 1964.
- Boyd R.* Metaphor and theory change. Metaphor and thought. Cambridge, 1979.
- Heger K.* Analyse semantique du signe linguistique. Remarques semiotiques. Langue française. Dec. 1969. No. 4. P. 44–46.
- Lakoff C., Johnson M.* Metaphors we live by. Chicago, 1980.
- Richards I.A., Ogden C.K.* The Meaning of Meaning. London, Harvest/HBJ, 1989.
- Sauvageot A.A.* Mots concrets et mots abstraits. Portrait du vocabulaire frainsais. Paris, 1974. P. 123–132.

Maria K. Golovanivskaya,

Dr. Sc. (Philology), Professor at the Department of Area Studies, the Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: golovanivskaya@gmail.com

ABSTRACT AND CONCRETE IN THE STUDY OF NATIONAL MENTALITIES

In the article, we analyze how particular characteristics of the abstract vocabulary help to reveal distinguishing features of the French and Russian mentalities. It is a matter of weak and strong denotation, the metaphORIZATION of meaning and the material connotation (the term was coined by Vladimir A. Uspensky, a professor of mathematics at Lomonosov Moscow State University), which makes it possible for an abstract noun to make up for the weakness of the denoter. The difference in material connotations in various languages adds a resource for a contrastive analysis. The research allows us to make the following conclusions: a real connotation accompanies an abstract concept, helps to comprehend it better while actualizing it in a specific image. It represents the mythologization of modern consciousness and manifests itself in general linguistic metaphors (in individual metaphors, only the development of the image given by the general linguistic consciousness can occur) and, consequently, has an objective (nonindividual) character. This connotation is objectively motivated and sets imperative laws of associating concepts for every native speaker. It is also important to note that the real connotation is not realized by native speakers, forming a kind of metaphorical concept of a specific idea that can only be revealed through reconstruction and exists not in the individual but in the collective unconsciousness, reflecting the peculiarities of an ethnic group's mentality.

Key words: abstract vocabulary, signification, connotation, contrastive analysis, national mentality.

References

- Apresyan Yu.D.* Izbrannyye trudy. Vol. 2. Integral'noe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya [Selectas]. Vol. 2. Integral description of language and system lexicography. Moscow, 1995 (In Russian).
- Apresyan Yu.D.* Leksicheskaya semantika [Lexical semantics]. Moscow, 1974 (In Russian).
- Arutyunova N.D.* Logicheskie teorii znacheniya [Logical theories of meaning]. Printsipy i metody semanticheskikh issledovaniy. Moscow, 1976 (In Russian).
- Arutyunova N.D.* Metafora i diskurs [Metaphor and discourse]. Teoriya metafory. Moscow, 1990 (In Russian).
- Bally Ch.* Traite de stylistique. Geneve, 1964.
- Boyd R.* Metaphor and theory change. Metaphor and thought. Cambridge, 1979.
- Bogomolov, A.S.* Antichnaya filosofiya [Ancient philosophy]. Moscow, 1985 (In Russian).
- De Sossyur F.* Kurs obshchei lingvistiki [Course of general linguistics]. Moscow, 1977 (In Russian).
- El'mselev L.* Yazyk i rech' [Language and speech]. In Zvegintsev V.A. Istoriya yazykoznaniya XIX–XX vv. v ocherkakh i izvlecheniyakh [History of linguistics in XIX–XX s. in essays and abstracts]. Part 2. Moscow, 1965 (In Russian).

- Gegel' G.* Entsiklopediya filosofskikh nauk [Encyclopedia of philosophical sciences]. Vol. 3. Moscow, 1977 (In Russian).
- Gorskii D.P.* Voprosy abstraktsii i obrazovaniya ponyatii [Questions of abstraction and formation of concepts]. Moscow, 1961 (In Russian).
- Heger K.* Analyse semantique du signe linguistique. Remarques semiotiques. Langue française. Dec. 1969. No. 4, pp. 44–46.
- Ivanov D.V.* Virtualizatsiya obshchestva [Virtualization of society]. Saint-Petersburg, 2002 (In Russian).
- Kassirer E.* Sila metafory [Power of metaphor]. Teoriya metafory. Moscow, 1990 (In Russian).
- Komlev N.G.* Komponenty soderzhatel'noi struktury slova [Components of contextual structure of word]. Moscow, 1969 (In Russian).
- Kuznetsova A.I.* Ponyatie semanticheskoi sistemy yazyka i metody ee issledovaniya [Notion of semantic system of language and methods of its research]. Moscow, 1963 (In Russian).
- Lakoff Dzh., Dzhonson M.* Metafory, kotorymi my zhivem [Metaphor that we live]. Teoriya metafory. Moscow, 1990 (In Russian).
- Lakoff C., Johnson, M.* Metaphors we live by. Chicago, 1980.
- Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar' [Linguistic encyclopedic dictionary] Gl. red. V.N. Yartseva. Moscow, 1990 (In Russian).
- L'yuis K.I.* Vidy znacheniya [Types of meanings]. Semiotika. Moscow, 1983 (In Russian)
- Menovshchikov G.A.* Yazyk eskimosov Beringova proliva [Eskimo language of the Bering Strait]. Leningrad, 1980 (In Russian).
- Obshchaya ritorika [General rhetoric]. Pod red. A.K. Avelicheva. Moscow: Progress, 1986 (In Russian).
- Ortega-i-Gasset X.* Dve velikie metafory [Two great metaphors]. Teoriya metafory. Moscow, 1990 (In Russian).
- Sauvageot, A.A.* Mots concrets et mots abstraits. Portrait du vocabulaire fransais. Paris, 1974, pp. 123–132.
- Sokolov V.V.* Srednevekovaya filosofiya [Medieval philosophy]. Moscow, 1979 (In Russian).
- Springer S., Deich G.* Levyi mozg, pravyy mozg [Left brain, right brain]. Moscow, 1983 (In Russian).
- Tokarev S.A.* Mifologiya. Mify narodov mira. Vol. 1. [Mythology. Myths of world nations]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1991 (In Russian).
- Toporov V.N.* O strukture nekotorykh arkhaischikh tekstov, sootnosimykh s kontseptsiei mirovogo dereva [About the structure of some archaic texts, related with concept of world tree]. Trudy po znakovym sistemam. Ussue V. Tartu: Izd-vo Tartuskogo un-ta, 1971, pp. 9–62 (In Russian).
- Richards, I.A., Ogden C.K.* The Meaning of Meaning. London, Harvest/HBJ, 1989.
- Uspenskii V.A.* O veshchnykh konnotatsiyakh abstraktnykh sushchestvitel'nykh [About material connotations of abstract nouns]. *Semiotika i informatika. Ussue 11.* Moscow, 1979 (In Russian).
- Vinogradov V.V.* Izbrannye trudy [Selectas]. Leksikologiya i leksikografiya. Moscow, 1977 (In Russian).

ЛИНГВОДИДАКТИКА И ДИДАКТИКА ПЕРЕВОДА

Е.Г. Торсуков,

кандидат филологических наук, доцент Высшей школы перевода
МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: mitina.v2014@yandex.ru

А.А. Авуза,

кандидат педагогических наук, докторант Военного университета; e-mail:
avuza@yandex.ru

ФОРМЫ СУГГЕСТИИ КАК СРЕДСТВО ОПТИМИЗАЦИИ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА

В основу обучения и воспитания студентов положены достижения педагогической науки и новых информационных технологий. Основная цель учебного процесса заключается в том, чтобы, используя передовые методики обучения отечественных и зарубежных филологических и лингвистических школ, дать студентам максимум знаний теории перевода, привить устойчивые умения и навыки письменного, устного и синхронного переводов, необходимых в профессиональной деятельности специалиста.

Главным направлением обучения в ходе достижения данной цели является использование психолингвистических способностей студентов, которые должны действовать в созданных языковых ситуациях, приближённых к объективной реальности. Для этого применяются новейшие дидактические материалы и совершенные медийные средства обучения. В качестве медийных средств обучения используются ситуационные классы, в которых оборудование позволяет создать языковые ситуации, где обучаемый смог бы самостоятельно использовать накопленные знания и умения для достижения цели, поставленной преподавателем.

В статье рассматривается системно-ситуативное обучение с использованием суггестии, как одного из методов повышения эффективности обучения.

Ключевые слова: педагогическая психология, системно-ситуативное обучение, внушение, суггестопедия, суггестология, речевое воздействие, тестирования, психокоррекция, игры-релаксации.

Под системно-ситуативным обучением следует понимать создание языковых ситуаций в сложившейся системе обучения в соответствии с программой и тематическим планом изучаемой дисциплины. Речь идёт об интенсификации учебного процесса с максимальным напряжением возможностей обучающихся. Применение суггестии требует высокого профессионализма профессорско-преподавательского состава и инженерно-технического персонала. Системно-ситуативное обучение с использованием суггестии позволяет применять компьютерную технику, интерактивные ЖК-экраны с предложенными заданиями для организации медийного диалога в рамках данного урока. Соединение персональных компьютеров в ситуа-

ционном классе со спутниковым телевидением и системой Интернет позволяет обучаемым присоединиться к трансграничным информационным сетям. С помощью этого преподаватель и студент получают полную и достоверную информацию любого вида и назначения на иностранном языке любого государства. Это важно, как при изучении страноведения, так и для развития навыков перевода по практическому курсу и практикуму речевой культуры. Такое обучение позволяет создать широкую информационную базу по различным темам изучаемых дисциплин, обеспечивает фактическое удовлетворение любых потребностей преподавателя в информационных продуктах. В системно-ситуационном обучении с использованием суггестии важную роль играет педагогическая психология, рассматривающая психологические вопросы управления процессом обучения, формирования познавательных процессов (прежде всего теоретического мышления). В современных условиях учёные всё большее внимание в педагогической психологии уделяют суггестопедии и суггестологии (Г.К. Лозанов), методу активизации резервных возможностей личности (Г.А. Китайгородская), группового сплочения, групповой динамике в процессе такого обучения (А.В. Петровский, Л.А. Карпенко).

Под суггестивным воздействием понимают внушение. Просто слово «суггестия» (от латинского «suggestion» – намёк, совет, предложение) используют в научных работах практические психологи, а внушение более общеизвестный эквивалент.

В настоящее время у педагогов появилась возможность проникать в подсознание человека с помощью специальных технических разработок. Возможности, которые могут открыться перед психологами в случае внедрения и практического использования современных психотехнологий, могут оказаться на порядок выше ныне существующих. Цель данной работы – проанализировать возможности и направления использования различных форм суггестии в процессе обучения.

В 1908 г. вышла первая в России книга о внушении. Её написал замечательный русский учёный В.М. Бехтерев. Он понимал внушение как «искусственное прививание путём слова или другим каким-либо способом различных психических явлений, например, настроения, внешнего впечатления, идеи или действия другому лицу при отвлечении его волевого внимания и сосредоточения». Бехтерев писал: «внушение есть один из способов воздействия одних людей на других, которое производится намеренно и ненамеренно со стороны воздействующего лица и которое может происходить или незаметно для внушаемого лица или даже с его ведома».

В отличие от убеждения, где требуется критическое осмысление предъявленных аргументов, внушение означает некритическое восприятие и усвоение информации, что особенно важно при воздействии на обучаемых. При внушении сначала происходит восприятие информации, содержащей готовые выводы, а затем на её основе формируются мотивы и установки определённого поведения. В процессе внушения интеллектуальная (аналитико-синтезирующая) активность сознания либо отсутствует, либо она ослаблена, а восприятие информации, настроений, чувств, шаблонов поведения базируется на механизмах заражения и подражания [Андреев, 2005].

Некритичному восприятию информации способствует прежде всего рост её объема и дефицит времени для осмысления полученной информации. Это приводит к возникновению «клипового» сознания – то есть восприятие готовых оценок того или иного явления действительности, внедряемых в индивидуальное и общественное сознание. Такая тенденция в большей степени наблюдается у молодого поколения, у которого отсутствует готовность проверить увиденное, услышанное, прочитанное.

Применение суггестии в педагогической практике появилось впервые в Болгарии в 1966 г. Началом развития послужила разработанная Г. Лозановым суггестопедическая система в области интенсификации обучения иностранным языкам.

Технология суггестивного обучения Лозанова строится на следующих пяти принципах:

- 1) никакой зубрёжки;
- 2) учебный процесс без утомления;
- 3) в основе обучения лежит интерес, мотивация;
- 4) обучать укрупнёнными единицами (блоками);
- 5) возможно комплексно решать задачу.

Эксперименты Лозанова показали, что каждый способен запомнить в десятки, чуть ли не в сотни раз больше: за один час почти столько, сколько обычно за год. Известно, например, что средний ученик на уроке иностранного языка запоминает примерно 10 незнакомых ему слов. Да и они довольно быстро забываются, и за год в активе остаётся лишь сотня-полторы новых слов. У Лозанова за один урок ученик может выучить до 200 слов. Лозановская технология обучения основывается на использовании двух закономерностей человеческой памяти. Первая: запоминается всё, что попадает в человеческое сознание: люди, слова, события, но в активном состоянии остаётся только то, что важно человеку, интересно или нужно, что его волнует и связано с какими-то переживаниями; вторая закономерность связана со своеобразным механизмом, напоминаю-

щим ворота: интересно – ворота приоткрыты, очень интересно – ворота широко распахнуты, неинтересно – закрыты.

Сила лозановского обучения в том, что за 10 суток можно добиться колоссальных результатов, но слабость в том, что знания, быстро приходящие, быстро и улечиваются, если не находят постоянного применения. Это подтвердилось как в Болгарии, так и в России. Американцы тоже взяли принципы лозановской технологии на вооружение, апробируя их как на обучении естественным дисциплинам, так и иностранным языкам. Польза в изучении иностранных языков на основе лозановской технологии обучения: преодолен страх общения, который в основном присущ всем, изучающим иностранный язык обычными способами. Система Лозанова использует возбуждение 1-й сигнальной системы, эмоциональный фактор на фоне общей релаксации обучаемого. Эта система требует значительных усилий со стороны преподавателя, максимальной мобилизации его интеллектуальных и эмоциональных ресурсов и определённых актёрских способностей обучающего. Кроме того, необходимы специально оборудованные учебные помещения (мягкие кресла, поставленные кругом, уютная обстановка, музыка и т.п.). Всё это, видимо, не позволило широко внедриться лозановской технологии в учебные заведения. Однако интенсивные курсы обучения иностранным языкам проводятся на основе лозановской технологии¹.

Разрабатываемые методы интенсивного обучения базируются на взаимодействии осознаваемых и неосознаваемых компонентов психики в процессе усвоения и переработки информации.

Суггестология – одно из научных направлений, теоретические и экспериментальные положения которой формируют суггестивную часть суггестивной педагогики. С каждым годом увеличивается накопленный практический и теоретический объём знаний и исследований в этой области. Основы суггестопедии также заложены в трудах В.Н. Мясичева, Д.Н. Узнадзе и Б.Д. Парыгина. Эффективность и практическая значимость суггестивной технологии с успехом используется за рубежом: в Германии, Канаде, Италии, США и СНГ.

Для исследователей принципиально важным остаётся тот аспект проблемы, который касается рассмотрения суггестии как специального, произвольного воздействия. Именно в этом качестве суггестия впервые себя обнаруживает для научного понимания, когда речь идёт о сознательном использовании внушающего воздействия в обучении [Юрова, 2007].

---

¹ https://studwood.ru/1065295/pedagogika/suggestivnoe_obuchenie

По мнению автора, формы суггестии, как совокупность приёмов и средств в обучении могут быть различными. Они включают: речевое воздействие; акустическое воздействие путём неосознанного внушения при прослушивании музыки, песен, радиотрансляций, фонограмм и т.п.; аудиовизуальное воздействие путём неосознанного внушения при работе обучаемого на компьютере при просмотре телепередач; психотехнические игры.

Наиболее распространённой и значительной формой суггестии является речевое воздействие, которое осуществляется практически в ходе всех занятий.

Б.Ф. Поршнев прямо называет исходным свойством человеческой речи, выполняемую словом суггестию. Исследования И.Ю. Черепановой, Е.В. Кузнецовой, Н. Петрова показывают, что человеческая речь обладает суггестивным воздействием, которое определяется как формой речи в целом, так и отдельными её элементами.

Внушаемость усиливают также такие ситуативные факторы, как телесное расслабление, сонливость, утомление (общее, органов чувств, мышления), сильная боль, сильное эмоциональное возбуждение, озабоченность, ощущение безысходности положения, скука, симпатия к субъекту, слабая воля, низкая критичность мышления, слабые монотонные раздражители, некомпетентность в обсуждаемом вопросе или выполняемом виде деятельности, малая степень значимости для людей, отсутствие опыта действий в сложной или незнакомой обстановке, дефицит времени для принятия решения, неожиданность внушения и др.

По мнению профессора, доктора филологических наук О.С. Иссерс «речевое воздействие предполагает, что его субъект регулирует деятельность другого человека, в определённой мере свободного в выборе своих действий и поступающего в соответствии со своими потребностями» [Иссерс, 2013: 23]. В контексте нашей статьи это следует понимать, как воздействие педагога на студента с помощью лингвистических, паралингвистических и символических средств в процессе речевого общения, с целью изменения личностного восприятия учебного материала, перестройку категориальных структур, его сознания, изменения поведения и психического состояния. Достижение этой цели предполагает решение преподавателем ряда задач: преодоление защитного барьера студента (негативного отношения к материалу, личности преподавателя), «навязывание» ему тех или иных образов мыслей (способствующих положительному восприятию материала, личности преподавателя), эмоций и установок (эмоционально-установочное внушение). Речевое воздействие может изменить смысловые структуры оценок и поведенческие модели студента.

В.В. Петрусинский говорит о том, что «управлять состоянием можно с помощью суггестивных речевых сигналов» даже на расстоянии при дистанционном обучении.

Внушение достигается языковыми средствами – словами, и невербальными – интонацией, мимикой, жестами, действиями, внешней обстановкой.

Можно выделить три уровня суггестивного воздействия в речи: 1) содержательно-композиционный, 2) коммуникативно-стратегический и 3) уровень лингвистических средств.

Содержательно-композиционный:

Включение в речь «реалий» повседневной жизни, которые позволяют преподавателю сформировать у студента требуемое эмоциональное состояние и привести к мысли о необходимости совершить то или иное действие.

Коммуникативно-стратегический:

Тактика, целью которой является подстройка к состоянию студента: преподаватель фиксирует эмоциональное состояние обучаемого и использует коммуникативную тактику эмоционального присоединения (номинализация; пассивизация).

Грамматический:

Использование грамматических форм с целью вызова отрицательных (положительных) эмоций у студентов (суффиксов, преуменьшающих или преувеличивающих те или иные качества создаваемого образа; использование имён собственных в качестве нарицательных; использование междометий для усиления эмоциональности и т.п.).

Акустическое воздействие путём неосознанного внушения при прослушивании музыки, песен, фонограмм предполагает камуфлирование речевого сообщения. Например, введение новой лексики в ходе занятий по страноведению с помощью песен (рождественские, пасхальные и другие песни по теме «Нравы и обычаи страны изучаемого языка»). Под специальную расслабляющую музыку преподаватель произносит текст, одновременно и успокаивающий, и активизирующий. То есть, суггестивное воздействие может быть одновременно тормозным и тонизирующим. Это позволяет на неосознаваемом уровне вводить информацию в подсознание студента, модифицируя при том память и, как следствие, увеличивать объём лексики. Причем суггестивное воздействие может оказываться на студента в процессе восприятия любой акустической информации.

Аудиовизуальное воздействие путём неосознанного внушения при работе обучаемого на компьютере, при просмотре телепередач. Посредством телесигнала телевидение кодирует психику индивида. Основано такое кодирование на законах психики, согласно которым любая информация сначала поступает в подсознание, и уже

оттуда оказывает воздействие на сознание. Таким образом, посредством телетрансляции становится возможным моделировать поведение индивида и масс.

В АНБ США на современном этапе разработана технология суггестивного воздействия под наименованием: «Применение под-сознательного внедрения постгипнотического внушения с использованием акустического ввода и фонетического ускорения постгипнотических команд без сомнамбулической подготовки для целей разведки и контрразведки». Кратко эта программа называется: «компьютерное моделирование языка подсознательной речи».

Затем был разработан алгоритм, программно реализуемый на базе персонального компьютера и позволяющий получать и выводить неосознаваемую акустическую информацию. Суггестивные тексты вызывают заметные изменения в поведении уже через 15–20 минут после начала воздействия.

Эти программы лежат в основе не только компьютерных игр, но и специальных обучающих видеороликах.

Психотехнические игры полезны во многих случаях как игровая форма обучения. Основными типами психотехнических игр, цель которых снять психическую напряжённость, развитие внутренние психические силы конкретного человека являются: игры – релаксации (шутки, юмор на иностранном языке), адаптационные игры (ситуационная, ролевая или деловая игры), игры-формулы.

Для использования предлагаемых форм суггестии необходимо хорошо понимать механизм внушения. В целом, по определениям разных авторов, занимавшихся проблемой изучения механизмов внушения, можно выделить следующие основные характеристики процесса внушения:

- воздействие со стороны суггеренда происходит при сниженной критичности его сознания;
- внушение со стороны суггестора рассматривается преимущественно как сознательное, хотя и не исключаются такие явления, как интуитивное внушение, взаимовнушение;
- внушение может осуществляться как с помощью вербальных, так и с помощью невербальных средств;
- внушение создаёт внутреннюю установку личности, которая потом реализуется в его деятельности.

По мнению отечественных авторов, эффективность суггестопедического метода заключается в следующих его особенностях:

- усвоение большого количества информационных единиц;
- выработка таких способностей учащихся, как:
  - умение активно использовать информационных «запас» в профессиональном общении,

- умение гибко варьировать своё общение,
- умение переносить усвоенные информационные единицы в другие ситуации;

- создание мощной мотивации обучения.

Д.А. Зарайским была предложена следующая формула внушения:

воображение	подражание	установка	
	эмоция	→	внушение
доверие	заражение	конформность	

Согласно данной формуле, внушение образуется на основе доверия путём стимуляции воображения и эмоций, развитых с помощью механизмов заражения и подражания, с использованием сложившихся установок суггерента и, частично, конформности.

Для М.Л. Линецкого, как и для целого ряда исследователей, главным условием в принятии внушения выступает все-таки установка:

воображение	установка	внушение
	→	
	конформность	

Установка играет одну из ключевых ролей во внушении. Это хорошо демонстрирует схема внушения, предложенная И.Е. Шварцем:

$$B \rightarrow P1 \rightarrow P2 \rightarrow Y \rightarrow O \rightarrow IP \rightarrow D,$$

где B – внушение; P1 – первичная потребность, например, потребность в питье; P2 – новая потребность, усиленная внушением, например, жажда; Y – установка; O – прошлый опыт; IP – импульсивное действие; D – действие, реализующее установку, – глоток воды.

Использование форм и механизма суггестии предполагают определённые требования к преподавателю и студентам, а также создание определённых условий.

М.Г. Каспарова отмечает, что: «Преподаватель, работающий в интенсиве, должен быть хорошим суггестором: уметь быть авторитетным и обаятельным, эмоциональным и выразительным, обладать волевым, интеллектуальным и характерологическим превосходством над учениками, быть непосредственным и свободным в действиях, спокойным внешне и внутренне». Н.Б. Мухорина, исследуя проблему формирования суггестивных умений у будущих педагогов, подчёркивает, что «одним из условий, определяющих процесс формирова-

ния суггестивных умений, будет развитие определённых личностных качеств, таких как воля и уверенность в себе, а также совершенствование педагогической техники, в частности, техники речи». Развитые волевые качества создают ситуацию психологического превосходства над суггерендом.

Для преподавателя это означает:

- высокий авторитет: широкая известность, впечатляющие успехи в обучении, выдающиеся личные качества, сила убеждения и др.;
- инфантилизация — установление естественной обстановки доверия, когда обучаемый как бы веряет себя преподавателю;
- двуплановость при введении нового материала: каждое слово, несущее самостоятельную смысловую нагрузку, сопровождается соответствующей интонацией, жестом, мимикой и т.д.

Наряду с требованиями, предъявляемых преподавателю, для обучаемого необходимо:

- формирование веры в осуществимость задач обучения;
- постоянное положительное эмоциональное подкрепление за счёт эстетических и комфортных условий; внушения мысли об огромных возможностях интеллекта обучаемых, демонстрации быстрого продвижения вперёд в изучении дисциплины и др.;
- «погружение» в учебную дисциплину, концентрированное изучение материала: каждый день только одна учебная дисциплина по 4–6 часов в течение 2–3 месяцев и др.

Суггестивные умения предполагают навыки саморегуляции, уверенность в себе, способность к прогнозированию поведения суггеренда, в том числе и его контрсуггестии, готовность к взаимодействию.

Следовательно, задачи преподавателя и воспитателя лежат, в первую очередь, в области роста личности учащегося, его самостоятельности, а значит и суггестивные приёмы, с необходимостью используемые в обучении, должны в принципе стать поэтапно раскрываемыми для суггеренда и этически ограниченными.

В целом, учитывая опыт, наработанный суггестопедагогами, можно выделить следующие функции конструктивного внушения:

- 1) улучшения: а) физического состояния, б) психологического состояния, в) группового взаимодействия;
- 2) увеличения: а) скорости запоминания, б) объёма усваиваемого материала;
- 3) мобилизации скрытых резервов: а) организма, б) психики;
- 4) создания дополнительной мотивации.

В ходе суггестии широко применяется метод релаксопедии. Релаксопедическое обучение выгодно отличается доступностью и простотой. Его особенности:

- Релаксопедическое обучение даёт возможность точно ориентироваться на различные возрастные аудитории обучаемых, в том числе и школьников.

- Ускоренное обучение определяет организацию и методику занятий, которая требует отказа от традиционной системы обучения.

- Организация релаксопедического обучения не требует специального оборудования, занятия могут проходить в любых условиях школы или вуза. Это открывает возможности для его массового внедрения.

- В основе релаксопедического обучения лежит психическая саморегуляция, которая имеет большое профилактическое значение. Управление психическим состоянием происходит вначале через регуляцию психического состояния обучаемого с помощью и под руководством преподавателя, а по мере овладения аутотренингом переходит в саморегуляцию.

- Основным условием эффективности в ряде методов ускоренного обучения является специальная подготовка преподавателя, который должен обладать определёнными психическими качествами. Данный метод даёт возможность любому преподавателю овладеть приёмами психосаморегуляции.

Структура релаксопедического тренинга релаксации предполагает три этапа:

- Создание необходимого психологического настроя и ознакомление с теоретическим материалом (кратко) от 3 до 5 мин.

- а) «Ввод» или «погружение» в релаксацию. Для этого необходимо удобно сесть, принять позу «кучера на дрожжах», расслабиться, ни о чём постороннем не думать, сосредоточить своё внимание на словах преподавателя (звучит тихая, спокойная музыка, глаза закрыты). Вводятся формулы внушения «вы совершенно спокойны, вам хорошо и приятно... никаких волнений и неприятных мыслей нет»; б) Подаётся необходимая психотерапевтическая информация, в обучении – лексический материал (от 8 до 15 мин.).

- Заключительная стадия релаксопедического тренинга – вывод из релаксации. Важное значение приобретают формулы внушения (суггестии), направленные на формирование уверенности в своих силах, закреплении материала в памяти и активизации психических процессов (от 3 до 5 мин.) [Тарасова].

Групповая внушаемость обеспечивается взаимовнушением («заражением») между членами группы. Под психологическим «заражением» понимают процесс передачи эмоционального состояния одного индивида к другому на психофизиологическом уровне контакта, помимо смыслового воздействия или дополнительно к нему. В процессе заражения на каждого члена группы действует

не только внушающий субъект, но и другие члены группы, что значительно увеличивает общий эффект внушения.

Психологическое воздействие в коммуникации имеет свои закономерности:

1) если оно направлено на потребностно-мотивационную сферу людей, то его результаты сказываются на силе побуждений, влечений и желаний;

2) когда акцент в воздействии делается на эмоциональную сферу психики, это отражается на внутренних переживаниях, а также на формировании отношения к происходящему;

3) сочетание приёмов убеждения и внушения позволяет влиять на волевою активность людей и управлять их поведением;

4) влияние на коммуникативно-поведенческую сферу, взаимоотношения и общение (производные приёмы воздействия) позволяет создавать социально-психологический комфорт или дискомфорт, побуждает аудиторию принимать информацию или вступать в противоречие с прочитанным;

5) в результате психологического воздействия на интеллектуально-познавательную сферу человека изменяются его представления, черты характера, особенности восприятия поступающей информации и, в итоге, его картина мира.

Эффективность суггестии возрастает, если преподаватель хорошо знает аудиторию. Познанию обучаемых способствует тестирование. Тестирование личности студента заключается в поиске скрытых очагов страха в объёме изучаемой дисциплины (предмета). Основная цель тестирования, это поиск очага страха (сложность воспринимаемого материала, отчётность о знаниях пройденного материала и т.п.). Следующим этапом в организации суггестивного воздействия является побуждение поделиться с преподавателем сложностями и переживаниями по поводу освоения материала. Затем ведётся работа педагога и студента по переоценке значимости материала, скрытого в очаге страха. На этом этапе большое значение имеет внимательное отношение педагога к студенту и изменение его системы установок к изучаемому материалу. Заключительная стадия предполагает эмоциональную окраску установки (положительная, спокойная) и ликвидация очага страха («перекидывание» ярлыков — «неприятное, непонятное, незнакомое» в «простое, понятное, доступное»). Этот подход работы со студентом основан на методе М. Балинта, помогающего анализировать отношения, складывающиеся в диалоге «специалист — клиент» [Осипова, 2000: 269].

Группы тестов могут включать:

1. Тесты способности (интеллектуальная функция, знания, способности и т.д.).

2. Тесты умений и навыков (зрительно-моторная координация, прохождение лабиринта).
3. Тесты на восприятие.
4. Опросники (анкетный вопрос о поведении, состоянии здоровья и т.д.).
5. Мнения (выявления отношения к другим людям, нормам и т.д.).
6. Эстетические тесты (выявление предпочтений картин, рисунков и т.д.).
7. Ситуационные тесты (изучение выполнения задания в различных ситуациях – индивидуально, в группе, в соревновании и т.д.).
8. Методика диагностики социально-психологических установок в мотивационно-потребностной сфере.
9. Методика В. Стефансана. Диагностика основных тенденций поведения в реальной группе и представлений о себе.
10. Методика определения типа характера по К. Юнгу (см. прил. к статье) [Райгородский, 2015].

Суггестия, по мнению автора, полезна во всех случаях, когда нет необходимости логически объяснять передаваемую информацию и условия, создающие комфортную обстановку процесса обучения, способствуют его успешности. Она полезна во многих случаях в игровой форме обучения. Суггестивный способ обучения эффективен, когда преподаватель полностью управляет процессом усвоения информации и в определённой степени лишает ученика личностных качеств.

Е.Ю. Кривошеина считает, что при традиционном обучении превышение нагрузки сверх защитных барьеров вызывает стресс, а новая технология позволяет его избежать: «Преодоление этих барьеров без стресса возможно, если учебная информация предъявляется в необычной форме: на высоком уровне эмоций, в развлекательной игровой форме, с использованием неосознаваемых видов психической деятельности и с использованием акмеологических методик управления состоянием».

По мнению автора, суггестия может быть эффективным средством обучения языку в сочетании с естественными формами в усвоении нового материала. Важно, чтобы педагог, объясняя урок, использовал при этом мягкое внушение, которому предшествуют определённые условия:

- создание языковой ситуации, приближенной к реальной действительности;
- высокий профессионализм и авторитет преподавателя;
- доброжелательная атмосфера в группе;

- включение в процесс обучения дополнительных резервов организма (эмоциональных состояний возбуждения обострения восприятия, активизацию работы органов чувств: зрения, слуха).

Список литературы

- Авуза А.А., Алёхин И.А.* Рационализаторское предложение «Обучающий Web-класс» // Удостоверение на рационализаторское предложение № 1118. Военный университет МО РФ, 2017.
- Андреев В.А.* Современные суггестивные методы психологического воздействия и их возможное использование в психологических операциях. ГШ МО РФ, 2005. С. 35.
- Бурлачук Л.Ф.* Психодиагностика. – URL: <http://www.insai.ru/slovar/trans> (дата обращения: 25.02.2017).
- Иссерс О.С.* Речевое воздействие: учебное пособие. М.: Флинта: Наука. 2013. С. 23.
- Кривошеина Е.Ю.* Технология интенсификации процесса обучения. – URL: <http://www.intensiv.narod.ru>obzor.doc> (дата обращения: 24.02.2017).
- Лозанов Г.К.* Суггестопедия при обучении иностранным языкам // Методы интенсивного обучения иностранным языкам. М., 1973. Вып. 1. С. 9–17.
- Осипова А.А.* Введение в теорию психокоррекции. Москва; Воронеж, 2000. С. 269.
- Петрусинский В.В.* Интенсивное дистанционное обучение (акмеологический подход к совершенствованию системы электронного обучения). – URL: <http://www.intensive.ucoz.ru/art1.htm> (дата обращения: 25.02.2017).
- Райгородский Д.Я.* Практическая психодиагностика. Методика и тесты. Учебное пособие. Самара: Издательский дом «Бахрах-М», 2015.
- Тарасова Л.В.* НГПИ. Суггестивная технология.

Yevgeny G. Torsukov,

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: mitina.v2014@yandex.ru

Alexey A. Avuza,

Cand. Sc. (Pedagogy), Doctoral candidate at the Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation; e-mail: avuza@yandex.ru

FORMS OF SUGGESTION AS A MEANS OF OPTIMIZING THE LEARNING PROCESS

The teaching and educating of students are founded on the achievements of pedagogical sciences and new information technologies. The main goal of the educational process is to use the advanced methods of teaching generated by Russian and foreign philological and linguistic schools to provide students with the maximum level of knowledge of various translation theories so that they can develop sustainable abilities and obtain necessary professional skills in the field of translation and interpretation.

The main direction of such education is the use of psycholinguistic abilities of all students who must act in language situations that are close to objective reality; therefore, the latest didactic materials and media training facilities are utilized. Situational classrooms are used as media training facilities in which the equipment makes it possible to create various language situations where the students could use the accumulated knowledge and skills to achieve the goal set by their teacher.

The article focuses on the system-situational teaching with the use of suggestion as one of the methods aimed at increasing teaching efficiency.

Key words: pedagogical psychology, system-situational teaching, suggestion, suggestopedia, suggestology, linguistic manipulation, testing, psychocorrection, relaxation games.

References

- Avuza A.A., Alekhin I.A.* Racionalizatorskoe predlozhenie “Obuchayushhij Web-klass” [Rationalization proposal “Training Web class”]. Udostoverenie na racionalizatorskoe predlozhenie No. 1118. Voenny’j universitet MO RF. 2017 (In Russian).
- Andreev V.A.* Sovremenny’e suggestivny’e metody` psixologicheskogo vozdejstviya i ix vozmozhnoe ispol’zovanie v psixologicheskix operaciyax [Modern suggestive methods of psychological influence and their possible use in psychological operations]. GSH MO RF, 2005, pp. 35 (In Russian).
- Burlachuk L.F.* Psihodiagnostika [Psychodiagnosics]. Available at: <http://www.insai.ru/slovar/trans> (February 25.2017) (In Russian).
- Issers O.S.* Rechevoe vozdejstvie: uchebnoe posobie [Vocal effect: tutorial]. Moscow: Flinta: Nauka. 2013, pp. 23 (In Russian).
- Krivosheina E.Ju.* Texnologiya intensivifikacii processa obucheniya [Technology of intensification of the learning process]. Available at: <http://www.intensiv.narod.ru>obzor.doc> (February 24.2017) (In Russian).
- Lozanov G.K.* Suggestopediya pri obuchenii inostranny`m yazy`kam [Suggestopedia in teaching foreign languages]. Metody` intensivnogo obucheniya inostranny`m yazy`kam. Moscow, 1973. Ussue 1, pp. 9–17 (In Russian).
- Osipova A.A.* Vvedenie v teoriyu psixokorrekcii [Introduction to the theory of psychocorrection]. Moscow – Voronezh, 2000, pp. 269 (In Russian).
- Petrusinskij V.V.* Intensivnoe distancionnoe obuchenie (akmeologicheskij podxod k sovershenstvovaniyu sistemy` e`lektronnogo obucheniya) [Intensive distance learning (acmeological approach to e-learning system improvement)]. Available at: <http://www.intensive.ucoz.ru/art1.htm> (February 25.2017) (In Russian).
- Rajgorodskij D.Ja.* Prakticheskaya psixodiagnostika [Practical psychodiagnosis]. Metodika i testy. Uchebnoe posobie. Samara: Izdatel’skij dom “Bahrah-M”, 2015 (In Russian).
- Tarasova L.V.* NGPI. Suggestivnaja tehnologija [NSTTI. Suggestive technology]. (In Russian).

Информация для авторов журнала

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода» выходит один раз в три месяца.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Требования к формату текста статьи:

- объём рукописи 10–15 стр.;
- поля 2,54 × 3,17 см;
- полуторный междустрочный интервал;
- шрифт Times New Roman (12 кегель);
- текст в программе Word.

Требования к статье:

— необходимо предоставить 2 рецензии: от доктора наук и кандидата наук или от двух докторов наук;

— текст отправляется по электронной почте на адрес: vestnik22@mail.ru;

— *данные об авторе* (на русском и английском языках) — фамилия, имя, отчество (полностью), учёная степень, учёное звание, должность, полное название научного или учебного учреждения и его структурного подразделения, контактный телефон и адрес электронной почты автора;

— необходима *аннотация* (5–10 предложений) на русском и английском языках;

— наличие списка *ключевых слов* после аннотации на русском и английском языках;

— *таблицы, схемы, иной иллюстративный материал* необходимо дополнительно представить в формате PDF или JPG;

— *примечания* в виде постраничных сносок. *Библиографические ссылки*: в тексте в квадратных скобках указывается фамилия автора(ов), год издания и страница. Например: [Иванов, 1998: 125]. При повторном цитировании: [там же: 128] для русскоязычных источников или [ibid.: 123] для иноязычных источников;

— *список литературы* (TNR 11, слова «Список литературы» — TNR 11, полужирный курсив) сразу после статьи: без нумерации, в алфавитном порядке по фамилиям авторов (сначала российские авторы и переводные издания, затем зарубежные авторы). Библиографическое описание даётся в следующем порядке: фамилии и инициалы авторов, полное название монографии, место издания, издательство, год издания, страницы; для периодических изданий — фамилии и инициалы авторов, название статьи, название журнала, год выпуска, том, номер, страницы. Все русскоязычные публикации в списке литературы должны иметь транслитерацию (рекомендуем пользоваться ресурсом <http://www.translit.ru>) и перевод их названий на английский язык. Необходимо выполнить следующие действия: после каждой русскоязычной ссылки строкой ниже набрать фамилии и инициалы авторов на латинице, транслитерацию названия публикации, в квадратных скобках перевод названия на английский язык, транслитерацию выходных данных, в скобках (In Russian). Ссылки на иностранных языках остаются только в оригинальном варианте.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведённых фактов, цитат, экономико-статистических данных, имён собственных, географических названий и иных сведений.

Материалы присылать по адресу электронной почты:
vestnik22@mail.ru. Тел.: 8 (495) 932 80 72.

Плата с аспирантов не взимается. Рукописи не возвращаются. Во всех случаях полиграфического брака просьба обращаться в типографию.

При принятии решения о публикации редакционная коллегия руководствуется исключительно научной значимостью рассматриваемой работы и её соответствием научному направлению журнала. Рукописи, полученные для рецензирования, рассматриваются как конфиденциальный материал, не подлежащий использованию в личных целях или передаче третьим лицам.

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Гарбовский Николай Константинович, главный редактор, член-корреспондент Российской академии образования, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Костикова Ольга Игоревна, зам. главного редактора, кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Мозговая Людмила Авраамовна, ответственный секретарь, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Авайс Анри, доктор филологии, профессор, факультет языков, Бейрутский университет Св. Иосифа (Ливан); **Алексеева Ирина Сергеевна**, кандидат филологических наук, Санкт-Петербургская высшая школа перевода, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена (Россия); **Бальо Кристиан**, доктор филологии, профессор, факультет филологии, перевода и коммуникации Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Бельский Евгений Викторович**, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Вьещи Маурицио**, доцент, факультет исследований в области права, языков и перевода, Триестский университет (Италия); **Горшкова Вера Евгеньевна**, доктор филологических наук, профессор, Евразийский лингвистический институт МГЛУ ЕАЛИ (Россия); **Есакова Мария Николаевна**, кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Исолахти Нина Борисовна**, доктор наук, профессор, Тамперский университет (Финляндия); **Керо Хервилья Энрико Ф.**, доктор филологии, профессор, отделение греческой и славянской филологии, Гранадский университет (Испания); **Кольцова Юлия Николаевна**, кандидат культурологии, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Ли-Янке Ханнелоре**, доктор наук, профессор, Женевский университет (Швейцария); **Манерко Лариса Александровна**, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Марусенко Михаил Николаевич**, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия); **Миронова Надежда Николаевна**, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Мишкуров Эдуард Николаевич**, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Матасов Роман Александрович**, кандидат филологических наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Пан КёЁн**, доктор наук, профессор, Высшая школа перевода, Хангукский университет иностранных языков (Южная Корея); **Торсуков Евгений Георгиевич**, кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Форстнер Мартин**, доктор наук, профессор, Университет Майнца (Германия); **Харацидис Элефтериос Константинович**, доктор исторических наук, профессор, факультет гуманитарных наук, Университет имени Демокрита (Греция); **Хольцер Питер**, доктор филологии, профессор,

Институт транслатологии, Инсбрукский университет (Австрия); **Хухуни Георгий Теймуразович**, доктор филологических наук, профессор, Московский государственный областной университет (Россия); **Шмитт Питер Аксель**, доктор филологии, профессор, Институт прикладной лингвистики и транслатологии, Лейпцигский университет (Германия).

EDITORIAL BOARD

Garbovsky, Nikolai K., Editor-in-Chief, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Kostikova, Olga I., Deputy Editor-in-Chief, Associate Professor, Cand. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Mozgovaya, Ludmila A., Executive Secretary, Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Awais, Henri, Professor, Dr. Sc., Faculty of Languages, Saint Joseph University (Lebanon); **Alexeeva Irina S.**, Cand. Sc. (Philology), Saint Petersburg School of Conference Interpreting and Translation, Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia);

Balliu, Christian, Professor, Dr. Sc., Faculty of Philology, Translation, and Communication, Université Libre de Bruxelles (Belgium); **Belsky, Yevgeniy V.**, Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Viezzi Maurizio**, Associate Professor, Department of Legal, Language, Interpreting and Translation Studies, University of Trieste (Italy); **Gorshkova, Vera Ye.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Eurasian Linguistic Institute (Russia); **Yesakova, Maria N.**, Associate Professor, Cand. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Isolahti, Nina B.**, School of Language, Translation and Literary Studies, University of Tampere (Finland); **Quero Gervilla, Enrique F.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Department of Greek and Slavonic Philology, University of Granada (Spain); **Koltsova, Yulia N.**, Associate Professor, Cand. Sc. (Cultural Studies), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Lee-Jahnke, Hannelore**, Professor, Dr. Sc., University of Geneva (Switzerland); **Manerko, Larisa A.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Marusenko, Mikhail N.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Saint Petersburg State University (Russia); **Mironova, Nadezhda N.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Mishkurov, Edward N.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Matasov, Roman A.**, Cand. Sc. (Philology), Lomonosov Moscow State University (Russia); **Pan, Yong-Kyo**, Professor, Dr. Sc., Graduate School of Interpretation and Translation, Hankuk University of Foreign Studies (South Korea); **Torsukov, Yevgeniy G.**, Associate Professor, Cand. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Forstner, Martin**, Professor, Dr. Sc., University of Mainz (Germany); **Charatsidis, Elefterios K.**, Professor, Dr. Sc. (History), Faculty of Liberal Arts, Democritus University of Thrace (Greece); **Holzer, Peter**, Associate Professor, Dr. Sc., Institute of Translation Studies, University of Innsbruck (Austria); **Khukhuni, Georgiy T.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Moscow Region State University (Russia); **Schmitt, Peter A.**, Professor, Dr. Sc., Institute of Applied Linguistics and Translatology, University of Leipzig (Germany).

Корректор *А. В. Игумнов*
Компьютерная верстка *Ю. В. Одинцовой*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-28752 от 4 июля 2007 г.

Адрес редакции: 119991, ГСП-1, Москва, Ленинские горы, Первый гуманитарный корпус,
к. 1150. *Тел.:* 8 (495) 932-80-72

Подписано в печать 19.09.2018. Формат 60×90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 8,5. Уч.-изд. л. 7,8. Тираж экз. Изд. № 11 058. Заказ №

Издательство Московского университета.
119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11).
Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupress.com
Отдел реализации. Тел.: (495) 939-33-23; e-mail: zakaz@msupress.com
Сайт Издательства МГУ: <http://msupress.com>

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит».
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88.
Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33. E-mail: zakaz@amirit.ru Сайт: amirit.ru

ИНДЕКС 88134 (каталог «Пресса России»)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2074—6636
ВЕСТН. МОСК. УН-ТА. СЕР. 22. ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА. 2018. № 2. С. 1—136.